

**БЫВШИЙ
СЫН** САША ФИЛИПЕНКО

Самое время!

Саша Филипенко

БЫВШИЙ СЫН

«WebKniga»

2014

Филипенко С.

БЫВШИЙ СЫН / С. Филипенко — «WebKniga», 2014 — (Самое время!)

Дебют! Классика жанра, химически чистый продукт: и молоко не обсохло, и сразу роман, и сразу о главном, и никакой политкорректности, и без оглядки на «толстоевских», и – получилось. Обаятельный и талантливый ведущий телеканала «Дождь» дарит своим первым читателям редкую возможность – спустя много лет сказать детям или внукам: «Саша Филипенко? Помню-помню, как он начинал – «Бывший сын». Не читали? Ну как же так! Очень рекомендую». Саша Филипенко стал победителем международного литературного конкурса «Русская премия» в 2014 году

Саша Филипенко

БЫВШИЙ СЫН

Моей бабушке

© Саша Филипенко, 2014

© «Время», 2014

Заканчивалась весна. Стрелки часов двигались к половине девятого. Как низколетящие самолеты, садилось солнце. Редкие мосты укрывали загнанные в трубы реки. Возрастала влажность, испарялся пот. В городе, который больше напоминал сифилитика, таял асфальт. От жары. Срывались акробаты.

Струнами тянулись провода. По маршрутам ходили пустые троллейбусы. Все верхние пуговицы были расстегнуты. Выгорали вещи. В магазинах как никогда хорошо продавалась вода. Духота стояла в арках и переулках. Как говорил великий писатель, земля выпрашивала дождя. Проявлялся первый загар, и старожилы даже перед камерой не могли вспомнить таких погод.

Франциск остановился. Утер лоб. Двумя пальцами ухватил маятник метронома и прислушался: в ванной комнате исправно работала стиральная машина, в кухне как всегда фонила радиоточка. Давали «балет о станках». Флейты с радостью уступали мелодию кларнету, как ливень в землю бил барабан. Играли уверенно и пафосно, впрочем, как и подобает оркестру Гостелерадио – без надрыва и скидок на слабый состав. Поставив виолончель на ребро, Франциск подошел к окну. Метроном вновь заработал. За стеной бабушка болтала по телефону. Второй час. Во дворе рубились в футбол. «Темнеет, – подумал Циск. – Если поделились ровно, меня уже не возьмут».

Не расходились будто бы специально. Франциск постоянно слышал один и тот же призыв: «Назад! Назад!». Судя по всему, одна из команд испытывала проблемы в обороне. Кто-то все время проваливался, кто-то обрезал. «Скорее всего, – думал Франциск, – Вара и Пашка проигрывают». Пытаясь разглядеть играющих, Циск думал о том, что только он мог повторить чудо, которое тремя днями ранее сотворили «Красные дьяволы».

Как старик, тяжело дышал магнитофон. Пленка наматывала звук. Циск нажал на черный квадрат. Аппарат заглох. Теперь оставалось всего ничего: перемотать ленту, включить фонограмму и незаметно выйти в коридор. Проверенный фокус. Циск пользовался им десятки раз. Магнитофон исполнял – бабушка верила.

Все шло по плану: Франциск сидел у входной двери, ключи были найдены, шнурки завязаны, как вдруг – предательски громко хрустнуло колено. Остановился веер. На мгновение повисла тишина. Бабушка извинилась перед собеседницей и обратилась к внуку:

– Ты куда-то уходишь? Я, по-моему, ничего не просила, – Франциск не ответил, но бабушка и не ждала ответа. – Тебе должно быть совестно обманывать близких! То, что ты записал себя на магнитофон – похвально! Во-первых, ты наконец доиграл этюд до конца, чем автор мог бы гордиться! И во-вторых, теперь ты сможешь услышать фальшь. Это очень полезно, мой дорогой!

– Ба, ну почему я не могу пойти?

– Потому что!

– Ба, ну хватит причитать! Там уже все заканчивают! Стемнеет через полчаса. Я хоть в квадрат поиграю...

– Хочешь стать уличным музыкантом? Удачи!

– Из-за дворового футбола уличными музыкантами не становятся! А вот от музыки с ума сходят! Так я пойду?

– Нет! У тебя через несколько дней экзамен! Ты и так на грани отчисления!

– Он все равно после педсовета. После педсовета не отчислят! К тому же вдруг я блесну?!

– Я в этом очень сомневаюсь! Марш в комнату!

– Ба, но такая погода!

– Погода и вправду прекрасная! Ни дать ни взять! И с каждым днем, мой дорогой, она будет становиться все лучше. Сдашь экзамены – насладишься!

– А если со мной что-нибудь случится? Вдруг это вообще мой последний шанс погулять?

– Мне казалось, ты повзрослел, нет? Я смела полагать, что этот аргумент надоел даже тебе! Возвращайся, пожалуйста, к себе и не волнуйся – дома с тобой ничего не случится! Помнишь, как великий поэт написал: «Не выходи из комнаты – не совершай ошибку!»?

– Он, кстати, был тунейдцем! Это даже государство признало!

– С каких пор ты веришь государству? Марш к себе!

Франциск цокнул, отшвырнул кроссовки и вернулся в комнату. Хлопнул дверью и завалился на кровать. Его переполняли юношеская злость и обида. «Старая ведьма опять завела свою шарманку! Образование... Будущее... Коровам хвосты крутить... Что она вообще может знать о моем будущем? Что вообще кто-нибудь может знать о будущем, если две недели назад парень из параллели умер прямо во время урока?! Остановилось сердце. Какой смысл во всех этих занятиях? Какой смысл во всех этих двухголосных диктантах и цепочках трезвучий? Кому нужны эти экзамены по специальности и фортепьяно, кому сдался этот долбаный оркестр три раза в неделю, если можно просто так, за пять минут до перемены, отдать концы?!»

– Ты лежа собираешься играть? – приоткрыв дверь, спросила бабушка.

– Сейчас все равно начнет стучать соседка.

– Иди уже, только береги руки!

Судный день случался каждый год. Так повелось. В последних числах мая в присутствии обессиленных и зареванных родителей сияющий и толстый директор объявлял фамилии тех, с кем больше не по пути:

– Машеров, Калиновский, Костюшко – отчислены! С седьмым «б» вопрос закрыт, переходим к следующим.

Каждый год в конце весны педагогический совет (в лице директора лицея) приходил к одной и той же священной мысли:

– Ковчегу знаний всех не утащить, товарищи! Отстающим – за борт! Отстающим до мира знаний не догresti! Утопающим предлагается барахтаться в других местах!

Закончив лингвистические изыскания, директор лицея, которого за огромный живот прозвали Бугром, подытоживал:

– Уважаемые родители, мы, к счастью или сожалению, второгодничество не исповедуем. Я это вам всем и всегда прямо говорил! Людмила Николаевна, прикройте дверь, там дети опять лезут!

Виновников торжества в читальный зал не пускали. На всех не хватило бы места, не всем хватило бы слов. Чтобы напуганные лицеисты не толпились возле дверей, директор придумал простой и, как ему казалось, чрезвычайно изобретательный ход. Каждый год в день педагогического совета в школу приглашали гостя. Как пить дать – ветерана. Обязательно в орденах, желательно с тростью. На сцену актового зала выносили стол, вазу и три гвоздики. Живые или искусственные (как получалось). Затем на сцену поднимался сам ветеран. Лицеисты аплоди-

ровали и комментировали: «Смотри, песок на ступеньках остался... Сейчас начнет, пердун старый, басни задвигать... отставной козы барабанщик!».

Рядом с ветераном садилась завуч по воспитательной работе: «Выбачайце калі ласка – бегла праз увесь будынак!». Ветеран понимающе кивал, кашлял, поправлял трофейный галстук и начинал очень тихий, идеологически выверенный рассказ о войне. Несмотря на то, что истории о доблести и чести быстро усыпляли лицеистов, новых развлечений директор не искал. Он относился к той категории тренеров, которые в течение всей карьеры использовали лишь одну расстановку. «Зачем выдумывать что-то новое? Кому нужны другие кандидаты? Людмила Николаевна, а давайте пригласим этого... ну как его... ну который в прошлом году приходил...»

Действительно, новых кандидатов никто не искал. Как результат: многие лицеисты небезосновательно полагали, что партизан в стране вообще один. Этот партизан только и делал, что целыми днями бродил из школы в школу и пудрил детям мозги.

Когда вечер подходил к концу, завуч поднимала глаза к портрету первого президента молодой республики и с удовольствием подытоживала:

– Ну что, дети? Раньше, слава богу, был отец всех народов, теперь, слава богу, будет батька! Так что война нам не грозит, не переживайте! – сказав эти архиважные и нужные слова, завуч вскакивала и убегала в сторону читального зала. Ветеран смущенно улыбался и уходил.

В тот горячий майский день все должно было пройти по давно отработанному сценарию. Позолоченные слова о доблести, позабытые стихи о чести. «Мы сражались за Родину, за ваше будущее, нас никто не уговаривал, не пугал, никаких заградотрядов не было, мы всегда мечтали воевать!»

В тот фатально жаркий майский день ни у артиста, ни у многочисленных зрителей не должно было возникнуть проблем с коммуникацией. Ветеран понимал, что отнимает у детей улицу, дети понимали, что ветерана нужно уважать, потому что если бы не он, то непонятно, что сейчас вообще было бы. Вполуха слушая приветственные слова, Франциск раскрашивал спинку впереди стоящего кресла. Его лучший друг Стасик Круковский старательно оттирал пятно на джинсах. Рядом шептались, щипались и передавали записки. Кто-то доделывал последнюю в году работу по сольфеджио, кто-то отчаянно изображал храп. Одним словом, встреча проходила в привычной и дружеской атмосфере, но вдруг зал превратился в слух. Лицеисты притихли. Внезапно ветеран сказал то, что не имел права говорить.

Образовательная машина дала сбой. Кто-то ошибся. Кто-то недоглядел. Недоглядели крупно! Не заметили бревно. В чужом глазу. В лицей пригласили «неправильного» человека. Только теперь все увидели, что он пришел без орденов и начал рассказ о другой, не пафосной, но только своей войне.

– Ребята, я вам сразу хочу сказать: я не воевал с германтами. Видите, у меня и награды нет. Мне их не вручали. Я не ветеран в общепринятом смысле этого слова. Я не знаю, стоит ли мне вообще продолжать?

Испуганная завуч утвердительно кивнула вавилонской башней на голове.

– Ну тогда, если можно, я продолжу. Меня не зовут на парады. Да я бы и сам, без сомнений, не пошел. Мне как-то даже странно, что ваш учитель истории Валерий Семенович меня пригласил. Он попросил меня рассказать о том, как все было... А как все было? Херово все было, ребята!

Зал онемел. Потерял голос. Стих. Абсолютный штиль. Ковчег искусств остановился. Сломалась мачта – поник парус. Дети перестали дурачиться. Франциск перестал рисовать. Пятно исчезло. Стас огляделся по сторонам: ни одной волны по рядам, ни одного движения. Замолчали даже те, кто обладал патологической способностью болтать.

– Мы воевали против всех. В это теперь никто не верит. Теперь говорят, что такого не могло быть, но было, было, ребята, хотя многие считают меня сумасшедшим. Грубо говоря, было так, ребята: по утрам мы воевали против полицаев, по вечерам против красных. Да-да, против всех. У нас не было священной освободительной войны. Мы не двигались с востока на запад или наоборот. Нет. Мы стояли здесь. На месте. На своей земле. Стояли, понимаете, ребята? Мы не бросались на дзоты. Не жертвовали собой ради вождя. Нет, ребята, у нас ничего этого не было! Я не могу рассказать вам ничего из того, что рассказывают в фильмах о войне, потому что война наша была совсем другая. Война наша была грязная, мерзкая и похабная, потому что война эта, ребята, была по сути гражданская. Кто-нибудь в зале знает, чем отличается гражданская война от обычной?

– Да-а-а-а, – послышалось с последних рядов. – Это когда свои своих мочат.

– Правильно, ребята. Это самая страшная была война. Потому что врагами были не только германты, но и свои... Но и свои, понимаете? Лично я никогда никого не винил. Когда начинается война, тебе всегда предоставляется шанс выбрать сторону или остаться в стороне, или хотя бы попытаться остаться в стороне. Я вам, ребята, так скажу: если, не дай бог, когда-нибудь начнется война, вы сядьте и хорошенько подумайте: за кого вам воевать и воевать ли вообще! Решать будут большие дяди, которым самолетами будут поставлять свежие фрукты, а погибнете вы – очень быстро и всего один раз погибнете. Поверьте мне, я видел, как погибают люди – не бывает у них вторых жизней. Поэтому всегда, всегда-всегда думайте! Хорошо думайте! Много!

– Чё-то я не понял! Так вы что, все-таки за германтов валили? – послышалось с последних рядов.

– Нет, ребята, не за германтов. Нет! Но знаете, я всегда как рассуждал: если тебе близки их идеалы, если ты ненавидишь красных, если веришь обещаниям сумасшедшего хлюпика – валий в полицаи, а почему бы и нет? Занимай их сторону, если ты только веришь! К тому же, у них очень красивая форма была! Мне, честно говоря, всегда очень нравилась их форма. Им же ее очень известный модельер шил. Я всегда думал, что они хорошо, во всяком случае гораздо лучше нас, выглядят. Но это единственное, что мне в них нравилось. Все остальное, ребята, я ненавидел! Они хотели нас переделать, а это самое страшное. Много можно вытерпеть, пережить, но одного, ребята, допускать нельзя. Нельзя допускать, чтобы вас переделывали в кого-то другого, понимаете?

– Ну началось...

– Кобрин! – со злостью выкрикнула завуч.

– А что так сразу Кобрин?! Меня, может, тут вообще нет!

– Выходит, ребята, я должен был пойти к красным?! Действительно, почему бы мне, простому местному парню, не погибнуть за красных? Они сидят в своих городах, отправляют поэтов и музыкантов в эвакуацию, расстреливают моих родителей за то, что те говорят на своем языке... Действительно, почему бы мне не сражаться за их вождя? За старшего брата?! Почему бы мне не отдать жизнь за безумца, который не может поделить карту континента с таким же идиотом, как он?! Действительно, если ты веришь, то почему бы и нет? Но я, ребята, не верил! Никогда не верил!

– Кому же вы верили? – с нелепой улыбкой спросила завуч.

– Никому! Ни одним, ни другим. Я верил только в свой дом. В свою землю. В небо над моей головой. Я верил в то, что только я могу и должен решать, где и как мне жить.

– И что же вы сделали? Дезертировали?!

– С вашей колокольни, думаю, это называется именно так. Да. Я ушел в лес...

– Струсил, значит? – с ехидным смешком, рассчитывая на поддержку последних рядов, спросила завуч.

– Германты принимали меня за партизана, партизаны и красные – за полицая. Я же говорю, так я и воевал: утром с одними, вечером с другими. Если вы называете это трусостью, хорошо, я струсил.

Зал зашумел. Лицеисты стали что-то объяснять друг другу, доказывать, спорить.

– Вы что, один против всех валили?

– Нет, конечно! Нас было много. Очень многие так поступили, но об этом теперь не принято говорить. Победили не мы. А рассказывать про войну положено только победителям. Моя жизнь, моя судьба, есть одно перманентное отступление. Таких, как я, как бы нет. Я провёл несколько лет, скрываясь в лесах, в домах католиков и униатов. В сорок шестом я, как и многие мои товарищи, уехал на хутор и жил там один около двадцати лет. Потом стал иногда выбираться в город, но лишь в девяносто первом, спустя сорок шесть лет после войны, увидев над столицей наш флаг, я понял, что мы победили.

– Недолго вы радовались, – тихо, сквозь зубы, так, чтобы услышал только ветеран, процедила завуч.

Встреча с ветераном оказалась самой длинной за всю историю лицея. Несмотря на то, что завуч всячески пыталась ее прервать, дети не отпускали гостя. В течение двух с лишним часов лицеисты пытали ветерана. Они спрашивали, вскрикивали и восклицали, требовали и удивлялись, оценивали и не верили собственным ушам. Он рассказывал, и они не зевали, потому что ветеран выдавал секрет. Ветеран рассказывал то, что никто никогда не рассказывал. Он приоткрывал запретную дверь – и дети не могли не пойти за ним. Когда встреча закончилась, Франциск с друзьями решили подняться в свое секретное место – туалет на четвертом этаже.

Место, в которое не заходили даже самые строгие воспитатели. Мужской клуб шестнадцатилетних. «Зона отчуждения» на территории Республиканского лицея искусств. Исписанные «острыми» скабрезностями стены, пустившая трещины плитка. Унитазы без ободков и вырванные нотные страницы, которые, предварительно смяв, использовали вместо туалетной бумаги. Передавая по кругу сигарету, друзья продолжали обсуждать только что закончившуюся встречу:

– Нават не верыцца. Гэта ж сапраўднае самагубства!

– Так! Немагчыма паверыць! Дай паперу, – попросил Циск.

– Фу! Як шманіць ад цябе! – констатировал Стас.

– Ад дзеда твайго шманіць!

– Да заткніцеся вы оба! – встрял Кобрин, которого с самого утра мучал понос. – Какого хера вы опять язык поменяли?

– А чаму у сваёй краіне мы не можам размаўляць на роднай мове? Ці нам трэба у цябе, бздуна, пытаць?

– Отец твоей бздун! Разговаривайте, но определитесь... Вы язык, как баб, меняете. Вчера один, сегодня другой! Завтра вы на каком будете разговаривать?

– Что же в этом плохого? – выглядывая из-за бетонной перегородки, с добродушной улыбкой спросил Франциск.

- Смотри в штаны не наложи!
- Не волнуйся, я, в отличие от тебя, дрысты, свою личинку уже отложил! Но ты мне все-таки ответь, почему тебя так раздражает, что мы говорим на родном языке?
- Меня раздражает только то, что это искусственно! Вы не думаете на этом языке, вы не видите на нем сны, вы не можете шутить на этом языке. Согласись, ты ни разу в жизни не рассказал мне анекдот на нем...
- Тут я с тобой полностью согласен. Все так. Но это не отменяет того, что время от времени у меня возникает желание говорить на этом языке.
- Почему?
- Да потому что он мне тупо нравится! Потому что я хочу чем-то отличаться от других. Потому что мне не хочется говорить на языке людей, которых однажды прислали сюда в качестве надзирателей.
- Циск, но ты же говоришь с ошибками!
- Да! Потому что я только учусь! А ты думаешь, что ты говоришь без ошибок? Ты сегодня утром сказал прекрасную фразу: «ложу в шуфлядку». Ты на каком языке это сказал?
- Понятно на каком...
- Это тебе понятно, а носителям этого языка, уверяю тебя, нет! Ложат, мой дорогой, в штаны, а вещи кладут!
- Хера ты тут умничаешь? У тебя «три» по языку!
- Потому что я, в отличие от тебя, не списываю у Насти!
- И я не списываю!
- Да списывай ты. Хоть весь дневник у нее перепиши! Мне похер! Потому что я, в отличие от тебя, знаю, что нет такого слова – «шуфлядка»!
- Как нет, если в каждом столе есть шуфлядка!
- А вот так! В столе есть – а в языке нет!
- Франциск прав, – застегивая ширинку, перебил Круковский, – нет такого слова! То есть теперь оно есть, потому что мы его употребляем, но пришло оно к нам не с востока, а от германтов. Я думаю, еще во времена первой оккупации. У них, я узнавал, выдвижной ящик стола называется schublade. А у твоих больших братьев, за которых ты так печешься, этого слова, конечно, нет.
- Да идите вы в жопу! Ни о ком я не пекусь! Просто тупо, что вы вдруг решили поменять язык. Глупо начинать говорить на одном языке, если все вокруг говорят на другом.
- Спешу тебе напомнить, пока что у нас все обучение ведется на этом, как ты выразился, одном языке.
- Не волнуйтесь! Недолго осталось! Со следующего года все вернут!
- Непонятно, чему ты радуешься!
- Я радуюсь здравомыслию! Западная часть страны – пожалуйста, пусть говорит, но здесь мы всегда говорили на этом языке!
- Да, ты прав, здесь всегда говорили на языке нашей старшей сестры. На великом и могучем!
- Он-то тебе чем не угодил?!
- Да нет, всем угодил! Мы же братские народы! Мы же младшие братья, блядь! Мы же в одних окопах гнили и бля-бля-бля. Жаль только, что память у нас такая же короткая, как твой член! Но что с нас возьмешь? Мы же младшие, туповатые, мы же как бы похуже немного! Мы все зазубрили то, что во время войны с германтами погиб каждый четвертый, но почему-то никто из нас не помнит, что во время кровавого потопа, который устроили наши дорогие старшие братья, погиб каждый второй. Нас было пять миллионов, а стало два с половиной!
- Блядь, Франциск, когда это было?! Ты бы еще бабушку свою вспомнил!

– И вспомню! Перейди детскую железную дорогу, зайди в парк и посмотри сколько людей в начале века расстреляли только за то, что они говорили на своем языке! Ты просто представь себе всех этих людей! Просто представь что они были, а потом в один день их расстреляли. Расстреляли наши дорогие братья. Расстреляли не за кражи, не за убийства, не за разбои, но только за то, что они говорили на своем родном языке. На языке, на котором действительно думали и умели рассказывать анекдоты. Нас с Круковским могли бы сегодня расстрелять только за то, что мы сейчас вот на толчке немного попиздели!

– Могли! Раньше много за что могли расстрелять! За стихи могли, за все что угодно могли. Но они и своих валили! Не в языке была проблема.

– А мне какое до этого должно быть дело?! Мы – другая страна, мы – другой народ! Пойми это! Здесь мы должны решать, как нам жить и разговаривать! Так что ты не прав!

– Нет, ты не прав!

– Да ладно вам, забейте! Нашли из-за чего ссориться!

– Нет, это важно! – совершенно серьезно ответил Франциск.

– Важно, важно! – согласился Стас. – Но не настолько, чтобы вы сейчас, как идиоты, срались со спущенными штанами.

– Мир?

– Мудак!

– Сам мудак!

Когда дипломатические отношения между двумя ячейками туалета были восстановлены, ребята решили раскурить последнюю сигарету дружбы и, забыв о войне, истории и языке, переключились на не менее важную для подростков тему.

– Когда я попаду в рай, – начал Стасик.

– Никогда! Бульбаноиды не попадают в рай!

– Это еще почему?

– Аксиома!

– Ну знаешь...

– Лично я не верю в рай, – выпустив дым, сказал Циск.

– Будьте любезны, разъясните, спадар Лукич!

– Очень просто! Смотрите, допустим, я попадаю в рай...

– Да твоя дура даже в двери не влезает, что уж там про рай говорить!

– Придурок, я самый худой из нас всех! Короче, допустим, я попадаю в рай... А что такое рай? Сплошное удовольствие. Девочки, алкоголь, победа любимой команды. Если я попал в рай, значит, моя команда всегда должна побеждать, верно? Верно!

– Ну... допустим...

– Допустим! Ну и вот, побеждает моя команда во всех кубках, выигрывает во всех лигах – и вдруг в рай попадает Круковский со своей любовью к «автозапчастям»...

– Всяко лучше, чем за «мусоров» гонять!

– Я же не виноват, что других команд в городе нет! Но не суть. Если рай это то, что все мы о нем думаем, если рай это место, от которого после нашей ужасной земной жизни все мы должны получать максимум наслаждений, значит команда Круковского тоже должна побеждать!

– Ну допустим...

– Как это допустим?! Что это за говно, если и его, и моя команда все время побеждают?! Кто-то должен проигрывать, иначе это обман!

– Ну, будут побеждать и его, и твоя команда! Просто вы не будете знать об этом!

– Ну уж нет! Я хочу попасть в такой рай, где выигрывает только моя команда. В противном случае нахуй такой рай?!

- Исходя из твоей логики: в рай могут попасть болельщики только одной команды...
- Ага! Болельщики сборной папского престола, – смыв за собой, подытожил Кобрин.

Пока ребята кашляли в туалете на четвертом этаже, в читальном зале, преодолевая усталость и духоту, преподавательский состав продолжал озвучивать вердикты: отчислить – пожалеть, оставить – выкинуть. О ком-то спорили, кого-то исключали без лишних сожалений. При открытых окнах, под шелест здоровой листвы, среди прочих рассматривались дела шестнадцатилетнего Кобрин (за отвратительное поведение и двойку по географии) и его сверстника Лукича (без объяснения всем понятных причин). Если Кобрин от волнения весь день пробирав понос, то Циск, напротив, мог похвастаться отличным пищеварением. Он знал, что ничего не случится, что все пройдет хорошо. В такие дни Циск нередко испытывал чувство незаслуженного превосходства. Он понимал, что, в отличие от мамы Димаса, которая всю жизнь проработала проводницей, его бабушка обязательно найдет и предъявит суду нужный и решающий аргумент. Предъявит, впрочем, тайно: «Франклина» в кабинете директора, «пятую Шанель» в гостях у завуча по музыкальной работе. Если о чем-то и стоило переживать, так только о том, что после педсовета бабушка опять заткнет ему «ебанистический» скандал. Будет говорить, говорить, говорить; и все равно в конце концов похвалит. Франциск был разгильдяем, но ходил в любимчиках у многих преподавателей. Для них он был не только источником дополнительного дохода (взятки брали не все), но и обладателем живого, наблюдательного ума. Циск никогда не зубрил, однако почти всегда знал даты сражений, объединений и распадов, не рылся в шпаргалках, но с легкостью выкорчевывал генеалогические деревья знатных и не очень родов. Всякий раз, когда в конце мая вставал вопрос об отчислении окончательно распустившегося Лукича, преподаватели истории и литературы вставали на его защиту.

- Мне кажется, исключать Лукича нецелесообразно...
- Валерий Семенович, так и скажите, что вам на лапу дали!
- Уж кто бы говорил, Наталья Сергеевна! Быть может, дело обстоит ровным счетом наоборот? Быть может, это вам в этом году повезло?
- А что я? У вас есть какие-нибудь доказательства? Я, наоборот, жалилась над его бабушкой! Я, а не вы, поставила ему «три», хотя у него в четверти: «три»-«два», «три»-«два»!
- Коллеги, давайте вернемся в русло дискуссии. У Лукича в этой четверти две двойки. Опять гармония, и на этот раз история... Валерий Семенович, почему же вы его защищаете? Он же по вашему предмету двойку получил! Что у него в первых четвертях было?
- Три тройки...
- За что же вы его так любите? Я вот смотрю в журнал... хуже учеников у вас нет...
- Плохие оценки демонстрируют только то, что он ленив, но не глуп...
- Нам нужно, чтобы он знал школьную программу, а не поражал вас своими суждениями.
- Мне казалось, что нам важно воспитать думающего человека...
- Вам неправильно казалось, Валерий Семенович. Человек уже по определению своему существо мыслящее. Так что не следует изобретать колесо. Все уже сделали до нас. А раз уж речь зашла о думающих людях... Быть может, дело всего лишь в том, что он разделяет ваши сомнительные политические взгляды?! В шестнадцать лет несложно встать на путь нигилизма!
- Что значит сомнительные? Что вы имеете в виду?
- Вы прекрасно знаете, что я имею в виду! Всем известно, Валерий Семенович, до какой степени вольно вы трактуете написанные в учебниках постулаты...
- Какие именно?
- Что значит, какие именно?
- Я спрашиваю, какие именно постулаты? Ответьте мне! Какие постулаты? А то вякнете и сразу, как Штраус, голову в песок прячете!
- Ваши каламбуры, Валерий Семенович, уже давно никого не смешат! Вам нужны примеры?

– Да уж хотелось бы...

– Вы ведь рассказывали ученикам про сто пятнадцатый полицейский батальон, не так ли?

– Сто восемнадцатый, если быть точным. Да, рассказывал, и что здесь такого?

– Как это что?! Нет, ну надо же?! Он еще спрашивает, что здесь такого?! Какой нахал!

А то, Валерий Семенович, что любому ребенку известно и должно быть известно впредь, что деревню сожгли германты, а не ваш батальон, как вы утверждаете! Вы что, были там? Свечку держали?

– Очень остроумно! И батальон был не мой. Но не суть! Можно я задам вам один только вопрос? Один вопрос: какие германты?

– Что значит, какие германты?

– Я у вас спрашиваю, какие германты сжигали деревню?

– Обыкновенные... которые были здесь... это всем известно!

– Всем известно? Кому всем? Всем, кто жил? Кто воевал?

– Да!

– Всем известно, что в то время фронт стоял далеко отсюда! Германты были тут в лучшем случае один на деревню или даже на район! Были полицаи, но они формировались из нас, лабасов и хохлов, причем здесь германты? Именно это я и объяснял ученикам. Ничего больше. Я рассказываю факты, а не пережеванные сказки ваших авторов! Германты сжигали деревни. Это факт. Я их не оправдываю, но я за историческую справедливость! Быть может они сжигали какие-то другие деревни, но не эту! Эту точно сожгли хохлы! То, что на ее месте построили мемориал и теперь неудобно копать в правде, не моя вина!

– Ваш долг, дорогой мой, объяснять то, что написано в учебнике! Вы преподаватель! Вы должны растолковывать! Вам платят за то, что вы помогаете ученикам освоить программу! Только и всего! Вам не нужно ничего добавлять от себя! Я повторяю, Валерий Семенович, вам нужно объяснять то, что написано в учебнике! А в учебнике – и вообще во всех источниках – написано, что палили германты! Это одна из главных страниц в истории нашей страны! Понимаете? Это историческая святыня! Это как наш герб, как флаг, под которым сражались наши деды! Это почти наше все!

– Но ведь есть точные свидетельства!

– Государству виднее! Вы обычный учитель, а вопросами нашей истории занимаются более компетентные люди! Если вы у нас такая умница-разумница, что же вы, Валерий Семенович, не работаете в Академии наук? Вас послушаешь, так при германтах вообще жилось лучше, чем при нашей власти.

– При вашей! Для меня она не наша!

– Не перебивайте меня! Родители жалуются, что вы рассказываете детям, будто германты открывали школы, кормили тут, понимаешь, всех подряд шоколадом, а наши родные братья, люди, с которыми мы гнили в одних окопах – варвары какие-то получают! Вас послушать, так на севере города тоже они расстреливали, а не германты...

– Да какие германты в тысяча девятьсот тридц...

– Давайте остановимся! Ваша позиция, Валерий Семенович, нам ясна, спасибо! Садитесь, но пожалуйста, следите за своими словами. Мы вас очень ценим как педагога, и лично мне было бы обидно расстаться с вами из-за вашей же странной жизненной позиции. О своих взглядах вы можете заявлять на выборах! Вот в кабинке и самовыражайтесь! А здесь у нас не цирк! И даже не парламент! У нас здесь лицей! Очень известный лицей! Так что давайте вернемся к Лукичу. Есть еще кто-нибудь, кто хотел бы за него заступиться?

– Да... Я, если можно...

– Лидия Ивановна! Вы? Господи, да что же у вас у всех за скандинавский синдром такой? Вы же сами третьего дня рыдали у меня в кабинете! Кто мне говорил, что он вечно не готов? Что подшучивает над вами?

- А изложения пишет лучше всех...
- Простите, можно я кое-что скажу?
- Да, Людмила Антоновна...

– Я вот тут все слушаю и понимаю, что у нас тут многие забывают о том, что мы прежде всего музыкальный лицей. Мы готовим музыкантов, такая у нас, так сказать, специализация. Что мы можем сказать о Лукиче как о музыканте? Есть ли у него талант? Есть ли будущее? Будет ли он когда-нибудь зарабатывать на хлеб тем, что играет на виолончели? Станет ли музыка его хлебом? Бесспорно нет! Это так, для начала. Теперь давайте поговорим о его профессиональном инструментарии. Чем он обладает? Чем может похвастаться? Есть ли у него хотя бы абсолютный слух? Абсолютного слуха у Лукича нет! Я бы сказала слуха вообще нет! Он глухой! По сольфеджио у него вечно двойки. У него руки не сходятся, понимаете? Ну не может он одной рукой дирижировать, а второй играть и еще петь при этом! Сложно ему, а вы мне что-то тут рассказываете о том, что он должен остаться с нами! Не должен! Не должны у нас оставаться дети, которые не могут элементарный однопольный диктант написать! Я вообще не представляю, что мне с ним делать. Теперь давайте посмотрим дальше. Какие у него дела по фортепьяно? Вы слышали, как он играет? Кто-нибудь из вас бывал на его экзаменах? Хорошо, если к экзамену он сводит пьесу двумя руками! Он же месяцами в классе не появляется! И последнее – специальность. Получится ли из Лукича виолончелист? Хороший, добротный виолончелист? Сможет ли он поступить в консерваторию, сесть в яму? Совершенно точно, нет! Ему уже сейчас очень сложно справиться с программой. Он очень отстает. И что вы предлагаете делать? Тянуть эту волынку, чтобы в конце концов перевести его на контрабас? Пожалейте же хотя бы педагогов контрабаса! Они-то чем вам не угодили? Почему они вечно должны мучиться с лентяями? Почему, если дети ничего не хотят делать, если не любят музыку, мы их или на тубу, или на контрабас? Музыка не терпит бездельников! Здесь нужен труд, труд и еще раз труд. Лукич не знает, что это значит! Если у него есть какие-то успехи в литературе или истории, я очень за него рада, но еще раз хочу напомнить – мы готовим музыкантов, а не горлопанов и писак.

- И многих вы уже подготовили?
- Кого?
- Музыкантов?

– Не говорите глупостей, Валерий Семенович! Вы же сами прекрасно знаете, что половина консерватории – наши воспитанники!

– А дальше что? Дальше кем они становятся, ваши воспитанники? Продавцами оргтехники! Третьи скрипки в оперном театре? Где солисты, где имена? Кто прославил наш лицей? За тридцать с лишним лет вы воспитали хоть одного настоящего музыканта? Великого музыканта? Кем мы гордимся? Назовите мне фамилию хоть одного ученика, о котором пишут в газетах? Есть у нас знаменитости? Кого все знают? Не помните? А я вам напомню! Однофамилец великого поэта. Помните, чем он прославился? Он вывалил перед резиденцией главы государства кучу навоза и проткнул портрет президента вилами. Все! Вот о ком вспоминают в связи с нашим лицеем. Ничего вы не сделали со своими диктантами и разрешениями доминанты в тонику! Вам давно пора признать, что вы готовите не музыкантов, а сторожей и дворников от искусства. За тридцать лет мы не вырастили ни одного музыканта мирового уровня! Ни одного! Все сплошь кадры для президентского оркестра, который встречает послов из стран третьего мира. Кем они станут? Кем? Кем, я вас спрашиваю? Давайте вместе расскажем им о музыке, истории, литературе, живописи. Давайте научим их самым простым вещам: думать, сомневаться и задавать вопросы, а не на славянском позоре аккомпанировать бездарям.

– Коллеги, так мы можем очень далеко уйти. Я призываю вас к спокойствию и порядку! Конец года, все мы, конечно, устали! Скоро лето, отдохнем и, так сказать, в новый год и в новый бой. Валерий Семенович, вы, конечно, очень интересно рассказываете, жаль только,

не по делу. Все мы знаем, что музыканты и художники у нас в лицее получают хорошие... добротные... качественные. Ребята на трубах играют, девочки пейзаж могут нарисовать. Без мазни выпускаем! Государство не жалуется. Вот хотели же нас закрыть и академию милиции здесь сделать, но потом государство поняло, как мы важны! Так что давайте не будем ставить под сомнения успехи нашего музыкального отделения! У нас грамот много! Давайте лучше продолжим. У нас впереди еще двенадцать человек. С Лукичем, я так понимаю, вопрос решен, исключаем...

Когда в туалете собралась вся компания, Круковский предложил не дожидаться вынесения приговоров, но поскорее поехать на концерт. Не согласились только Циск и Кобрин. Кобрин боялся отчисления, Франциск – большого скопления людей.

– Повалили на концерт!

– А хера там делать?

– Фестиваль пива! Пойло бесплатное, а ты спрашиваешь, хера там делать?!

– Не самая приятная компания: мы и двадцать тысяч пьяных идиотов, которые стянулись со всего города на запах бесплатного бухла...

– А ты абстрагируйся, Лукич! Представь, что вокруг никого нет.

– Очень сложно абстрагироваться, когда у тебя пейджер отбирают...

– А Настя твоя, что, не идет?

– Да идет вроде... в том-то и дело...

– Значит то, что мы тебя зовем – тебе похер, а то, что какая-то дура – повод!

– Она, между прочим, моя девушка...

– Это не отменяет того, что она дура!

В метро Стасик, как обычно, коверкал названия станций: «Парк скулацоуцау», «Укради меня паук», «Площадь ебу я Коласа», «Площадь мне не в могь» и, наконец, «Октеблятская». На ней решили выйти и спуститься к старому городу пешком.

Франциск искренне боялся больших праздников. Фестивали, дни города, парады Победы. В такие дни коренные жители столицы предпочитали сидеть по домам. Всенародные гулянья, как правило, плавно перетекали в кулачные бои. Повода для драки никто не искал. Достаточно было того, что ты одет не так, как человек, который первым наносит удар. Спровоцировать насилие могли новые кроссовки или дорогой рюкзак. После референдума девяносто пятого года количество таких уличных драк выросло в геометрической прогрессии. Страна разделилась на предателей и тех, кто голосовал за воскрешение великой Империи. Последние победили – отныне большой город в восточной части континента принадлежал им, православным атеистам. Детям и внукам активистов низших сословий и секретарей первичных партийных организаций. Всякий раз их массовые гуляния превращались в обыкновенный шабаш, где верноподданные нового президента могли вдоволь насладиться своей крепнущей день ото дня властью. Именно здесь, на главных площадях города, они имели полное и святое право напомнить проигравшим, кто теперь в доме хозяин.

Насте не нравилась ни одна из выступающих на концерте групп, однако она считала, что такое событие пропускать нельзя: «У нас все равно ничего не происходит! Для нашей деревни даже это событие – событие!».

Условились, что Циск будет ждать ее у выхода из метро. Долго решали, у какого именно, и в конце концов сошлись на том, что ближе к Ледовому дворцу. Небо было чистым и во всех отношениях ясным.

– Ладно, жди свою идиотку! Мы пошли к сцене. Там сигареты, говорят, бесплатно раздают.

– Хорошо, давайте, там и встретимся.

– Прямо к сцене подходи!

Ожидая Настю, Франциск разглядывал прохожих и про себя шутил над безвкусно одетыми сверстниками. Когда первая капля дождя упала на лицо, Циск был всего в нескольких шагах от перехода, но к укрытию не поспешил. Вода показалась чем-то инородным. При такой жаре о дожде не могло идти и речи. Здесь не было места осадкам – одной лишь духоте. «Наверное птица, черт ее дери», – подумал Циск.

Через мгновение вылазка повторилась. Вновь капля. И еще. Кап-кап. И еще и еще. Moderato, allegro и тотчас presto, одна за другой, величиной с вишню. Подняв голову, Франциск увидел изменившееся, вмиг ставшее черным, как асфальт, небо. Дал ливень. С градом. Содрогнулась земля. Рухнула температура. Посыпались ледяные осколки. Как стекло. Будто кто-то разбил небо, будто кто-то включил ледяной душ. Затрубил гимн воде. Застучал камертон. Страшный. Циск огляделся: «Курва!» – со всех сторон, словно в смыв, многотысячная толпа потекла в переход. Франциск остолбенел. Вздогнул. Съежился. Холодная майка прилипла к телу. Промокли кроссовки. Ему следовало бы срочно что-нибудь предпринять, но он не мог поверить собственным глазам. Несколько тысяч человек бежали прямо на него. С юга, с севера, справа и слева. Как все перелетные птицы мира. В одну только точку, туда, где было одно-единственное, ближайшее укрытие от дождя. Задрожали руки. Очнувшись, Циск попытался перебежать дорогу, но было поздно – путь преградил милицейский кордон. На проезжую часть никого не пускали. Человек в серой, как небо, форме приказал возвращаться назад. Франциск попался. Он понял, что теперь может бежать только в переход. Кто-то толкнул в плечо. Затем еще и еще. Франциск вдруг почувствовал, как ноги, против его воли, оторвались от земли. Толпа понесла его к мраморным ступеням. Циск не мог поверить собственным глазам. Носки едва касались асфальта, и он с бешеной скоростью приближался к входу в метро. С каждой секундой толчки становились все более грубыми. Теперь Франциска не подталкивали, его несли и били. Грубо и сильно. Циску впору было переживать за собственную жизнь, но в тот момент он еще не понимал, к каким последствиям приведет зарождавшаяся давка. Франциск опасался, что кто-то испачкает его новые кроссовки, вытащит кошелек. Он безуспешно пытался проверить задний карман, но никак не мог этого сделать – обе руки затянула толпа. То, чего так опасался Франциск, случилось уже через мгновение. Кто-то наступил на пятку. И еще. Франциск хотел обернуться, но не смог. Кто-то ударил по почкам. Несколько раз. За одно мгновение Франциск достиг крайней точки страха – Франциском овладел ужас. Мокрая до последней нитки толпа продолжала окружать один-единственный подземный переход. Люди все еще жаждали попасть туда, где первые сотни уже столкнулись с закрытыми дверями метрополитена: в связи с проведением массового мероприятия, в целях безопасности, станцию решили закрыть. Огромный пресс включился. Спавшее тысячи лет животное открыло налитые кровью глаза. Мясорубка заработала. Зверь зарычал. Толпа воссоединилась. Раздался жуткий крик – раздавили тишину. Сломались первые кости. Затоптали женщину и ее дочь. В сухом переходе пролилась кровь. Всех, кто в это время оказался рядом, ожидала та же участь. Смерть. Там, наверху, никто не хотел мокнуть, и значит здесь, у залитых кровью закрытых дверей, следовало уплотниться. Куча мала. Веселая детская игра, которую в тот вечер решили доиграть до конца. Одну за другой головы полуживых людей сдавливал огромный дьявольский пресс. Ученые утверждали, что костная ткань на сжатие примерно в пять раз прочнее железобетона, но прямо на глазах Циска мужчине сломали берцовую кость. Франциска душили. Он чувствовал резкую боль в правом запястье, но по-прежнему не мог высвободить руку. Чье-то тело

прижимало ее к стене. Под ногти забивалась грязь. Начиналась животная борьба за жизнь. Те, кто еще мог двигать конечностями, пускали в ход кулаки, кастеты и ножи. Остальные пытались дышать: наивно, глупо, подобно рыбам открывая рты. Паническая пульсирующая толпа, словно волна, раскачивалась то в одну, то в другую сторону. Каждый старался отвоевать себе хотя бы сантиметр личного пространства, но сделать это было уже невозможно. Чья-то голова уперлась Франциску в кадык. Он не мог ее оттолкнуть. Кто-то сорвал с шеи ключ. Распущенные женские волосы лезли в глаза, нос, рот. Заканчивался воздух, чесалось горло. Между тем сзади продолжали давить. От боли разрывало поясницу. Чьи-то зубы, как если бы это была собака, вцепились в голень. Огромный организм вступил на путь самоуничтожения. Хвост страшного существа пожирал его голову. Люди дрались, брыкались, бились. Ноги уже давно не касались ступеней. До них было больше метра. Все плыло, все смешивалось...

...Пытаясь отыскать опору, Франциск посмотрел вниз. Мрамор был завален людьми. Циск не понимал, как они оказались под ним. Теперь он видел лишь окровавленную девушку, чья голова подвергалась такому напору, что ее правый глаз увеличился в несколько раз. Франциск испугался, что этот самый глаз вот-вот лопнет и заляпает его, но глаз продолжал жить. Он запоминал последние мгновения жизни своей хозяйки, этот выпученный от колоссального давления глаз, сканировал орущих. Все это длилось не более мгновенья, но Франциску показалось, что огромный глаз рассматривал его целую вечность. Он что-то внушал ему, объяснял, Франциск не мог оторваться от этой огромной линзы, но вдруг, словно вспышка, чей-то каблук вошел ровно в глазное яблоко. От ужаса Франциск зажмурил глаза. Когда он вновь открыл их – девушки уже не было. Франциск находился в каком-то другом месте. Будто младенца в утробе матери, его несколько раз перевернуло. Теперь он не мог понять, где земля, а где потолок; невидимая пуповина, спасая или губя, тянула его дальше. Франциск слышал, как каждое мгновенье, то справа, то слева обрывалась жизнь. Всякий раз это был один и тот же глухой характерный звук: будто кто-то прокалывал целлофановые шарики. Все это время Циск молчал, но вдруг, осознав, что где-то здесь, быть может всего в нескольких метрах от него борется за жизнь его возлюбленная, закричал: «Настя! Настя! Где ты? Настя!». На крик тотчас кто-то отозвался и ударил Франциска в висок. Кричал не только Циск. Кричали все. Кричали так громко, что никто не слышал собственного голоса. Кричали еще громче, потому что каждый второй был оглушен. Кричали что есть силы, как дрались:

Уебище!

Убери руки!

Господи!

Животное!

Да что же вы делаете, твари?

Блядь!

Помогите!

Люди добрые...

Франциск двумя руками упирался в потолок перехода, штукатурка забивалась под сломанные ногти и неведомая сила продолжала засасывать его вглубь людского болота. Незнакомая, неизвестная, непонятная, темная, серая сила засасывала туда, где почти не оставалось воздуха. Заканчивался кислород, выходила из строя вентиляция. Один за другим, одна за другой парни и девушки теряли сознание, превращаясь из борющихся за собственную жизнь созданий в нелепые орудия убийства...

...За несколько минут переход забился как сток. Средство от людского засора пришлось выдумывать на ходу. Вверху, перед ступенями, люди, которые поняли, что происходит, попы-

тались докричаться до неуправляемой многотысячной толпы: «Назад, назад! Назад, блядь, – там пиздец!»...

Но толпа продолжала наступать. Мокрые люди, смеясь, бежали к укрытию. Как волны о волнорез, о переход разбивались люди. Их становилось все больше и больше. Прорвав оцепление, они все еще старались пробраться ко входу, туда, где за стеклянными дверями, стоял милиционер. Он наблюдал за тем, как под потолок забиваются тела – и от ужаса не мог сдвинуться с места. Мужчина в серой, как небо, форме смотрел на смерть и, словно замороженный, повторял рыдающей кассирше одну-единственную фразу: «Ёп твою мать...».

Милиционер видел Франциска. Это был обычный подросток, которого прижало к стеклу. Милиционер думал, что прямо сейчас, через мгновение, у этого парня треснет черепная коробка. Оказавшись под душным одеялом, сшитым из десятка человеческих тел, этот подросток потерял сознание или умер. Милиционер не разбирал. Он только повторял: «Ёп твою мать...».

Придя в себя, удерживая двумя руками рацию, милиционер сообщил в эфир: «Наверное, нужно подкрепление»...

Он пытался расслышать ответ командира, но хруст позвончиков и невообразимый ор все заглушал...

...Когда толпу удалось остановить, в небольшом переходе скопилось около пятисот тел. Окровавленные и бездыханные. Людское брожение. Пока первые вызывали «скорую помощь», вторые, разгребая тела, пытались помочь тем, кто еще подавал признаки жизни. В это время третьи, под видом содействия, ловко срывали с людей часы и цепочки. Воистину, первыми с корабля на бал прибегают крысы. Пока третьи продолжали делать то, что делали, четвертые с ужасом рассказывали пятым, что там, по ходу, полная жопа, что, короче, они все туда поперли, а менты, мудаки, закрыли двери в метро и никого не пускали – и что, по ходу, с той стороны, с другой улицы, со стороны собора в переход тоже бежали люди, и что непонятно, сколько вообще тысяч людей столкнулись в узком переходе; и что бабы, блядь, на своих ебанных каблучках поскользнулись на скользком мраморе, падали и всё, блядь, приехали...

Настя опоздала. Сильно. Никак не могла выбрать подходящую майку. Первая слишком просвечивала, на второй откуда ни возьмись появились катышки. Когда она попыталась подойти к переходу, все вокруг было оцеплено. Повсюду выли сирены «скорой помощи». Бегали какие-то люди. Женщины отчего-то плакали. Рыдали мужчины. Настя поняла, что концерт закончился. Наверное, опять эти тупые оппозиционеры что-то устроили, подумала она. Вечно они всем недовольны. Столько милиции бывает только на Маршах свободы. Подойдя к одному из милиционеров, девушка попыталась объяснить, что ей нужно пройти к переходу, что у нее там свидание с парнем и что...

...От грубых слов милиционера Насте стало не по себе. Девушка покраснела. Она не привыкла, чтобы с ней, самой красивой девочкой школы, так разговаривали. «Хам», – подумала Настя и отошла в сторону. От обиды она чуть не заплакала. Девушка так расстроилась, что не заметила, как рядом, всего в нескольких метрах от нее, пронесли Циска.

В тот вечер столичные телефонные сети подверглись небывалой нагрузке. Город вибрировал. Накалялся. Вопросов было так много, что задавали только один:

- Был?
- Нет, дома сидел.
- Мой тоже.
- У кого-нибудь из твоих?

– Нет, слава богу.

Город знал: что-то случилось, но что именно, не понимал. Одни утверждали, что во время концерта в зале обвалился потолок или даже балкон с людьми, другие – что в метро столкнулись поезда. Кто-то говорил о массовой драке, кто-то о взрыве. Не сомневались только в том, что трагедия произошла возле старого города, на проклятом месте.

– Девочки вернулись?

– Нет...

– Звони в больницы!

– Какие? Зачем? Просто гуляют где-то... они на какой-то концерт собирались...

– Звони, говорю тебе, дуре, в больницы!

– Да в какие?

– В любые, теперь все равно!

Мама Франциска узнала о случившемся утром следующего дня. Вместе с подругой она решила вспомнить молодость и отправилась к морю. Остановились у одноклассницы, которая много лет назад вышла замуж за прибалта. Весь вечер провели в ресторане. Утром, еще до того как бабушке, наконец, удалось раздобыть телефон и позвониться, муж одноклассницы позвонил всем к компьютеру и ткнув пальцем в экран, сказал: «Читайте!». Ни о чем не подозревая, мать Циска с улыбкой посмотрела на подругу и, пропустив заголовок, произнесла:

– Ужасная трагедия, в которую просто невозможно поверить... произошла... в страшной давке, которая возникла в подземном переходе на станции метро... погибло более пятидесяти человек... Около трехсот человек получили увечья...

Посмотрев на подругу, женщина указала глазами на телефон и продолжила быстро, невнятно читать:

– Причиной катастрофы стал сильный дождь... так некстати разразившийся... около двадцати часов... В это время в окрестностях Дворца спорта подходил к концу праздник, организованный... Поучаствовать в розыгрыше призов от сигарет... попить пива, – мать Франциска постоянно проглатывала слова, пытаясь поскорее дойти до сути, – собрались несколько тысяч... преимущественно совсем еще юных. При первых раскатах грома и каплях дождя те из них, кто находился вблизи станции метро... бросились искать укрытия в подземном переходе... На ступеньках перехода и произошло столкновение. Подвыпившая толпа отбросила поднимавшихся людей назад, под землю. Кто-то упал на гранитный пол – пролилась первая кровь. На ней кто-то поскользнулся, повлек за собой других. Упавших начали топтать. Дождь усиливался, и напор желающих остаться сухими людей нарастал. С противоположной стороны... оттуда, где расположены кафедральный собор и остановка общественного транспорта, тоже шло немало людей. Многие из них тоже направлялись к месту массовых гуляний в соответствующем состоянии и веселом расположении духа. Поэтому рев толпы, несущейся навстречу, был воспринят как естественный отголосок веселья. А тут еще с той же стороны, от собора, в переход кинулись прохожие, спасавшиеся от дождя... Столкновение было страшным. Сквозь веселые крики и свист пробились крики боли. Люди падали и падали под ноги все набегающей толпе. За считанные минуты в стометровый неширокий переход набилось более двух тысяч человек. Образовалась плотная живая шевелящаяся пробка. Люди, оказавшиеся рядом, говорят, что земля под ними наполнилась глухим рокотом и начала сотрясаться.

Реанимационные отделения близлежащих больниц номер 1, 2 и 3 переполнились практически сразу. Только во вторую больницу привезли более 60 раненых... Основные диагнозы у прибывших – сотрясение мозга, перелом основания черепа, сдавливание грудной клетки, переломы конечностей. Подавляющее большинство жертв этой трагедии – подростки от 13 до 17 лет. По последним данным, погибли 54 человека, более ста получили ранения, некоторые

из них находятся в критическом состоянии. Точка. Автор... Олег Бе... Звоните маме!!! – прогремело над балтийским морем.

Через девять часов мать Франциска была в приемном отделении Первой больницы. Бабушка встретила ее, и женщины заплакали. Плакали громко, потому что знали, что Циск жив. Плач матерей, которые узнавали о гибели собственных детей, был другим. Тихим и извиняющимся. Бабушка постоянно что-то говорила, и мать Франциска совсем ее не слушала. Она только спрашивала, как все произошло, а бабушка, находясь в таком же состоянии, повторяла, что Франциска отчислили, отчислили, но теперь вернут, обязательно вернут! Когда к женщинам вышел врач, каждая из них продолжала разговаривать сама с собой.

– Вы родственники Лукича?

– Да...

– Да, мы, мы! Я бабушка!

– Отец где?

– Нет!

– Звоните – пусть приезжает!

– Да нет, совсем его нет! Как он, доктор?

– Состояние стабильно-тяжелое, он в коме...

– Как в коме? В какой коме? Зачем? То есть... почему он в коме?

– Давка, да, судя по всему, ваш сын попал в самую давку. Там совсем не было воздуха.

Да. Из-за кислородного голодания, да, которое он перенес, нарушилось мозговое кровообращение...

– И что теперь?

– Будем наблюдать, да...

– Его можно навещать? С ним все будет хорошо?

– Я дам вам знать.

– Подождите! Что значит – я дам вам знать?

– Значит, что...

В течение получаса врач пытался объяснить женщинам, что пока совершенно не ясно, сколько все это продлится. Ближайшие дни покажут. Тут загадывать смысла нет. Да...

Он отвечал на вопросы и объяснял, что в отдельной палате пока нет необходимости – пациент не испытывает неудобств.

– Да ему сейчас нет разницы, где лежать – в палате или в коридоре. Да, есть люди, которые сейчас в палатах гораздо больше нуждаются, чем он! Но его конечно положат и в палату, да, даже наверное в отдельную, потому что случай интересный, да, и государство, конечно, будет следить. Интерес государства в таких делах очень важен. Я бы сказал, он все и определяет! Но сейчас рано, рано об этом говорить! Все может измениться в ближайшие минуты, часы. Нечего об этом пока и думать. Потом – да! Да, в дальнейшем надо будет обсуждать. Палату, может, и продлят, но, конечно, за отдельную плату. Койкомест не хватает. Да. Все переполнено. Но об этом, да, повторяю, говорить рано.

Врач отвечал на множество технических вопросов, рассказывал о том, какие справки следует оформить и медикаменты купить, но всякий раз повторялся, что пока об этом говорить рано. Рано! Он говорил о том, что Франциск, конечно, получит компенсацию от государства, но не стоит рассчитывать на то, что она сможет покрыть все расходы. Но и об этом, конечно, говорить рано! Врач говорил о медсестрах и о том, что все самые необходимые процедуры несомненно будут выполнены в полном объеме, лишь о возможном выздоровлении мужчины предпочел промолчать.

Прошло три недели. Пациент по-прежнему находился в коме. Все приборы работали исправно, и Франциск не открывал глаз. Все это вселяло надежду, но врач сухо и доходчиво объяснил, что теперь совершенно точно никаких надежд на выздоровление нет.

– Так, на основе всех проведенных нами исследований и мероприятий, я могу с большой долей вероятности констатировать, что теперь так будет всегда, да. Ваш внук, как говорят в народе, овощ, да. Вы уж простите, да, за такое сравнение. Я не хочу вас оскорбить, просто хочу, чтобы вы все понимали, да. Я реалист, я люблю, когда все предельно понятно. Я за оптимизацию процессов. Тут дело такое. Дело понятное, да. Ничего не изменится. Жизненные органы действительно не повреждены, да. Он может спокойно провести в таком состоянии несколько лет, но вот его мозг от этого не заработает, да. Он не слышит вас, да. Не понимает. Все ваши попытки разговаривать с ним помогут лишь вам, да. Если вам это, конечно, нужно. Обманывать себя глупо, да. Вы лучше меня послушайте. Вам лучше бы поскорее свыкнуться с тем, что парня не вернуть. Чем быстрее вы с этим покончите, тем быстрее вернетесь к нормальной жизни. Через это надо пройти. Такое бывает. Многие теряют своих родственников, да. Впрочем, я вам тут не советчик. Я только одно вам могу сказать. У нас с этим пока, конечно, не очень понятно, но все же кое-какие подвижки есть, то есть я все это веду к тому, что он мог бы помочь своими органами другим людям. Вы понимаете, что я имею в виду? Многие люди годами ждут сердце, почки, а их жизнь может прекратиться в любую минуту, понимаете? Понимаете, о чем я? Вашего парня не вернуть, а другим людям еще можно помочь. Вы, конечно, за это ничего не получите, я вам сразу скажу. Это дело совершенно добровольное, но и нас подозревать не стоит. Органы мы никуда не продадим, себе не оставим, да. Просто многие люди думают, что мы эти органы себе оставляем, а потом зарабатываем на этом деньги, но это не так, совсем не так, да. Я сейчас только хочу, чтобы вы поняли, что ему ничего не светит. Раз уж так случилось, то давайте поможем другим!

– Подождите! Подождите-подождите! Что вы такое несете?! Остановитесь, доктор! Дайте же мне сказать. Если я правильно вас услышала, то один шанс из миллиона у него все-таки есть?

– Нет.

– А из десяти миллионов?

– Нет.

– А из миллиарда миллионов?

– Если я отвечу да, это ничего не изменит. Я могу ответить: да, есть, – но только потому, что ваш вопрос находится за пределами медицины. Всегда есть какой-то один процент, о котором мы не знаем. Что-то всегда будет не изучено, не понято, но это всего один, слышите меня? Всего один, да, один процент. Но он находится вне медицины, понимаете?

– Значит, шанс все-таки есть?

– Бля, мамаша, вы меня слушаете?! Оглянитесь вокруг! Это не страна чудес! Вы видите здесь волшебников? Может быть, фей? Я что, со стеной все это время разговаривал? Это не кино, понимаете? Это, простите за грубость, но вы меня немного вывели уже, это, блядь, жизнь. Ваш внук мертв! Мертв, понимаете? Смиритесь с этим! Он мертв! Если это слово не доходит до вас, услышьте слово «сдох»! Нет его больше! Он умер! Мозг вашего внука уже никогда не заработает, никогда, слышите меня?

– Знаете что, доктор? Идите в жопу!

Подключив старых знакомых, бабушка Франциска сумела добиться отдельной палаты и нового цикла обследований. В течение нескольких недель внука известной переводчицы осмотрели ведущие специалисты страны. Все они сошлись во мнении, что кардинально изменить ситуацию не удастся. Чудеса, конечно, бывают... История знает немало случаев магических выздоровлений... все мы помним, как когда-то тот-то и тот-то, там-то и там-то вышел из

комы, но это случай не тот! Да, говорили врачи, мы прекрасно понимаем, как вам тяжело, мы бы очень хотели подарить вам надежду, если бы у нас был хотя бы один шанс из миллиарда, но его нет. Нет, Эльвира Александровна. Ваш внук фактически мертв.

Даже тетя Нора, главный нейрохирург страны, настаивала на том, что Франциска не вернуть:

– Послушай, Эля, действительно были случаи, когда люди выходили из комы, но там болезнь протекала иначе. Ты вообще понимаешь, что такое кома? Кома, коматозное состояние, остро развивающееся тяжелое патологическое состояние, понимаешь? Ты понимаешь, что кома характеризуется прогрессирующим угнетением функций центральной нервной системы с утратой сознания, нарушением реакции на внешние раздражители, нарастающими расстройствами дыхания, кровообращения и других функций жизнеобеспечения организма. В узком смысле понятие «кома» означает наиболее значительную степень угнетения центральной нервной системы, за которой следует уже смерть мозга, понимаешь? В случае с Циском это самое «следует» уже наступило! Все, Эля, точка! Мозг умер! Понимаешь? Ты совсем меня не слушаешь – и очень зря! Мы столько лет знакомы, и мы всегда говорили тебе правду! И я, и Иосиф Абрамович. Циска действительно не спасти. Я понимаю, что тебе очень тяжело это слышать, но, поверь, не могут столько людей ошибаться! Это не моя ошибка и не ошибка других врачей. Тут действительно дело дрянь... Надо терпеть, дорогая, надо терпеть. Надо хорошенько подумать. Стоит ли во все это ввязываться, пролевать. Я договорюсь, и мы сможем...

– Ты с ума сошла?! – вдруг, словно пробудившись ото сна, перебила бабушка. – Я все прочла!

– Пряма-таки все?

– Я перерыла все медицинские энциклопедии! По крайней мере, все, что были у меня дома! Всё, что у меня было на эту тему. Где-то по строчке, по абзацу читала... И вот что я тебе скажу: шанс есть! Много раз вы, врачи, говорили родственникам, что мозг пациента не работает, а он работал. Работал, понимаешь? Все были точно так же уверены! И не хочу тебя обижать, но были уверены западные врачи, мастодонты, люди, которые обладают гораздо более современным оборудованием! Все они в один голос говорили, что пациенту ничего не поможет, что он овощ, фрукт или как там у вас принято называть пациентов в таких случаях, все предлагали усыпить, отключить человека, а он брал и просыпался! Понимаешь? Всем назло! Всем врачам, обстоятельствам, назло самой логике! И еще я прочла, что если до комы человек был хорошо интеллектуально развит, то у него больше шансов на спасение. А мой мальчик был прекрасно развит! Он ленился, но был очень, слышишь меня, очень хорошо развит! Он много читал, мы вместе посмотрели большое количество фильмов! Он переслушал огромное количество опер! Все педагоги об этом говорили. Даже те, кто выступал за его отчисление, все равно признавали, что он очень развит!

– Это всего лишь гипотеза, Эля. И потом, как ты можешь сравнивать? Это ведь все так индивидуально... Совсем ведь разные случаи! Там были другие условия, совсем другие люди. Да, кому-то повезло, да, там случилось чудо, но это не тот случай, не тот!

– Но ведь хуже не будет, оттого что мы его не усыпим? Хуже ведь не будет, оттого что я с ним разговариваю?

– Нет конечно! Но и лучше не будет! Эля, дорогая, я понимаю, как тебе сейчас тяжело, но постарайся услышать меня. Эля! Посмотри на меня! Отбрось все. Попробуй абстрагироваться. Просто превратись на мгновение в слух. Ты меня слушаешь? Я понимаю, что ты насмотрелась миллион фильмов о чудесных выздоровлениях, но послушай меня, я талдычу это тебе в сотый раз – это не тот случай! Франциску уже ничего не поможет. Нет никакого будущего! Другой жизни не будет! Только эта палата. Затем другая, хуже, вряд ли его разрешат перевести домой, но даже если и разрешат – со временем врачи станут его ненавидеть. Ты же понимаешь, в какой стране живешь! Здесь нет дела до живых и здоровых, что уж тут говорить о людях в коме? Он

никому не интересен кроме тебя, понимаешь? Никому! Если бы был хоть один шанс спасти его, врачи бы обязательно за него ухватились! Думаешь, никто не хочет защитить докторскую? Да люди грызутся за таких пациентов, если только есть шанс, но это, я тебе повторяю, не тот случай! Нет здесь никаких шансов. С ним всегда все будет так, как сейчас. Никогда ничего не изменится! Он будет просто отнимать время. У тебя, у них. Уверена, он бы и сам не хотел становиться обузой для такого количества людей. Вам нужно поскорее решать эту проблему и начинать как-то заново жить.

– Хорошо, я подумаю.

На принятие решения ушла ночь. Бабушка попыталась представить свою жизнь без Циска, но не смогла. Есть вещи, которые невозможно помыслить. Рождение, счастье, смерть...

«Его комната будет пустой. Холодильник, как и сейчас, пустым. Корзина без грязного белья. Нет, это невозможно. Я не смогу, не смогу так. Он бы смог без меня, потому что у него все впереди, у него в жизни еще нет смысла, а в моей жизни нет другого смысла, кроме него. Я не смогу, не смогу без него, нет...»

За дополнительную плату Эльвире Александровне поставили отдельную койку. Рядом с внуком. За «благодарность» закрыли на это глаза. Несколько первых недель бабушка боялась, что храп будет мешать внуку, но потом привыкла, забыла. Слишком много навалилось хлопот. Эльвира Александровна постоянно что-то делала, устраивала, организовывала. Осмотры, процедуры, встречи. Своим поведением она всего за несколько дней настроила против себя почти всю больницу. Врачи уставали от большого объема работы, лишних, бессмысленных нагрузок никто не хотел. К тому же женщина, как и все родственники, постоянно вмешивалась в работу эскулапов. Переводчику по профессии, бабушке постоянно казалось, что врачи совершают огромное количество ошибок, просмотров, недочетов. Эльвиру Александровну раздражали лень и безразличие, глупость и недалечность. К тому же, по мнению бабушки, врачи совсем не понимали, что лечение Циска должно быть комплексным: «Если они хотят, чтобы Франциск поскорее поправился, если хотят, чтобы поскорее встал на ноги, нужно не только своевременно проводить все процедуры, но и побольше общаться с ним!».

Претворяя свои идеи в жизнь, бабушка постоянно разговаривала с Циском, что-то объясняла ему, что-то спрашивала. В течение нескольких дней Эльвира Александровна раздобыла телефон и пригласила в больницу Настю. Без родителей, чтобы никого не смущать, одну.

До трагедии Франциск и Настя встречались без малого три недели, восемнадцать долгих дней – целая вечность для подростков. По дороге в больницу Настя думала о том, что ее чувства, пожалуй, прошли и лишь звонок Эльвиры Александровны заставил ее вспомнить о бывшем парне. Между тем Настя понимала, что сорвала джек-пот – всем хотелось быть причастными к трагедии. Среди погибших старались отыскать приятелей, среди раненых – друзей. Многие жители города считали своим долгом сообщить родственникам или знакомым, что от гибели их отделял всего квартал. В отличие от обычных выдумщиков, Настя была по-настоящему связана с трагедией. Если кто-то и должен был хвастаться своей причастностью к давке, то уж точно не все эти трепачи! Повезло не им, а ей. Повезло Насте. Именно ее парень пострадал в давке, и она сама, без вымысла, без домислов и преувеличений могла погибнуть. При хорошей раздаче с такими картами на руках можно было далеко пойти!

В палате никого не было. Настя села на теплый стул. Стул гульнул. Настя поняла, что лучше не дергаться, и, посмотрев на Франциска, поздоровалась. Затем еще раз осмотрелась по сторонам. Палата показалась ей холодной и убогой. «С таким же успехом можно было положить его в каком-нибудь лицейском классе. В зарубежных фильмах показывают другое». Палата разочаровала Настю. Она ожидала чего-то красивого, завораживающего, ей казалось,

что палата будет обставлена датчиками, а ее парень обмотан проводами и трубками, но всего этого не было. Настя подумала, что все это и близко не походит на кино. Впрочем, и она не очень-то соответствовала роли роковой красавицы. Это следовало признать. «Надо было одеться получше, – подумала она. – Все ко всему не подходит». На кофте в районе живота постоянно собирались складки, на плечах, откуда ни возьмись, появилась перхоть. Количество перхоти поразило девочку. «Обмен веществ? Грибок? А что, если и то и другое одновременно?» Наконец Настя смогла взять в себя в руки и начала говорить:

– В общем, новостей у меня особо нет никаких. Вичка на отдых на море полетела. Я тоже хотела с ней, но родители сказали, что дорого, и что там я не буду заниматься. И с инструментом проблемы. Оказывается, если едешь за границу, скрипку надо фотографировать, паспорт на нее оформлять. Я говорю, может мне еще на косметичку паспорт оформить?! Короче, гемор один. Кстати о геморрое – я новый концерт разучиваю. Вообще пиздец! Там все на ставке! Одни флажолеты и двойные ноты, и все шестьдесят четвертые. Просто пиздец! Вообще непонятно, что у этих композиторов в голове было! У них там тогда телевизоров не было – вот они и сходили с ума, думали, как бы посложнее сделать! Я говорю Булке, давайте возьмем другой концерт, это же пиздец, а она говорит, мол, это еще ерунда, что дальше еще пиздецовей пиздец будет. Вот. Ну что еще у меня? По телеку сегодня ничего интересного. Два часа каналы утром шелкала – одно говно. Вообще ничего интересного. А музыкального канала у меня нет. А родинки, жиды, не хотят ставить. Говорят, дорого. Им вообще все дорого! Я что ни попрошу, все дорого! Короче, делать нефиг. Думала что-нибудь из школьной программы почитать, но все длинное, пиздец! Я короткие содержания читаю. Бред везде какой-то. Ничего интересного. Странно ты тут лежишь, кстати. Вичка говорит, что биологичка считает, что ты типа труп уже. Но я вот смотрю на тебя, и ты же дышишь. А ты меня слышишь сейчас или нет? Можешь рукой помахать или какой-нибудь знак подать, если слышишь? Или что-нибудь такое? Ну ладно... не хочешь, как хочешь. Знаешь, я подумала, что нам нужно поговорить, что раз ты тут лежишь так, то как-то тупо нам, наверное, встречаться. В общем, если честно, я уже и не думаю, что мы встречаемся. Мне лично кажется, что как бы мы тогда и расстались, получается. Сам посуди: мы же не сможем никуда ходить. В кино или на дискотеку там. Из-за тебя, кстати, последнюю отменили. Из-за тебя вообще много чего отменили. Экзамены всякие. И еще из-за тебя всем поставили оценки, которые в четверти были. По-моему, это очень неправильно. Они там вначале всякие траурные мероприятия думали проводить. Не знали, что с тобой будет. Все в общем немного в шоке были, ждали, а потом передумали. Короче, провафлили все и – здравствуйте-пожалуйста – решили поставить то, что у людей в четвертях было. Так знаешь, многие ребята из-за этого на тебя злятся. Алексеева и Бурак хотели пятерки, а из-за тебя им четверки теперь поставили. Вот. Ну, мне-то, если честно, все равно было, у меня спорных оценок в этой четверти не было. Вот. А про то, что расстались, так знаешь, мне Кобрин пару раз звонил... мы круто поговорили. Он говорит, что у меня красивые волосы очень. Он классный вообще. Он, знаешь, мне всегда как-то нравился... Я тебе раньше не говорила, потому что думала, что ты будешь злиться, вы же это, типа... друзья там, одна компания и все такое... В общем, я, наверное, с ним теперь буду гулять. Ты же не против? В общем, я подумала, что тупо будет очень, если ты будешь против. Я написала в «Пуул», описала нашу ситуацию, спросила, что мне делать, в общем жду ответа, но, думаю, что все равно буду с Кобриным гулять. Ты если поправишься, мы же все равно сможем снова гулять – я тогда просто брошу Кобрину и все, но пока тупо ведь как-то. Я тебе не говорила – он мне фотоальбом подарил. Красивый. На сто фотографий. Вот... А что еще хорошего у меня? Да ничего. Да все хорошо вроде. Я довольная, что в давку не попала. Хорошо же, что я тогда опоздала, правда? Нет, ну правда? Ну сам посуди... Дождь этот лил... Вот ты всегда говорил, что я вечно опаздываю-опаздываю, а видишь, как получается?! Выходит, и хорошо, что я тогда опоздала. Я теперь всегда везде

специально буду опаздывать. Хотя бы на десять, на двадцать минут. Сейчас бы лежала так же, как ты, в этой палате, хотя вместе девочек с мальчиками, наверное, не ложут же? Ну ладно... Я пойду уже. Я вот тут тебе всякой еды принесла. Там сок, апельсины, это из лица, это типа положено так, паек типа, типа по закону, если ты в больнице, то из лица тебе обязательно что-то должны передать вместо еды, которую ты в столовой не ешь же теперь. А я пойду уже, ладно? Ну пока! Выздоровливай!

После Насти пришла бабушка. Вновь. Она повесила старую куртку на спинку стула и принялась убирать в палате. Пол, кровать, тумбочки. Протирая стулья, пожилая женщина почему-то вновь вспомнила слова своей подруги. «Усыпить... слово-то какое странное... усыпить... разве можно применять это слово по отношению к человеку? Усыпляют же собак...» Чтобы отогнать дурные мысли, бабушка, к собственному удивлению, начала рассказывать о знаменитом тезке Франциска.

– Знаешь, родной, о нем ведь до сих пор спорят. Кем он был? Православным? Католиком? Протестантом? Столько версий! Я недавно читала об этом! Одни исследователи говорят, что он был католиком. И мне, в общем-то, эта версия близка. Почему я так думаю? Ну... во-первых, потому, что среди книг, которые он напечатал в период с тысяча пятьсот семнадцатого по тысяча пятьсот девятнадцатый год, были книги, которые не входили в православный библейский канон – это «Притчи про мудрого царя Соломона» и «Песнь песней». Это, по моему, довольно сильный аргумент. К тому же, его книги были сожжены как «еретические и написанные на территории, подвластной церкви вечного города», а сам он изгнан именно как католик. Так что сомнений, казалось бы, нет, но сомнения есть, мой дорогой! Прямо детективная история у нас получается! Тезка твой действительно мог быть и православным. Факты и аргументы в пользу этого утверждения так же многочисленны. Во-первых, есть сведения, что в его городе не было католической миссии, поэтому детское крещение вряд ли прошло по католическому обряду. Согласись, хороший аргумент. Во-вторых, в своих публикациях он поделил «Псалтырь» на двадцать кафизм согласно православной традиции, чего нет в западном христианстве. Так что теперь у нас еще один аргумент в пользу православия. Дальше! В «Святцах» из «Малой подорожной книжки» он не только придерживается православного календаря, но и приводит дни памяти православных святых – восточнославянских Феодосия и Антония Печерского. Более того, некоторые имена святых поданы в народной адаптации: «Ларионь», «Олена», «Надежа»! Представляешь? Но и это еще не все! Есть в его текстах прямые констатации: «Утверди, Боже, святую православную веру православных христиан во век века!» Так что, казалась бы, загадка разгадана: великий первопечатник – православный, но опять же нет! Есть и еще одна версия! Некоторые исследователи полагают, что великий первопечатник был связан с гусизмом – протореформационным движением. Во всяком случае, реформаторы шестнадцатого века считали его своим соратником. В некоторых работах он упоминается как протестант, но про эту историю, если честно, я мало что знаю...

Бабушка выжала тряпку и, тяжело выдохнув, села против Франциска. Посмотрев на внука, она в очередной раз поняла, что кроме него в ее жизни никого нет. Совсем никого. Ее родители умерли несколько лет назад. Мать от плохих сосудов, отец от атеросклероза. Единственный брат ушел за год до смерти матери. С дочерью она почти не общалась, муж перебрался к женщине в соседний подъезд.

Уже много лет бабушка Франциска жила совсем одна. Про нее следовало бы писать грустные, тихие, медленные и минорные песни и петь их осенью. Сначала она робко пыталась обустроить личную жизнь, затем успокоилась и даже привыкла. Сама себе она читала стихи, которые в те годы читали все одинокие женщины: «Ну приди же, любимый, приди, одинокой мне быть запрети. Приходи, прощу, приходи. За собою меня поведи... Стрелки глупые торопя,

не придумывая ничего, я уже простила тебя, повелителя своего. Все обычно в моей мечте, я желаю – совсем не вдруг – быть распятою на кресте осторожных и сильных рук!..» – бабушка хорошо помнила эти стихи, потому что на одном из капустников, посвященных Женскому дню, Франциск прочитал их.

Когда родился Циск, бабушка решила, что оставшиеся годы посвятит воспитанию внука. Так и случилось. Все свободное время, заменяя отца, она занималась им. Баловала, ругала и воспитывала. Наказывала и прощала. Она мечтала, что однажды он станет знаменитым виолончелистом, покорит весь мир и, конечно, пригласит ее на главный концерт. Что не забудет. Что не оплошает. «Он будет раздавать автографы и записывать диски, он будет знаменит!» Не вышло. О профессии музыканта следовало забыть. Обо всем вообще следовало забыть. Оставалось надеяться. На жизнь. На хоть какую-нибудь приближенную к нормальной, к обычной, к обыденной, растительную жизнь...

Синоптики замеряли количество влаги, содержащейся в одном кубическом метре воздуха, и бабушка продолжала приходить каждый день. Как на работу, как домой. Она все меньше верила в заботу государства в целом и медсестер в частности. По ее мнению, только близкие люди могли и должны были помочь Циску. Каждый новый день начинался с интересной истории, байки, рассказа. Бабушка подозревала, что мальчишки часто обменивались анекдотами, и теперь, когда рядом с Франциском не было друзей, старалась, насколько только это было возможно, не нарушать традиций:

– Слушай, мне сегодня Нора рассказала анекдот. Приходит к президенту помощник. Заходит на цыпочках и говорит: «Вы, наконец, стали выездным!» – «Да ладно! Правда? Куда?» – с удивлением спрашивает президент. «В Гаагу!» – отвечает помощник. Правда смешно?

Франциск не отвечал, и, улыбнувшись собственному горю, бабушка переходила к повседневным делам. Уборка, глажка, перепалки с сестрами. Тряпка, пол, подоконник, окно. Эльвира Александровна не заметила, как в течение нескольких недель фактически переехала в палату. Женщина перевезла книги, фотографии, зубную щетку. Плед, полотенце, фен. Теперь она обживала территорию точно так же, как когда-то, много лет назад обживала полученную отцом квартиру. Бабушка постоянно что-то драила, чистила, делала перестановки, пытаясь подобрать лучшее для каждой вещи место. Казалось, она категорически не может сидеть на одном месте. Ей непременно хотелось действовать, улучшать, менять. Заменять, перемещать, мерить. Многие врачи стали ошибочно принимать бабушку Франциска за мать – дочь Эльвиры Александровны приходила все реже.

Закончив уборку, бабушка садилась рядом с Франциском и включала привезенный из дома магнитофон:

– Слушай, милый, слушай! Экзамены ты давно пропустил. Скорее всего, пропустишь и этот год, но чем больше будешь слушать сейчас, тем проще тебе будет потом. Все это не пройдет просто так! Ты обязательно вспомнишь! Лично у меня в этом нет никаких сомнений! А так как впереди у тебя много экзаменов, лучше, чтобы ты готовился уже сейчас!

Бабушка продолжала верить, что болезнь будет короткой: «Вот-вот он придет в себя. Вот-вот. Совсем скоро! В этом нет никаких сомнений! Я потерплю! Я приду завтра или послезавтра, и ему станет лучше, и он начнет говорить. Плохо, невнятно, до слез, но так бывает всегда. Это нормально. Я знаю. Вместе мы со всем справимся! Нам некуда спешить. Главное, чтобы все закончилось хорошо! А так и будет!»

Шесть месяцев казались бабушке честным, оптимальным сроком: «Ведь и простуда не проходит за день». Эльвира Александровна верила, что все образуется. Пройдут месяцы, пройдет июль, август, наступит сентябрь, и ее Циск, как всегда, пойдет в лицей: «Он будет обманывать меня, выкидывать бутерброды, получать двойки, прогуливать уроки и даже экзамены. Он будет вырывать страницы из дневника и курить все, что курится. Он будет пить пиво и пропускать встречи с логопедом. Он будет драться по поводу и без, из его носа будет течь кровь, и я буду улыбаться ему, потому что разбитый нос – это совсем не страшно. Мой мальчик будет оставаться ночевать у друзей, и я клянусь, клянусь, клянусь, что не буду волноваться и обзванивать родителей. Он будет гулять, гулять ровно столько, сколько захочет, и я всегда, все и всегда буду ему разрешать. Он будет играть в футбол и во что только захочет – в карты, в компьютерные игры. И я совсем не буду бояться за его зрение, и я сама, если только понадобится, куплю ему очки!» Но надобности в очках не было. Знакомых окулистов не стоило искать. Франциск не поднимал век, и, со слезами на глазах, его бабушка мечтала о том, что еще несколько недель назад казалось сущим наказанием.

Дальние родственники навещали редко. Иногда заглядывали друзья. Чуть реже друзей в палату заходила старая, вечно бормочущая себе под нос медсестра. Некрасивая, склочная, необразованная женщина. В ее генах сохранилось уважение к незримому хозяину и сильной руке. Она не понимала добрых слов, принимая вежливость за слабость, и, напротив, с охотой бралась за работу, получив нагоняй. Наблюдая за вечно лежащим в одной позе пацаном, старая медсестра полагала, что в столице все окончательно сошли с ума. «Памагать трэба людзям, яким живот прострелили или руку обрубил, а не этим, понимаешь, маменькиным сынкам! Лежит тут, и ни нашим, и ни вашим! Навошта трымаць в отдельной палате хлопца, который лежит, как куча говна? Кончать с ним надо!»

Медсестра полагала, что мать Франциска, хотя и не является бабой первого сорта, но уж какого-никакого мужика себе найти сможет: «Трэций сорт яшчэ не брак! Найдет себе какого кабеля, он яе обрюхатит и будет усе у ней хорошо! Слюбится-стерпится, а што было забудется! А нещасця – так несчастья у всех бывают, абы войны не было».

Со временем бабушка привыкла к бестактной старухе. Стоило ей переступить порог палаты – Эльвира Александровна сразу, без промедлений, довольно строго давала какое-нибудь поручение. Любой приказ приводил медсестру в чувство. Такая манера общения ей даже импонировала. Она понимала, что ее замечают, и, бормоча под нос, принималась за дело. Однако в тот день, войдя в палату, старуха и не думала браться за работу. Информация, быть может самая важная информация в ее жизни, позволила чувствовать собственную неприкасаемость и незаменимость:

– Ну что? Встречайте! Приехали! Германты! Приехали капиталисты ваши!

В палату вошли трое: мужчина, женщина и молодая девушка. Последняя заговорила первой:

– Здравствуйте...

– Здравствуйте. Вы говорите на?.. вы их дочь?

– Нет-нет! Я переводчица. Они совсем не говорят.

– Я его бабушка.

Германты кивнули. Бабушка и сестра, которая и не думала выходить из палаты, кивнули в ответ. Мужчина подошел к бабушке и протянул руку. Затем, не дожидаясь ответа, обнял

женщину. Все, кроме прикусившей губу сестры, тотчас расплакались. Показалось, что прослезились даже переводчица. Ее ввели в курс дела по телефону, и перед встречей (на всякий случай) студентка первого курса института иностранных языков полистала медицинский словарь.

После того, как все вытерли слезы, медсестра взяла утку и вышла в коридор.

– Они спрашивают, как он?

– Состояние стабильное.

Германт подошел к койке и взял Франциска за руку. Жена осталась позади. Бабушка стала по другую сторону кровати. Гость что-то спросил. Затем еще и еще. Девушка начала переводить:

– Он говорит, что они сначала совсем не волновались. Франциск редко писал. Они думали, что все в порядке, что он просто как всегда пропал. Потом узнали про давку, у них эта новость не была в числе первых. Узнали от кого-то, почти случайно. Он говорит, что они были уверены, что если что-то случится, вы им обязательно сообщите. Но потом они все-таки решили позвонить вам, и вот... а эту майку... он говорит, что помнит эту майку, они купили ее на море. Он спрашивает, как это случилось?

– Мы точно ничего не знаем, – ответила бабушка, – нас не очень-то посвящают в подробности. Мне кажется, наоборот, они так теперь пытаются замести все следы, скрыть просчеты. Мы знаем только, что был концерт. Внезапно начался дождь, и толпа побежала в переход, началась давка. Это все, что нам известно... Как? Почему? На эти вопросы нам никто не отвечает. Просто давка, и все. В общем-то тут и добавить нечего...

– Он спрашивает, почему вы его отпустили?

– А почему я должна была его не отпускать? А почему я вообще должна была знать, что он туда поедет, если он должен был быть в лице? Переведите им, что они могут следить за своими детьми, а в чужие дела пусть не лезут!

– Он говорит, что Франциск ему как родной. Что это и его ребенок тоже, поэтому он так и говорит.

– Переведите ему, что он ошибается! Мы очень ценим их заботу, но все же Франциск мой ребенок! И ничей больше!

Девушка не перевела. Ей было всего двадцать лет, но она не раз слышала о подобных историях. Когда развалилась большая страна, Запад стал помогать детям Востока. В девяностые годы огромное количество сверстников Франциска обрело новых родителей по всему континенту. О молодой независимой стране почти ничего не знали. Знали только, что рядом с ней была большая атомная электростанция и что однажды эта станция взорвалась, и значит – детям нужна помощь. Помогали не только сиротам, но и детям из обычных семей. Люди, которых даже спустя пятьдесят лет после окончания мировой войны называли главными врагами, основывали фонды, переводили гуманитарную помощь и приглашали ребят на оздоровительные каникулы. У Франциска никогда не было проблем со здоровьем, но в свое первое заграничное путешествие он отправился именно как пораженный радиацией ребенок. Это называлось «отдых в семьях». Вы открывали газету и читали объявление: «Оздоровительный отдых в германтской семье. Три недели. 360 условных единиц». Искренне занимаясь благотворительностью, германты не подозревали, что оплачивая чужим детям даже перелеты, они открывают целую страницу в истории частного предпринимательства молодой восточной республики. Смышленные сограждане организовывали фонды и за символическую, как им казалось, плату отправляли детей на лечение. К германтам или кому-нибудь еще – не имело значения. Не имело значения также и то, отправлялись ли на лечение действительно нуждающиеся в оздоровлении дети или просто ребята из обеспеченных семей. Главное было заработать, сразу и как можно больше. Фантастическая рентабельность привлекала к оздоровительному бизнесу огромное количество мошенников. Едва ли не каждый день в газетах появлялись заметки с

предложениями недорого и «хорошо» отправить ребенка на отдых: «Детский отдых в семьях. Три недели. Автобус. 500 у. е.».

Так, начиная с тысяча девятьсот девяносто третьего года, каждое лето Франциск проводил у германтов. Со временем, сам того не замечая, мальчик стал говорить: «Мои германские папа и мама». Бабушка очень ревновала к этим словам, но ни разу ни вслух, ни про себя не упрекнула внука. Себестоимость счастья. За радость любимого человека нужно платить, и часто не только наличными. Бабушка знала, что не только она, но и тысячи других родителей внезапно столкнулись с подобной проблемой. Втайне от дочери Эльвира Александровна созванивалась с семьями, которые так же посылали своих детей к германтам, и все они рассказывали одно и то же: «Да, с нашим все один в один. Называет их мамой и папой. Ждет звонка. Спрашивает, когда поедет вновь. Спрашивает, может ли остаться у них на весь год. Не хочет в школу, хочет туда. Говорит, здесь серо. Говорит, противно. А что поделаешь? Они ему новые бутсы подарили и куртку, а у нас на поездку все деньги ушли, но мы нашего не ругаем, мы-то все понимаем, а что он может понимать? Он же ребенок. Дети ценят по факту. Так что тут, Эльвира Александровна, ничего уж не поделаешь. Подарки и самые красивые впечатления дарят они, а не мы...»

Триста с лишним условных единиц копили в течение всего года. Если нужная сумма не набиралась, бабушка одалживала у знакомых, которые точно так же мечтали отправить детей «туда». Франциск не понимал, как тяжело дается дополнительный заработок. За сто страниц технического перевода бабушка получала в лучшем случае десять долларов. Избалованный мальчик не понимал этого и часто повторял, что германты любят его больше. Германты всегда покупали ему много одежды и мороженого, германты возили его на северное море и ничего не жалели, а бабушка, каждый раз, когда он просил немного денег, спрашивала: «Зачем?».

– Они спрашивают, чем могут вам помочь? Они говорят, что будет лучше, если заберут его. Северное море... свежий северный воздух... они говорят, что у них ему не придется лежать в такой убогой палате.

– Переведите, пожалуйста, что я не думаю, что там ему будет лучше. Так и переведите. Без заискиваний. Палата такая, потому что лучше в этой стране нет. Я не знаю, быть может, только у президента. Обычная палата. У нас все такие. Мы не экономим на нем. Не откладываем себе на платья или еду. Просто нет ничего лучше. Переведите, они должны это понимать!

– Они говорят, что здесь штукатурка с потолка сыплется.

– Переведите, что нам обещали ремонт. Если не сделают, мы сделаем за свои деньги.

– Он спрашивает: и вы верите? Он говорит, что совершенно очевидно, что в ближайшее время здесь будут строиться только спортивные сооружения. Во всех германтских газетах об этом пишут. Они говорят, что помогут и вам и вашей дочери переехать вместе с Франциском. Он настаивает на том, что это нужно делать совершенно обязательно. Он говорит, что нет выхода! Он говорит, что дальше здесь будет только хуже. Он уверен, что у них Франциск быстрее поправится и сможет там остаться. И они тоже.

– И что я буду там делать?

– Он спрашивает, в каком смысле?

– В том смысле, что я там буду делать?

– Найдете работу, начнете новую жизнь.

– Он знает, сколько мне лет?! Я здесь уважаемый человек, у меня влиятельные знакомые, лучшие врачи этой страны смотрят за нашим мальчиком, вы успеваете переводить? Лучшие!

– Он говорит, что у них даже эмигранты проходят лечение в более человеческих условиях.

– Ну а мы эмигранты в собственной стране. Так уж сложилось! Вы перевели? Переведите еще и то, что я очень рада за них. Но я все равно не уверена, что у них есть такие же специалисты, как здесь.

– Они готовы положить его в лучшую клинику в стране.

– Я думаю, что дома ему будет лучше.

– Юрген считает, что вы ведете себя глупо. Нерационально. По его мнению, в вас говорит ревность. А сейчас не время для чувств. Нужно думать головой, нужно включить рассудок. Эмоции, говорит он, понадобятся вам тогда, когда Франциск придет в себя! Они не хотят отнять у вас сына!

– Внука!

– Внука, простите! Они всего-навсего хотят помочь. Ничего больше. Юрген говорит, что если вы не хотите оставаться там – вернетесь домой, как только Франциску станет лучше. Он говорит, что хуже от этого точно не будет. Они не собираются занимать ваше место в его жизни. Он говорит, что как только мальчику станет лучше он, конечно, сможет вернуться домой. Они поговорили с главным врачом, и по его мнению Франциск вполне транспортабелен.

– Ах, они еще и с врачом поговорили?

– Да, только что...

– Переведите ему, пожалуйста, что мы очень ценим все поступки, которые совершаются за нашей спиной. Переведите также, что много всякой бумажной волокиты. Они могут сходить в лицей, например, и попытаться выяснить, что делать дальше. Пусть придумают, как взять академический отпуск в лицее, где категорически не оставляют на второй год, пусть попробует еще...

– Он говорит, что об этом пока рано думать...

– Не перебивайте! Я не закончила! Мне вообще все равно, что он думает. Франциск останется здесь, и это не обсуждается! Никто и нигде не будет смотреть за ним так, как смотрю за ним я! Если они хотят – могут приходить сюда хоть каждый день. Если хотят, могут переехать и жить у меня. Они могут разговаривать с ним на германтском, думаю, это даже пойдет ему на пользу, но переведите им также, что пока я жива – он никуда не уедет.

Юрген попытался возразить, но жена взяла его за руку. Юрген смолк. Через переводчика молчавшая до сих пор женщина предложила всем выйти в коридор. Так и поступили. Сели напротив палаты. Германтка спросила, какие теперь пенсии, и этого оказалось достаточным, чтобы переменить тему. Тон понизился. Все успокоились, остыли. Услышали даже, что где-то в конце коридора работает радиоточка. Что исполняют мелодию из старого зарубежного фильма. Заговорили о ценах на продукты, квартплату и проезд в метро. Германты стали рассказывать, что город кажется им довольно чистым и пустым. Юрген рассказывал о том, что, по его наблюдению, люди здесь совсем не улыбаются, и, как прохожие, в подтверждение его слов, проходили врачи и медсестры.

– Юрген говорит, что большинство людей выглядит так, будто у них плохое настроение. Он спрашивает, это ведь не из-за трагедии? Но я ему сама ответила, что нет.

Говорили об истории, религии, традициях и еде. Когда речь зашла о предпочтениях Циска, бабушка впервые с улыбкой заметила, что успела возненавидеть германтскую кухню.

– Всякий раз, когда он приезжал от вас, он требовал, чтобы я сделала ему сосиски, как Клаудия. Я пыталась, но что я могла сделать? У нас даже продуктов таких нет. А он все говорил, что я не умею готовить. Что сардельки должны быть другими, и что картошку я неправильно жарю, что она совсем не фри. А как я могу сделать эту фри, я не понимаю!

Когда женщины заговорили о ценах, Юрген вернулся в палату. Он сел рядом с Франциском и тихо заговорил о футболе. Он говорил о том, что однажды «пираты» обязательно вернуться в высший дивизион и станут лучшей командой в стране и даже на континенте:

– Мы еще вместе посмотрим, как они разделают «динозавров»! Уверяю тебя – так и будет! Главное верить! Пройдет сезон или два, ты поправишься и увидишь, как мы будем играть против самых сильных команд!

Франциск спокойно дышал, и Юрген продолжал рассказывать о том, что наконец нашел книги, о которых говорил Циск. Что с удовольствием прочел их и теперь рекомендует всем своим друзьям. Затем Юрген вновь рассказывал Циску о короткой прогулке по городу. О том, что пока мало что видел, потому что сразу из аэропорта приехал сюда. Но уже даже аэропорт произвел на него неизгладимое впечатление.

– Такое ощущение, что у вас никто не летает! Там совсем нет людей. Все такое холодное, серое. Повсюду этот мрамор. Такое ощущение, что прилетел не на самолете, а на машине времени. И еще эти ваши пограничники и таможенники! Они разговаривали со мной так, словно я преступник. Я всегда говорил, что самые большие расисты в мире – это пограничники и таможенники. Я видел город только из окна такси. Наверное, это примерно то, что я себе представлял. Только очень много полицейских. Совсем непонятно, зачем их столько. Кого они охраняют? От кого? На улицах же все равно никого нет. Но в общем-то это, конечно, не мои дела. Знаешь, мы решили повести твою маму и бабушку в ресторан. Да. Прямо сегодня вечером. Мы подумали, что в последнее время у них так мало приятных событий в жизни, что они во всем себе отказывают, чтобы помочь тебе, так что мы с Клаудией решили, что маленький праздник им не помешает. Пусть прогуляются, правда? А то бабушка твоя совсем отсюда не выходит. Только на работу! А ты вечер один проведешь! Уверен, тебе тоже хочется побыть одному, ведь так? А да, кстати, смотри, что у меня есть! Сюрприз! Это майка. С номером. Как ты всегда хотел. Смотри, десятый! Ты еще обязательно поиграешь в ней!

Юрген и Клаудия приходили каждый день. Две недели. Юрген садился рядом с Франциском, Клаудия помогала бабушке. Переводчица, чтобы не показывать слез, все время смотрела в окно. Клаудия сетовала на то, что не смогла найти хороших чистящих средств, и обещала прислать их. Бабушка благодарила и через переводчицу просила стиральный порошок:

– Попросите, если им не сложно, я обязательно отдам деньги, чтобы они передали еще и стиральный порошок. У нас такого нет!

Клаудия рассказывала, что дело не только в порошке, но и в отбеливателе, и вообще в культуре стирки.

– Мы вообще по-другому относимся к вещам. Я очень удивилась, когда Франциск в первый раз к нам приехал. Мы покупали ему какие-то вещи, и он сразу надевал их. Прямо в магазинах! Он так радовался и говорил: «Это же здорово, они новые!». И я совсем не могла этого понять! Чужую вещь! Прямо в магазине! У нас принято сначала постирать вещь. Многие новые вещи могут месяцами лежать у меня на полке. Скажите, вы тоже сразу надеваете вещи?

– Я редко покупаю себе вещи, – спокойно ответила бабушка.

Прощальный ужин решили устроить в палате. Рядом с Циском. Все блюда привезли с собой. На метро. В фольге. Клаудия готовила вместе с бабушкой. В кухне с видом на крыши. В той самой кухне, где когда-то обедал Циск. Клаудия пользовалась приборами, которыми когда-то пользовался Циск, и резала мясо на доске, которую однажды, на Восьмое марта, Франциск подарил бабушке. Как и все мальчики молодой республики, перед женским днем он занимался выжиганием, старательно прижигая предварительно нанесенные учителем труда слова. Такая доска была почти в каждой семье. Такие доски делали Кобрин, Стас, Вара. Друзья по двору и школе дарили своим мамам нечто подобное в течение многих лет. Теперь эта доска стояла на тумбочке рядом с Циском. Решили, что такая мелочь может его порадовать. С Фран-

циском разговаривали на протяжении всего ужина. Мама, Юрген, бабушка, Клаудия. Никто не сомневался – Франциск все слышит. Каждому хотелось верить, что Циску станет лучше прямо во время ужина. Что он проснется, оживет. Они заметят его движение, услышат сильный вздох, всхлип. Быть может, немногим меньше остальных верила мать, но верила, правда. По-настоящему сомневалась лишь переводчица. Выйдя в коридор, она садилась на пол и никак не могла понять, с кем ей быть. «Принять их сторону или остаться скептиком? Что же делают эти люди? Зачем? Почему? Кто внушил им эту веру? Что у них в голове вообще? С одной стороны, меня восхищает их поведение и стойкость, но с другой... если верить всему тому, что говорят врачи... если все на самом деле так, как говорят врачи... Господи, это же ужасно! Это же почти преступление! Это значит, что все они просто чокнулись! Это же бред, издевка, фарс! К чему они ломают эту комедию? Если врачи правы – эти люди просто-напросто слабы! В них нет силы, нет стержня, как говорит наша преподавательница по деловому британскому. Выходит, им просто не хватает духу! Получается, они грустные клоуны. Это просто насмешка над собственным внуком... Если врачи правы, если только окажется, что врачи действительно правы, все это приобретет совершенно другой характер. Цирк, нелепый цирк. Притащите ему сюда еще карусель! Господи, что же они творят?! Если врачи говорят правду, если Франциск никогда не поправится... значит, все это... все это похороны клоуна, что ли... Эти люди едят и разговаривают с ним... Разговаривают с живым трупом. Даже поминки устраивают уже после похорон! А что они ему приготовили? Что он сегодня будет есть? Они уже поставили ему праздничную капельницу? Он уже попросил? К чему? Зачем? Зачем они разыгрывают эту комедию с едой в пластиковой посуде?! С таким же успехом они могли бы устроить ужин на его могиле! Здесь не хватает лишь плакальщицы и балканского духового оркестра, во всяком случае последний хоть как-то узаконил бы это абсурд. Все это кажется глупым, нелепым, комичным! Они разговаривают с ним, просят меня, чтобы я переводила ему. Они говорят, что он плохо понимает германтов, – а меня?! Меня он понимает хорошо? Хорошо он меня понимает? Может, он хочет мне что-то сказать? Шепнуть? У него же мозг не работает! Зачем эти люди обманывают себя, если никогда ничего не изменится?! Если всегда все будет так! Если единственным завершением всей этой истории будет переезд на кладбище?!»

Переводчица сидела в коридоре, и вышедшая на плач бабушка пыталась успокоить ее:

– Вы не сердитесь на нас, милочка. Не сердитесь!

– Что же, что же вы делаете-то все?! Что вы делаете?! Я совсем, совсем не понимаю!

– Это понятно... Это нормально... Это ничего, что вы нас не понимаете! Вы еще совсем юная, совсем молодая. А тут и не нужно ничего понимать. Вы не старайтесь нас понять, вы просто принимайте нас такими, какие мы есть. Иначе просто нельзя. Не может быть иначе. Нет у нас просто другого выбора, милочка, понимаете?

– Но ведь нет и надежды...

– Это верно... надежды нет... надежды никогда нет, и самые большие чудеса, милочка, случаются вопреки надежде. Случаются, когда ее нет... У вас есть время?

– Да, конечно...

– Это займет не больше двух минут... Я просто хочу рассказать вам одну историю. Она случилась в сорок шестом году. Третьего января сорок шестого года. Мой отец был генералом авиации. Он готовил самолеты для высших чинов, занимался расследованием авиакатастроф. В общем, был довольно влиятельным человеком, поэтому меня, маленькую девочку, тоже пригласили туда. Это была елка для детей правящей элиты. Первая послевоенная елка. Около пятисот детей из самых влиятельных семей республики. Были, по-моему, и какие-то простые дети, отличники, которым приглашения раздавали в школах, но я сейчас в этом не уверена. В общем – не важно. Как вы, думаю, знаете, почти весь город был разрушен войной. Праздник решили устроить в одном из уцелевших зданий – клубе госбезопасности. Там же хранились

какие-то секретные документы, а в прилегающем здании, всего в нескольких метрах от нас, в подвале томились пленные германты. Их собирались казнить через несколько дней на городском ипподроме. Клуб наскоро привели в порядок, мне кажется даже подкрасили. Привезли шикарную елку, украсили все здание бумагой и ватой. Казалось, что снег лежит повсюду: на лестнице, на подоконниках, на елке. В общем, после стольких лет войны все это выглядело волшебным! Я, тогда совсем еще маленькая девочка, конечно, была в полном восторге. Красивые люди, улыбки, платья. Мне врезалось в память пальто одной женщины. Такое красивое, с меховым воротником. В общем, это был вечер потрясений, вечер воскрешения, вечер жизни. Оркестр! Музыка! Танцы! Все это походило на настоящую сказку – пока в какой-то момент отец резко не схватил меня за ворот платья. Все вокруг вдруг стали кричать, метаться по сторонам. Он ничего не объяснил. Он не стал разговаривать со мной, не стал ничего объяснять, не стал успокаивать меня. Мой отец был человеком военным. Он понимал, когда нужно говорить, а когда действовать. Он просто вцепился в ворот моего платья и потащил за собой. Я помню, что сразу же потеряла правый ботинок. Через мгновение он сжал мою руку, и это рукопожатие я не забуду никогда. Оно до сих пор снится мне. Прямо во сне я чувствую, как отец сжимает мою руку и тащит за собой.

– Почему он вдруг потащил вас?

– Старая дура, я ведь не рассказала вам самого главного... Начался пожар. Никто не знает почему – кто-то говорит, что загорелись свечи на елке, кто-то говорит, что это была диверсия оставшихся в городе германтов. Мы уже никогда этого не узнаем. Как вы понимаете, в те времена результатами расследования с обычными людьми никто не делился... как, впрочем, и теперь... Даже мой отец, обладая влиятельными знакомыми, не смог ничего узнать. Да и какая разница, почему это случилось? Важно, что можно было спасти людей, но людей не спасли. В том пожаре только по официальным данным погибло около тридцати человек, но официальные факты чушь, все мы знаем, как они подсчитывают эти свои официальные факты! В том пожаре заживо сгорело около двухсот человек. Дети, школьники, студенты! Все ребята, которых пригласили на новогоднюю елку. Здание вспыхнуло в одну минуту! Началась давка, паника. Невозможно было дышать. Дым, гарь, огонь. Почти все побежали к лестнице, но проход к ней оказался перекрыт... железной решеткой. Людей просто закрыли, как в вольере. Мероприятие ведь было особенным, для избранных. Посторонние не должны были туда проникнуть. И никто не проник. Поработали на славу! Решетки и двери закрыли намертво. В прямом смысле этого слова! Люди молили, чтобы открыли решетку, но решетку не открыли, потому что был приказ. Прибывшие на место сотрудники госбезопасности, а они, надо сказать, прибыли гораздо раньше пожарных отрядов, спасали важные документы и сейфы, а не людей. Наше государство всегда умело расставлять приоритеты. Люди выбрасывались с третьего этажа и разбивались насмерть, а они спасали папки и коробки.

– Как же вы спаслись?

– Об этом я и хотела тебе рассказать. Меня спас отец. Вместе с другими взрослыми мужчинами он побежал в сторону запасного выхода. Тот, конечно, оказался завален всяким хламом. Столы, стулья, какие-то доски, в общем масса всего. Теперь говорят, что геройство людей заключалось в том, что всего за несколько мгновений они сумели расчистить путь к выходу и выбраться наружу. Но я-то знаю, что геройство заключалось в другом. Запасной выход был заложен. Не было там никакого выхода. Только заложенная кирпичом дверная коробка, напоминающая о том, что когда-то здесь была дверь. Кирпичная стена! Такая, как эта или вон та. Натуральная кирпичная стена, понимаете?

– Да...

– Так вот эту кирпичную стену люди разобрали руками. За несколько минут. Ногтями. Пальцами. Ладонями. Больше ничего не было. Ни молотков, ни кувалд. Я часто думаю, что в тот вечер у моего отца было восемь, десять, двадцать, сорок рук. Он долбил стену, но при этом

ни на секунду не выпустил моей руки. Я уверена в этом. Он держал меня одной рукой и второй разбирал стену, потому что подбирался огонь, потому что совсем не было никакой надежды...

* * *

В городе посредственных архитекторов шел дождь. Намокали крыши и купола церквей. Изменялись политические, экологические и кормовые условия. Улетали птицы. Без виз и штампов в паспортах. Вместе. По предварительному сговору. Они пролетали над разбитыми трамвайными путями, площадью Победы и навечно застывшим колесом обозрения. Над серым Домом офицеров, нулевым километром и роддомом, в котором когда-то родился Циск. Над зданием госбезопасности, Главпочтамтом и Красным Костелом, где совсем еще юная, заплаканная переводчица шептала единственную известную ей молитву:

– Магутны Божа! Ёладар сусьветаў, вялікіх сонцаў і сэрц малых, над нашай краінай, ціхай і ветлай, рассып праменьне свае хвалы... дай спор ў працы, будзённай, шэрай... на хлеб штодзённы... на родны край, павагу, сілу і веліч веры у нашу праўду, у прышлацьць – дай! Дай урадлівасьць жытнёвым нівам, учынкам нашым пашлі ўмалот... зрабі магутнай, зрабі шчаслівай краіну нашу і наш народ!

Она шептала, и улетали птицы. Как птицы, улетали дни. Один за другим, стаяй, чтобы никогда не вернуться.

Главный врач заходил все реже. «А смысл?! На кой черт?! Полежит и так. Все равно изменений никаких». Но некоторые изменения все же были. Росли ногти. Время от времени выскакивали прыщи. Над верхней губой пробивалась щетина. По многим признакам Франциск все еще жил. Республика все еще считала его своим гражданином, хотя и недееспособным. Врачи предлагали готовиться к смерти. В чудо больше не верили. Но с верой в самое лучшее с Франциском продолжала разговаривать бабушка. Слабая, ветхая, она все еще находила в себе силы. Если только Франциск был не против, она включала радиоспектакли, пересказывала книги и приглашала внука гулять.

– Куда сегодня пойдём, любимый? Давай куда глаза глядят? Давай? Хорошо... Мы, как ты помнишь, живём на седьмом этаже. Из твоего окна виден весь двор. Большие деревья, футбольная площадка, соседские дома. Впрочем, как только наступает весна – в окне одна листва! Деревья высокие, большие. Деревьям этим много-много лет. Не видно ни других домов, ни площадки, на которой ты с детства разбиваешь колени. Итак, ты вызываешь лифт. А я закрываю две двери. У нас две двери и четыре замка. Ты всегда ворчишь и ругаешься на меня, а я считаю, что так спокойнее. Раньше мы ставили квартиру на охрану. Помнишь? Я всегда звонила и говорила: «Поставьте, пожалуйста, на охрану – Ц856». Но теперь я не звоню – слишком дорого получается. Нет у меня таких денег каждый месяц. Поэтому я закрываю дверь, а ты, как обычно, вызываешь лифт. Лифт у нас старый. Вначале ты должен открыть большую железную дверь – это можно сделать только когда подъедет кабина, затем толкаешь ногами деревянные дверки и заходишь внутрь. Ты всегда толкаешь их ногами, как бы я тебя ни просила. Ты помнишь, как устроен лифт? Нет? Давай все будем вспоминать. Как правило, в лифте восемнадцать составляющих. Ты уж поверь бабушкиному техническому образованию! Машинное помещение, лебедка и рабочие канаты. Подвеска и ловители. Кабина – у нас она довольно красивая и даже немного похожа на те, что показывают в иностранных фильмах. Отводка. Башмак. Шахта. Направляющие кабины. Направляющие противовеса. Противовес. Буфер. Прямок. Натяжной блок. Канат ограничителя скорости. Сам ограничитель скорости и магнитная станция. Вот, собственно, и все. Вот в такой штуковине мы с тобой, любимый, спускаемся вниз. Ты можешь видеть все этажи, которые мы проезжаем. Когда ты видишь, что на четвертом или третьем

этаже кто-нибудь ожидает лифт, – ты нажимаешь на кнопку «стоп», открываешь двери и впускаешь соседей. Все они очень рады твоему выздоровлению. Они улыбаются тебе. Вот Рим – тебя всегда удивляло его имя. Имя и правда редкое. А вот Катя, его младшая сестра. А это тетя Настя, она возит меня по воскресеньям на рынок. У них была собака, Кора, кокер-спаниель, помнишь? Кора умерла недавно. Тетя Настя теперь думает, покупать новую или нет, – слишком долго Кора у них жила. Перекинувшись парой слов, мы выходим во двор. Прямо перед тобой детский сад. Вернее, раньше там был детский садик, ты всегда играл здесь, но теперь два садика совместили, а здесь сделали милицейский участок. Вот почему в нашем дворе так много людей в форме. Смотрят за порядком. И днем и ночью! Красть, правда, меньше не стали, но кого это волнует?! Главное чтобы они все сумели мобилизоваться в случае чего. Берут всех – идут все! Платят больше, чем где бы то ни было! Совсем непонятно, зачем переводить тексты в Академии наук, если можно гулять по парку с дубинкой, гонять алкашей и получать в три раза больше. Ну да ладно, не будем о грустном! Если пойти направо, то можно выйти к Дворцу водного спорта, но ты всегда поворачиваешь налево и идешь в арку. На первом этаже нашего дома парикмахерская. Именно здесь ты всегда стрижешься. У тебя очень быстро отрастают волосы, поэтому ты ходишь сюда раз в три недели. Девочки тебя очень любят. Думаю, многие, даже несмотря на разницу в возрасте, влюблены в тебя. Все ждут, когда ты закончишь школу. Кстати, надо бы тебя опять подстричь. Ну вот, ты заходишь в арку и поворачиваешь направо. Здесь книжный магазин. Он здесь сто лет! Через дорогу Государственная академия искусств. С большой буквы! Творческая грядка. Актеры, художники, скульпторы и режиссеры – все выходят отсюда. В последнее время, правда, выходит мало, да и качество оставляет желать лучшего. Гордость последних лет – девочка с актерского факультета. Она сумела выскочить за известного сценариста, сына поэта, который строчил гимны. Все об этом только и говорили. Думаю, ей даже памятник поставят. Слева, через дорогу, станция метро. Ты вечно коверкаешь ее название и говоришь «Укради меня паук». Помнишь? У тебя такая привычка. «Восток» ты называешь «Вудстоком», а «Институт культуры» почему-то институтом «Сепультуры». Не знаю, что это значит, но какой-то смысл в этом, наверное, есть. Если хочешь, спустимся в метро, но раз уж такая погода – давай лучше прогуляемся, к «Октябрю»...

Бабушка часто гуляла с Франциском по городу. Она рассказывала о новых местах, на которые теперь обращала внимание лишь затем, чтобы позже описать внуку. Эльвира Александровна пыталась узнать все, что хоть как-то могло заинтересовать, удивить, разбудить его. Когда она принесла в палату телевизор, медсестры хором подумали: «Ну вот, еще одна устала от своего чада!».

– Ты как больше хочешь, любимый? Мне пересказывать события матча, или все-таки будем слушать комментаторов? Хотя какой смысл их слушать? Они же теперь не футбол комментируют, а языком чешут. У них теперь мода такая. Они, видите ли, думают, будто что-то очень интересное рассказывают. Вот их бы отправить вести репортаж на радио, я бы на них посмотрела! Но им же всем все равно. Они все считают, что у них отличное чувство юмора. Что им на роду написано не футбол комментировать, а шутки о спортсменах выдавать. Вот я когда смотрю матч, мне лично совсем не понятно, кто кому пас отдал, кто кого обыграл, кто по какой схеме играет... Сидят себе, обсуждают истории какие-то, а в это время уже четыре атаки прошло... один-ноль, кстати, уже...

Бабушка не поворачивала экран к Циску – телевизор стоял слишком близко. Она боялась, что это может навредить внуку. «Он и так у меня настрадался, не хватало еще, чтобы из-за меня он испортил себе зрение».

Иногда приходил Стасик, последний из друзей. Стасик плохо шел на контакт, почти не умел знакомиться и поддерживать отношения с новыми людьми. Одноклассники разъехались, и Стасик Круковский остался один. Время от времени он перекидывался шутками с коллегами по президентскому оркестру, но этим все и ограничивалось. Если у Стасика и был настоящий друг, то другом этим был Франциск.

– Знаешь, о чем я по-настоящему жалею? О том, что мы не записывали на диктофон наши разговоры в столовой. Очень же было круто! Наши обеды – это вообще что-то очень смешное было! Сколько мы ржали, а? Дураки мы! Надо было записывать на диктофон! Мы столько всего смешного наговорили за прошлый год. Мне кажется, по радио можно было бы вести прямые трансляции с наших обедов. Вся страна, кроме преподав, конечно, держалась бы за животы. А помнишь, как мы аплодировали, когда кто-нибудь разбивал тарелку или стакан? Вся столовая хлопала. Мне кажется это очень круто, когда есть такая традиция. Это как в иностранных фильмах. У нас ведь даже малые хлопают, когда кто-нибудь тарелку бьет. Да уж, клево было, ничего не скажешь. Кстати, знаешь, я должен тебе кое в чем признаться. Да... я давно хотел, но все как-то не получалось... В общем, помнишь, когда была наша смена по столовке, когда мы дежурили, в общем, когда я уже начал убирать стол, а ты, козел, еще допивал компот и все тормозил, а я все подгонял тебя, а ты все не торопился назло мне, и вот когда ты отвернулся – я выжал тебе грязную тряпку в стакан. И ты все выпил. Да... Я перед этим четыре стола ей протер... Ну ты, козел, никак не хотел торопиться! Ты уж не держи на меня зла, хорошо? К тебе, кстати, кто-нибудь еще приходит?

Нет. Друзья не приходили. Одни забывали, других увозили родители. За границу. Навсегда. Мама Франциска любила повторять, что в мире осталось всего два кочующих народа: «Цыгане и мы. Мы географическое понятие, а не нация!». Пока мама острила, соседи покидали двор. На машине скорой помощи. Так было дешевле. Грузоперевозки стоили дорого. «Рафик» набивали вещами и пожеланиями. Женщины плакали, мужчины утрамбовывали чемоданы. Дети смеялись. Водитель включал сирену, и еще одна семья пропала в арке. Стасик прощался и уходил.

Бабушка открывала окно, и палату заполнял свежий воздух. Воздух города, который впал в кому немногим раньше Циска. Воздух города, единственной настоящей достопримечательностью которого было небо совершенно особенного цвета, цвета, который когда-то воспел великий еврейский художник. На мгновение забыв обо всем, бабушка засматривалась на это небо. Машинально включив магнитофон, бабушка продолжала смотреть в окно, и известный музыкант пел Франциску:

Прыдумай сабе свой сьвет
Прыдумай сабе сьвятло
Прыдумай свой дождж і сьнег
Прыдумай усім на злосьць...
Прыдумай сабе жыцьцё
Прыдумай паўсюль усё
Няхай гэта ўсё живе
Прыдумай сабе сябе...
Быць можа гэта табе дапамога
Быць можа
Дай Божа...

* * *

Давление насыщенных паров воды росло. Лишний пар конденсировался в виде тумана. Одним словом, все шло своим чередом. Ранней весной две тысячи третьего года мать Франциска родила мальчика. Пять килограммов, пятьдесят пять сантиметров. Здорового. Главный врач оказался не только хорошим специалистом, но и довольно симпатичным, обаятельным мужчиной. Статный, успешный эскулап рассмотрел в женщине, которая почти не следила за собой, засыхающий, но не мертвый цветок. Роман был стремительным и прямолинейным. Несколько звонков на домашний номер, поход в кино и кратковременная (из-за внезапно начавшегося дождя) прогулка. Обделенная мужским вниманием женщина и не думала сопротивляться. В последние годы ее любовниками были лишь сверстники Франциска. Они пользовались ею как тренажером, она плакала, закрывая дверь за очередным мальчиком. Проходили дни, ребята находили девочек – и больше не возвращались. Когда хирург пошел в атаку, мать Франциска испугалась. Женщина не могла поверить собственному счастью. В один момент она даже решила, что мужчина напрашивается на взятку, и обсудила с бабушкой сумму, которую, вероятно, будет вымогать врач. Однако позже женщины сошлись во мнении, что хирург действительно испытывает то, что в народе зовется «любовь».

В первое время бабушка поддерживала увлечение дочери. Эльвира Александровна считала, что влюбленность придаст доктору дополнительный импульс. «Может, оно и к лучшему? Может, он действительно ее любит? Быть может, он не такой уж и хам? Если он действительно ее любит, если эти чувства правдивы хотя бы наполовину – он с новой силой возьмется за лечение Франциска! Он вылечит моего мальчика, быть может даже не ради долга, но любви ради!»

В действительности, все оказалось ровным счетом наоборот. Врач не только поставил крест на Франциске, но и убедил супругу поскорее завести сына, начать жизнь заново, перевернуть страницу и пойти дальше, штампами к мечте. «Дорогая, я обязательно тебе в этом помогу. Да, дорогая, да. Я буду рядом, да». Женщина подчинилась. Уверенный мужской голос был убедителен. Супруг, без сомнений, говорил правильные вещи. Муж желал ей добра. Она так чувствовала. Трагедия в подземном переходе обернулась счастьем. Мать Франциска вновь почувствовала себя красивой, нужной и молодой. Пудра, губная помада, подруги, тени – все вернулось. История с Франциском отошла на второй план. С кем не бывает?

По настоянию отчима была продана бабушкина квартира. «Я считаю, что три комнаты для вас слишком много, да. Вы и так все время проводите в больнице! А для чего тогда три комнаты? Зачем вам столько? Сколько вы используете метров? А нам нужна новая машина, большая, у нас будет ребенок. Однокомнатной квартиры вам, уверен, хватит. Разве вы не согласны со мной? Я готов выслушать ваши резоны! Вы знаете, что я врач, я люблю во всем функциональность. Какая же для всех нас функциональность в простаивающей жилплощади? Что мы получаем? Что имеем? Что выигрываем? Какая, я спрашиваю, функциональность? Верно, функциональности никакой. Мы живем, а жилплощадь простаивает. Мы могли бы зарабатывать на этих метрах, могли бы хотя бы сдавать их, получать какую-никакую прибыль, но площадь просто простаивает, пылится. Вы со мной согласны?»

Бабушка отстаивала собственную квартиру, но ее никто не слушал – ни зять, ни дочь. Дело было решенным и оформленным. Слушать бабушку никто не хотел. «А нахер?»

После продолжительных споров зять сжалился и пошел на некоторые уступки: согласился купить бабушке квартиру в том же дворе.

– Так уж и быть! Уговорили! Хотя я и соглашаюсь, но знайте – я считаю это расточительством! Глупо! Глупо так поступать! Вы могли бы жить и подальше. Там дешевле. Зачем вам жить в центре города? Что вы здесь забыли? У вас что, много дел? Вам что, обязательно все время быть в центре? Я полжизни провел в деревне – и ничего. Жив, как видите!

– Вообще-то это была моя квартира!

– Эльвира Александровна, давайте начистоту! Мы все теперь семья! Нельзя думать только о себе! Мы должны думать друг о друге, о нашем сыне. Да, квартира была ваша, но что дальше? Была да сплыла! Что дальше вы с ней собирались делать? Вы ее с собой на тот свет собирались перетащить, да? Или, быть может, обменять на уютную трешку на кладбище? Зачем вам жить в этом дворе? Что за глупая ностальгия? Кому она нужна? Вы что, думаете, что в других районах нет магазинов, или там продукты хуже? Вам что, обязательно нужен центр? Вы ходите в рестораны, кино?

– Несмотря на свой возраст, я все еще хожу на работу! Но и это не главное! Я хочу, чтобы Франциск вернулся в свой двор...

– Может, хватит уже, а?! Я терплю вас только из-за жены! Овца старая, включите свой мозг! Сколько вам объяснять, что он никогда, да, никогда, я повторяю, не вернется домой! Никогда! Всосали?! У этой комы один выход – смерть! Сдох он уже! Все! Нет его! И чем раньше вы это поймете, старая дура, да, тем лучше!

– Что ты себе позволяешь? Ты говоришь это уже четыре года, сволочь!

– Недолго осталось, поверьте!

Младший сын отнимал все время. Мать почти не приходила к Франциску. Кроме того, всякий раз, когда она все же находила время, чтобы навестить сына, отчим чрезвычайно злился. Он звал жену к себе в кабинет и после ставшей привычной процедуры строго объяснял, что посещения стоит прекратить. В такие моменты мать Циска старалась успокоить мужа и, застегивая лифчик, говорила:

– Ну не злись, дорогой, я же пришла не только к нему, но и к тебе!

– Да ты бы за сыном лучше посмотрела, да! Кто с ним сейчас сидит?

– Твоя мама. Я ведь всего на час сюда.

– Моя мама?! Почему ты думаешь, что моя мама должна сидеть с ним? С чего ты взяла, что у нее нет других дел? Думаешь, ей больше нечем заняться? А почему твоя мама не сидит с ним? Почему только моя? Она ведь тоже его бабушка, разве нет? Или ей наплевать на собственного внука, да?

– Дорогой, ты же понимаешь, что она все время рядом с Франциском...

– А зачем? А не хочет в морге посидеть? Я могу устроить!

– Любимый, ну не злись, пожалуйста, я обязательно поговорю с ней.

Мать Франциска не обманула. Она действительно поговорила. Два раза. По телефону и лично. Никах подвижек. Что в лоб, что по лбу. Старуха и не думала сдаваться. Казалось, она действует всем назло. Никакие доводы, никакие аргументы и угрозы не помогли. Ничего, о чем можно было бы с гордостью рассказать любимому мужу. Эльвира Александровна продолжала приходиться к Франциску каждый день. Она разговаривала с ним, включала фильмы, читала книги. Книги, даже самые длинные, очень быстро заканчивались. История на греческом острове подходила к концу, Анна бросалась под поезд, Марсель обретал свое время. Одно то, что Франциск не поправлялся на протяжении семи томов, могло вывести из себя, но бабушка оставалась стойкой. Сумасшедшей в своей вере. Она откладывала в сторону одну книгу и начинала другую:

– Ну что? Сегодня у нас «Горная баллада»? Ты конечно читал ее, но давай перечитаем. Ведь сегодня такой день... Я ведь поэтому и опоздала... я была на его похоронах. Ты не пред-

ставляешь себе, что там творилось! Я даже описать не могу! Так стыдно! Так противно и стыдно! Впрочем, чего еще ожидать от людей, которые вырывают тракторами кресты? Я еще вчера решила купить васильки, помнишь, как у величайшего драматурга: «Цветку – цветок!»? Я встала пораньше, перешла через дорогу – у нас там всегда цветы продают, и что ты думаешь? Ни одного! Мне женщина так и сказала: «Вы что, дорогая, в шесть утра уже все раскупили!». Слава Богу, остались гвоздики! Я купила немного красных, и белых побольше. Панихида проходила в Доме литератора. Несмотря на то, что я приехала довольно рано – вся улица уже была заполнена людьми. Ты не поверишь, сколько там было народа! От самого метро тянулась очередь! Да-да! Я не преувеличиваю! Представляешь себе?! Да, дорогой, я давно столько людей не видела! Мы встретились с Норой, прошли внутрь, возложили цветы и думали уже уходить, но я почему-то захотела остаться и попросила Нору подождать. Мы прислонились к стене. Знаешь, темно так было... красиво... я все смотрела на гроб – и не могла поверить, что его больше никогда не будет. Правильно Валентин Васильевич написал: «Если ты есть здесь и сейчас, значит тебя больше нигде и никогда не будет». Так и есть, мой дорогой. Мы только здесь и сейчас, поэтому я так и сражаюсь за тебя. Ничего больше не будет, и я не хочу, чтобы подземный переход и палата стали последними местами в твоей жизни. Ничего потом не будет, поэтому ты тоже должен помочь мне! Ты должен сражаться, бороться, биться до последнего, слышишь?! Слышишь, мой дорогой?! Прости... Прости, я не хотела тебя огорчать. Прости, бабушка сейчас успокоится. Прости... Ну так вот... Я стояла прислонившись к стене, смотрела на все, а рядом с нами стояли два амбала с рациями. Здоровенные – жуть! Я даже представить себе не могу, чем их кормят. Собачим кормом, наверное. Ну и вот, они говорили, говорили, молили в общем какую-то чушь, как вдруг один из них спрашивает у другого: «Ты-то читал что-нибудь из его?» – «Да, в школе еще... что-то про охоту какого-то короля с крыши»... Представляешь? Он так и сказал! Я чуть по стене не расползлась! «Охота короля с крыши!» Но оказалось, что это только начало! Рано я расстраивалась! Ты даже не представляешь, что там творилось! Тошно, тошно рассказывать, милый! Я точно не слышала, что говорили, потому что стояла довольно далеко, но потом мне рассказали, что министр потребовал убрать от изголовья крест и поставить государственный флаг. Их флаг! Флаг государства, которое выслало его из страны! Флаг, который они придумали. Вдова, конечно, послала их к черту и сказала, что ничего менять не будет, что все останется так, как есть. И тут началось! Представляешь, прямо при покойном чиновники устроили разбор полетов. Требовали поставить у гроба государственную, а не оппозиционную символику. В противном случае они угрожали снять караул и покинуть панихиду. Непонятно только, кого они хотели этим напугать?! Представляешь, ты хоронишь самого близкого человека, а к тебе подходят и говорят: «Если вы не уберете ваш флаг и не поставите наш, – мы будем вынуждены покинуть ваше мероприятие». Мероприятие! Да проваливайте вы ко всем чертям! Так и произошло! Чиновники собрались и уехали. После этого стало понятно, что наш дорогой президент не приедет. Прощанию с величайшим писателем современности он предпочел вертолетную прогулку в какой-то совхоз. Так что официальных лиц не было. Их эти похороны не очень-то интересовали. Зато были послы! Почти всех стран континента! Не приехал только большой брат. Действительно, зачем? Это ведь политика! Его появление могли бы неправильно понять. В государственных средствах массовой информации разыгралась бы нешуточная полемика: «А что хотел этим сказать господин посол? Старший брат больше не с нами? Это что, какой-то знак? Быть может, сигнал?». Но ни посол соседней страны, ни президент нашей не приехали на панихиду. Умер ведь не человек, умер политический соперник. Нет, милый, никто, конечно, не приехал. Но может это и хорошо. Это, наверное, даже и правильно. Ты представляешь, какой бы разразился скандал, если бы он все же приехал туда? Ну так вот, чиновники уехали, но до последнего момента было не ясно, разрешат ли пронести гроб по проспекту. Очень напряженная была атмосфера. Все волновались, переговаривались, но потом вроде как разрешили, и процессия двинулась к кладбищу. Ты не представляешь, любимый,

сколько было народа! Весь проспект, все восемь полос были заняты людьми! Там, наверное, тысяч сорок было! Давно столько людей не собиралось. И знаешь, все шли так тихо, мирно. И только флаги развевались... Так страшно было... и мирно... и восхитительно одновременно... и больно... и знаешь... знаешь, люди просто шли, склонив головы. Никто не разговаривал, не перешептывался... Никто не призывал к революции, не выкрикивал никаких лозунгов, как наверняка скажут по телевизору, если вообще скажут. Но не суть! Я все смотрела по сторонам и знаешь, милый, очень много людей плакало... плакало по-настоящему, без долга и принуждения. Многие из нас ведь никогда даже живьем его не видели, мы только читали его, слушали, а провожали сегодня, будто родного, близкого человека. В один момент я подняла голову и увидела женщину на балконе. Она почему-то не вышла на улицу. Побоялась или не смогла. Не знаю. Не так уж это и важно. Важно, что она стояла на балконе, довольно далеко от меня, но я видела, что и она плачет. По ее лицу текли слезы, и я увидела бы эти слезы, даже если бы между нами было сто, двести километров. Она вся была сама скорбь. Знаешь, я все смотрела на эту женщину и, наверное, еще бы очень долго смотрела и, наверное, засмотрелась и споткнулась бы, наступила бы кому-нибудь на ногу, но вдруг сотрудники дорожной инспекции стали орать в мегафоны: «Освободите проезжую часть! Освободите проезжую часть!». В последний путь провожают величайшего писателя страны, а они орут: «Немедленно сойдите на тротуар, немедленно освободите проезжую часть!». Представляешь, дорогой? Оказалось, что гроб главного сына страны мешает движению в городе! Все очень, оказывается, спешат! Этот человек прославил страну на весь мир, но у нас нет времени с ним проститься! У нас неотложные дела! Кто-то в баню опаздывает, кто-то крем забыл купить! Они так испугались, что панихида перерастет в акцию протеста, что стали разгонять людей, которые склонив голову шли за гробом! Когда едет президент, перекрыть весь проспект – это в порядке вещей! Это нормально! Весь город должен стоять, ведь едет слуга народа! Человек, которого мы наняли. Служащий, которого мы, его работодатели, все никак не можем уволить! Когда по городу едет этот служащий, по делу или без, когда он едет покататься на лыжах или встретиться с друзьями, весь город должен стоять, но когда хоронят величайшего писателя страны, нужно немедленно освободить проезжую часть. Такие правила! Так есмь! Но самое страшное, что своим действиям они очень быстро находят оправдание – электорат едет на дачу, электорат опаздывает! Похороны мешают другим людям. Мешают тем, кто никогда не читал и не станет читать. Какое им дело? Их можно понять. Им к родителям вечером ехать, шашлыки жарить, почему они должны стоять? Вот если бы президент ехал, вот тогда бы да... К твоей маме, кстати, недавно приходил участковый. Мало того, что они спилили все деревья на проспекте, так теперь они требуют во время следования президентского кортежа не выходить на балкон и не открывать окна. Даже форточки нельзя открывать! Ни-че-го! Раньше жилплощадь на проспекте считалась элитной, а теперь все окна должны быть закрытыми. Они опасаются, что из окон будут стрелять. Мать твоя или, не дай бог, ее кошки. На случай кошачьего восстания лучше перестраховаться. Никогда ведь не знаешь, что у этих животных на уме. Вот такие дела, милый. Вот так у нас прощаются с лучшими людьми страны. Так что мы как раз дошли до маминого дома, а потом гроб поставили в автобус, и у ботанического сада процессия рассосалась. На кладбище поехали самые близкие, а я поехала к тебе...

Бабушке показалось, что Франциск расстроился и устал. Посмотрев на часы, она решила, что сегодня еще успеет в банк...

Вернув квитанции, сонная сотрудница банка монотонно произнесла:

- Лотерейный билет.
- Что лотерейный билет?
- Брать будете?
- Зачем?

- Купите квартиру...
- Есть квартира...
- Ну... дачу купите...
- Есть дача...
- Машину там – я не знаю...
- Есть машина...
- Чего же у вас нет, женщина?
- Свободы нет...

Бабушка возвращалась в новую квартиру. Бросала сумку и обессиленная падала на кровать. Разглядывая чужой потолок, она вспоминала старый, родной подъезд. Лифт, седьмой этаж, лестничную площадку и дверь. Прихожую, гостиную, комнату Циска. Бабушка вспоминала свою любимую стенку и одну за другой выставленные в ней кофейные чашки. Она думала, что новые владельцы скорее всего не стали менять замки. Бабушка думала, что ей нужно посидеть во дворе и проследить за новыми жильцами. Выждать момент и всего на несколько минут пробраться домой. Пройтись по коридору, посидеть в кухне. Разглядывая трещины на потолке, обессиленная женщина думала о том, что новые владельцы наверняка покрасили зарубки, и теперь Франциск никогда уже не сможет увидеть их.

Бабушка засыпала. Вместе с ней засыпал город. Засыпали тысячи мелочей. Засыпала квартира, разбитый паркет и стены. Засыпали ковры, буфет и стулья, которым в новой квартире было слишком тесно. Засыпали люстра, окно и двор, в котором теперь никто не играл. Засыпали старые туфли и сумки. Засыпали мысли, засыпали слова. Рядом с бабушкой засыпала книга. Преодолевая сон, прочитав из нее одно стихотворение, бабушка думала о том, что автор ошибается – конец перспективы был здесь, а не где-то там.

Улучшений не было. Ни в то лето, ни в ту осень. Из-за однажды внезапно начавшегося дождя Франциск по-прежнему пропускал дожди: дождь грибной и дождь грозовой (несколько раз), дождь затяжной и косой, окатный и проливной. Бабушка сидела рядом с Франциском и загадывала себе, что если вспомнит все виды дождя, что теперь пропускает Циск, то он обязательно поправится. Бабушка вспоминала, что на днях был дождь моросящий, а две недели назад, когда она ездила убирать могилу родителей, полосовой. Что дожди, вообще-то, бывают ситные, слепые и снежные. Но и это еще не все! Бабушка вспоминала, что слышала про дожди каменные и кровавые, дожди всех цветов и вкусов, дожди красные, черные, шоколадные и молочные. Пытаясь вычеркнуть последний, препятствующий выздоровлению внука дождь, бабушка вспоминала о ливнях из лягушек, рыб и зерен овса. Но это не помогало. За дождями из ржи, листьев, цветов и насекомых наступала зима. Выпадал снег. В дворовых коробках заливали катки. Влюбленная в хоккей страна доставала с антресолей коньки. Команда президента в очередной раз выигрывала в любительском турнире. Вновь и вновь президент оказывался сильнее и выносливее профессиональных хоккеистов. Глава государства забивал голы, и государственные каналы захлеб рассказывали о ведомствах, которые заняли вторые и третьи места.

– Рядом с больницей залили каток, – саркастически начинала бабушка. – Ах, если бы ты только видел его, мой дорогой! Каток прекрасный, ровный, идеальный! Зеркало, а не лед! В наши времена о таких катках можно было только мечтать! Весь город только об этом катке и судачит. Дело вот в чем: залили каток и стали раздавать в аренду коньки. Хотели сделать как лучше, поэтому решили залог с людей не брать. Решили, что люди теперь честные и никто коньки воровать не будет. Поверили в то, что каждый, кто взял, обязательно вернет! В общем, гости катка должны были заплатить только за прокат, никакого залога. И что ты себе думаешь?

Через три дня каток был вынужден прекратить свою работу! Всего через три дня! За три дня украли двести десять пар коньков! Двести десять пар коньков, представляешь?! Но и это не остановило управляющих! Администрация катка написала объявление: «Дорогие гости, извините, но отныне мы вынуждены брать с вас залог за коньки. Мы не хотели этого делать, но, к сожалению, вынуждены». И что ты думаешь? Коньки понесли обратно! Обратно! Назад! Люди, которые до этого украли коньки, понесли их в надежде получить залог!!! Ты себе можешь это представить? Никогда, никогда в этой стране ничего не изменится!

* * *

– Простите, к вам можно? Заходите, ребята! – не дождавшись ответа, сказал незнакомый врач.

Как правило, уже к концу первого курса большинство молодых эскулапов теряло всякий интерес к будущей профессии. Случай с Франциском деканат медицинского университета, конечно, не мог пропустить.

– Ничего себе! Столько он уже лежит? Прямо столько лет? Вот это да! И что, прямо даже не переворачивается?

– Нет, – спокойно ответила бабушка, – мы его переворачиваем, чтобы не было пролежней...

– Да, вот это тема! Класс! А он чувствует боль? Можно в него поколоть? А вот что будет, если ему сейчас без анестезии вырвать зуб? Ему же все равно?

– Все равно! – объяснил внезапно появившийся зять. – Мозг не работает! Никаких импульсов и сообщений. Вы можете ему хоть все зубы вырвать – он ничего не почувствует!

– Может быть хватит?! Как же вам не стыдно!

– Эльвира Александровна, я всего-навсего выполняю свою работу! Ребята, есть еще какие-нибудь вопросы?

– Да, у мяне! Родственница, скажите, ваш унук состоит у республиканском союзе молодежи?

– Нет конечно!

– А тагда у меня яшчэ один вопрос, можна? А как вы отнесетесь к таму, што мы его туда?

Ну эта... впишам?

– Ему нужен покой, уходите, пожалуйста!

– А чо я такога спросил?

С каждым днем палата все больше напоминала музей современности. Бабушка старалась ничего не упустить. Сестры жаловались, что она заполняет комнату всяким хламом, но та строго отвечала: «В таком случае, хлам – вся наша жизнь! Ничего лишнего здесь нет! Все, что я собираю, должно помочь ему! Он должен видеть все, все слышать и, по возможности, ничего не забывать!».

Стены были увешаны плакатами футболистов и вырезками из газет. «Введение банкнот и монет в Континентальном союзе», «Знік апэратар», «Теракт. Разрушены башни-близнецы», «В результате деноминации 1000 рублей становится 1 рублем», «Адбыся 100-тысячны агульнанацыянальны страйк прадпрымальнікаў», «Оппозиция бойкотирует парламентские выборы», «Войска международной коалиции вошли в...», «Следователи сообщают про существование в стране “Эскадрона смерти”», «Открытие чемпионата мира по футболу, который впервые проходит в Азии», «Паводле афіцыйных звестак прэзідэнт набірае 75 працэнтаў галасоў выбарнікаў», «Начинается акция протеста против строительства кольцевой дороги на месте захоро-

нения жертв репрессий», «Власти взяли контроль над основными литературными изданиями и назначили новых руководителей редакций», «Лиса ранила охотника из его же ружья», «Независимая газета прекращает свое существование из-за огромного штрафа», «Разрушение древних гигантских статуй Будды», «Па вяртанні з замежжа памірае першы пісьменнік краіны. Яго пахаванне ператвараецца у грамадзянскую акцыю», «Министерство образования ликвидирует Национальный гуманитарный лицей. В столице не остается школ, ведущих преподавание на родном языке», «Через референдум президент получил право баллотироваться на пост главы государства больше чем два раза», «В Палату Представителей не проходит ни один представитель оппозиции», «Власти закрывают гуманитарный университет...»

Метроном исправно работал, и, вычитывая в газетах и медицинских энциклопедиях случаи сказочных возвращений, бабушка пыталась собственными руками воссоздать их. Узнав, что многие пациенты приходили в себя почувствовав резкую боль, бабушка в течение нескольких дней аккуратно вонзала иголки во Франциска. Когда Эльвира Александровна поняла, что иглоукалывание не помогает, в ход пошла вода. Один американец провел в коме больше пяти лет и вышел из нее в тот день, когда санитары случайно положили его в ванную с очень горячей водой. Взяв в союзницы вечно бормотавшую сестру, бабушка несколько недель поочередно купала Франциска то в кипятке, то в ледяной воде, но и это не воскресило его. Отказавшись от банных процедур, Эльвира Александровна переходила к воплощению следующего плана. Бабушка слышала, что один пациент вышел из комы после случайного отключения аппарата искусственного дыхания, но Франциск дышал сам – и значит, нужно было придумывать что-то еще. Бабушка вспомнила, что в одном иностранном фильме пациентка вышла из комы после того, как санитар против ее воли занялся с ней сексом. Эта история заинтересовала бабушку еще и потому, что была основана на реальных событиях. Бабушка долго решала, кто мог бы заняться любовью с Франциском. «Как найти девушку, которая понравится ему? Настя? Любит ли он ее еще? Любит ли она его? Кто же, если не она? Проститутка? Не оскорбит ли его этот факт? А что если он заразится? Впрочем, все же будет происходить в больнице, ее, конечно, можно будет проверить. Вкус? Я совсем не знаю, какой у него вкус. Какие девочки ему нравятся? Вернее женщины... Какая ему нравится грудь? Большая или маленькая? Какая грудь могла бы оживить его? Твердая? Наверное, нужно выбрать девушку, похожую на Настю...»

– Алло, Стасик, привет! Это Эльвира Александровна, бабушка Франциска. Послушай, у меня к тебе серьезный вопрос: какие девушки нравились Франциску?

– Красивые...

– Это понятно, но какие именно? Высокие? Низкие? Худенькие? Плотные? Какая ему нравилась грудь?

– Всем мальчикам нравится большая грудь, хотя... хотя ему как раз большие сисяндры... простите, ему большая грудь никогда не нравилась. Он всегда говорил, что ему не нравятся «мякиши» и «висюли». Я думаю, ему нравилась плотная, красивая, твердая грудь, которая помещалась в руке, а вам зачем?

По просьбе бабушки Стас нашел проститутку. Такую, как сам бы хотел. Такую, о которой мечтал. Самую дорогую из всех, что ему удалось найти. Бабушке она показалась необразованной, но Стас убедил Эльвиру Александровну, что это именно то, что нужно другу.

– Да вы посмотрите на нее! Телочка высший класс! Вы посмотрите, какие у нее ноги, спина! Это же идеальная баба! Такая грудь! Она же прямо модель! Вообще непонятно, почему с такой внешностью она еще этим занимается! По-любому к ней подкатывали богатые папочки! Циск в жизни бы не начистил такую клюшку! А тут, благодаря вам, ему такое счастье подка-

тывает. Если честно, я бы мечтал, чтобы мне кто-нибудь такое чудо подогунал, Эльвира Александровна!

Все это время молодая и спелая проститутка молча стояла рядом. Цена, которую назвала девушка, показалась бабушке чрезвычайно низкой. Бабушка испугалась, что с девушкой что-то не то, что она чего-то не умеет или, не дай бог, больна. Бабушка еще несколько раз прошла по прейскуранту, но ситуации это не изменило – девочка оставалась фатально дешевой. Более того, почуввав возможную потерю клиента, молодая жрица любви скинула еще немного, чем окончательно запутала бабушку. Когда Стас понял, что происходит, он попросил проститутку выйти в коридор и поспешил успокоить заказчицу.

– Эльвира Александровна, дело не в ней! Вы не переживайте так! Дело в ценах на рынке! Такая сейчас сложилась ситуация! Вы думаете, чего у нас столько туристов? У нас же секс-туризм развит, как нигде в мире! Просто очень дешево! Таких вот, как она, телочек задаром отдаем! Это еще, я вам скажу, дорогая шлюха! Можно было и дешевле найти, но вы же мне сказали самую крутую! Поверьте, она очень много просит за себя. За такие деньги можно две, три девушки снять! Поверьте, можно найти в три, в четыре раза дешевле! Если хотите – я могу с ней поторговаться!

– Нет-нет! Что ты! Пусть только сделает все хорошо!

– Хорошо!

Эксперимент с проституткой не удался. Франциск не проснулся и даже не возбудился. Проститутка вышла и спокойно сказала, что «он же в коме». Ничего делать не хочет. Она честно все делала: «Я лизала, облизывала, сосала, даже немного потанцевала ему, но ему все пофиг. Мне вернуть вам деньги?» – «Нет», – ответила бабушка.

* * *

«Завтра – день ежегодных выборов Благодетеля. Завтра мы снова вручим Благодетелю ключи от незыблемой твердыни нашего счастья. Разумеется, это непохоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда – смешно сказать – даже неизвестен был заранее самый результат выборов. Строить государство на совершенно не учитываемых случайностях, вслепую – что может быть бессмысленней? И вот все же, оказывается, нужны были века, чтобы понять это. Нужно ли говорить, что у нас и здесь, как во всем, – ни для каких случайностей нет места, никаких неожиданностей быть не может. И самые выборы имеют значение скорее символическое: напомнить, что мы единый, могучий многоклеточный организм, что мы – говоря словами “Евангелия” древних – единая Церковь. Потому что история Единого Государства не знает случая, чтобы в этот торжественный день хотя бы один голос осмелился нарушить величественный унисон», – ведущая новостей захлебывалась в монотонном экстазе и, переставляя цветок со стола на подоконник, бабушка в который раз заговаривала с Франциском.

– Он совсем как ты. Совсем неприхотливый. Дома стоял, я совсем за ним не следила, забывала поливать, а он ничего. Растет себе. Смотри – новые листики дает. Кажется, ему гораздо важнее человеческое внимание, чем вода. Совсем скоро ты тоже откроешь глаза и согласишься, какая у него зеленая листва!

Бабушка брала разрезанную надвое пластиковую бутылку и выходила в коридор. Перед краном, выжимая тряпку, стояла женщина из соседней палаты. Ее муж провалился в кому всего несколько дней назад, и она даже думать не хотела о том, что все это может продолжаться столько, сколько это продолжается в соседней палате. Бабушка подносила пластиковую бутылку к раковине, и в этот момент, как всегда по вторникам и четвергам, за ее спиной проходил Стасик.

– Здорово, дружище! Ну, как ты тут? Вижу, что лучше, но конечно не до конца! Зря ты, конечно, от той телочки отказался! Она мне наверное всю жизнь будет сниться! Такая крутая! Вообще, все так круто делает. Жаль только, пофиг ей все. И в конце неприятно, что после всего она просит ее отблагодарить! Прямо так и говорит: «Сделай мне комплимент». Очень это неприятно как-то. Думаю, если бы она тебе такое сказала, ты бы от злости точно пришел в себя! Но скоро и так это произойдет! Скоро уже совсем на поправку пойдешь! Выздоровеешь, пойдем на футбол! Хотя от нашего футбола еще больше заболеть можно... Как я? Да, что как... у меня ничего не меняется... все как всегда... по-старому все... знаешь, я иногда, если честно, даже немного завидую тебе... нет, серьезно! В твоей жизни было хоть одно потрясающее событие. Хорошо бабушка твоя не слышит, а то пригондошила бы меня! Но я серьезно! Вот ты сам посуди, для среднестатистического гражданина нашей великой страны ты кое-что повидал! В твоей жизни было хоть одно запоминающиеся событие. Ты что-то видел. А кто у нас что видит? Из города в деревню, из деревни в город. Да что там! Разве у нас кто-нибудь путешествует хотя бы по стране? Кому это надо?! Только сумасшедшие! А ведь столько есть всего красивого и интересного. Я вот иногда по телеку смотрю – ты, кстати, тоже посмотри, я бабушке твоей скажу – одна из немногих интересных передач на телевидении. Называется «Новые путешествия дилетанта». Столько, оказывается, красивых мест, столько костелов красивых. Очень часто стоит деревня – два дома и костел! На этот костел могли бы туристы приезжать смотреть, но нет. Кто туристам расскажет, что у нас есть такие костелы, если мы сами не знаем, что они у нас есть?! Такие места интересные показывают! Я все время смотрю! Столько всего узнаю... А у меня? Да что у меня... ай, и не спрашивай! У меня ничего, вообще ничего не происходит! Да и не произойдет, наверное, уже никогда! Тишь да гладь все. С Настей все хорошо... Ну я же тебе рассказывал же, да? Нет? Ну мы, кстати, поженились недавно... Короче, Настя говорит, что я вечно всем недоволен, но знаешь, Циск, а чем мне быть довольным? Чем? Знаешь, даже хорошо, что ты не видишь всего, что тут вокруг происходит. Людей сажают, как... даже не знаю... такое ощущение, что какой-то агроном перепутал всех людей с картошкой и теперь вот окучивает всех и сажает, окучивает и сажает. Может быть, когда ты очнешься все и поменяется, но сейчас, мой тебе совет – не просыпайся! Спи! Нет, я серьезно! Лучше спи! Иначе скажешь что-нибудь не то, и тебя посадят сразу или избыют перед подъездом. Других вариантов в этой стране не бывает. Либо молчишь, либо получаешь. Вся страна спит, так что и ты спи спокойно! Так хреново мы никогда не жили. Все только и говорят: смотрите, как у нас хорошо, спокойствие, достойный стабильный заработок, чистота, экономическое чудо! Но я тебе вот что скажу – нет никакого чуда! Фасадная политика! Все сделано таким образом, чтобы турист, который приехал сюда на два дня (а больше здесь делать нечего), подумал, что мы хорошо живем, что почти как на Западе, но это же не так! Это же пыль в глаза! Сколько твоя бабушка получает в Академии наук? Стыдно говорить! А я в оркестре? А стипендия у меня в консерватории? Жуть! А какое болото, дружище, наша конса, о! Лучше тебе и не знать! А что по телеку? Тебе же бабушка включает телевизор, ты же слушаешь? Это же пиздец просто! Ты меня прости, но реально так больше невозможно! Новости все у нас одни: «Трава стала зеленее, надои молока увеличились, хоккейная команда президента в очередной раз обыграла лизоблюдов, которые приехали специально, чтобы ему проиграть». Вот такие у нас новости! А о том, что экономики нет как таковой, о том, что у нас все соперники президента почему-то пропадают, о том, что мы изолированы от всего мира и дружим только с диктаторскими режимами, об этом у нас молчок. Ты посмотри, кто с нами поддерживает отношения? Не страны, но племена только! И, конечно, москали! Пшеки для нас теперь вдруг врагами стали, а москали братья! Мы у них деньги на сигареты стреляем! Они ему дают кредиты и медленно скупают у младших братьев страну. Говорят, хочешь на мороженое? Хорошо! Ты ездил на велосипеде, который тебе мама подарила, но помни, что он теперь мой и когда захочу, велосипед заберу. Ничего, ничего у

нас скоро не останется! Все потихоньку продается! Он скоро даже землю под нашими ногами кому-нибудь продаст! Я не удивлюсь, если койка под тобой уже не принадлежит нашей стране! В общем, жопа полнейшая в стране, а он все рассказывает, как мы здорово живем. Конечно, здорово, – если каждый год ему просто так деньги дают. Мы же просто очередной дотационный регион! Они перестанут давать нам бабки – и все, ховайся у бульбу! Всем же выгодно, чтобы здесь буферная зона была. Мы для наших старших братьев вообще не народ, а так, навозная яма между ними и соседями. Важно, чтобы мы не вошли в континентальный союз, важно, чтобы западные войска, не дай бог, не стояли возле их границ. Политика дело важное! Тут нужно быть аккуратными! Им приходится быть настолько аккуратными, что соседнюю страну, одной только ради призрачной безопасности, можно превратить в форпост. Подумаешь, что они поддерживают диктаторский режим! Ну и что здесь такого? Мало ли с кем они дружили? Они и с германтами дружили, когда мир, как торт, разрезали. Зато мужики довольны! Зато они империя! Зато они круче всех! Граница на замке! На таком замке, что он накрывает собой другие страны...

– Ты закончил? Тебя чего понесло-то так?

– О, смотри, Циск, Настя! Не хотела заходить, стеснялась, но зашла!

– Я не стеснялась, а он тебя все равно не слышит. Ты вообще думаешь, что говоришь? Ты представляешь, сколько здесь людей? Хочешь в милиции оказаться?

– А что я такого сказал? Или теперь вообще нельзя вслух говорить?

– Будешь что-нибудь понимать в политике – говори, а пока сиди и молчи, ему-то ничего не сделают, а тебя по судам затаскают...

– Да за что?!

– Нормально, что ты на всю больницу президента диктатором называешь?

– Да он сам себя так называет!

– Ему можно, а ты давай прощайся со своим дружком и поехали, нам еще в магазин надо...

Ребята сели в машину, Стасик молча завел двигатель и включил радио. Народный артист несуществующий страны запел:

Опозданием мы наказаны,
Что слова любви прежде сказаны.
Что совсем другим доверяли сны
За полчаса до весны
Если б судьбу знали заранее:
Что средь дождей встретимся мы,
Я бы пришел к вам на свидание
За полчаса до весны...

Шел второй месяц лета. Город пустел. Покидая столицу, многочисленные таксисты и чиновники разъезжались по родным деревням: «Закалоць парсючка, выпіць з дзедам, падрых-аць на печцы». Закрывались бассейны и театры, музеи и школы. Когда машина скорой помощи заехала во двор, все вещи уже были спущены. Чемоданы, пакеты, чемоданы, чемодан. В день эмиграции тете Норе исполнилось 78 лет. Ее мужу, Иосифу Абрамовичу, профессору, заслуженному деятелю науки, 86. Именно в этом возрасте одни из самых успешных врачей молодой республики решили иммигрировать. Тетя Нора, личный нейрохирург президента, отказалась доживать последние годы в стране крепчающего маразма. Проводы решили не устраивать. По пути в аэропорт она заехала к Франциску, поцеловала его и вышла. Всё. Все посчитали, что так будет лучше. Проще. Лучше верить, что Нора никуда не уехала. Что она по-прежнему живет в

центре города, на улице, названной в честь автора теории прибавочной стоимости. Нора вышла и бабушка спокойно произнесла:

– Ну вот, теперь мы с тобой совсем одни. Ну, это ничего. Я привыкла. Моих родителей давно нет. Я уже много-много лет живу одна. К этому можно привыкнуть. А у тебя еще будет много друзей... и девочек... правда, мой дорогой... ах, если бы только знать, какие девочки тебе нравятся...

На следующий день в палату вошла раздраженная медсестра. Старуха стала против бабушки и заговорила. Сама. Вдруг. Словно разрушенная стихией слов дамба. Не себе под нос, но громко, обращаясь именно к родственнице пациента. Сестра говорила, и на Франциска летела ее слюна. Она говорила и впервые в жизни хотела, чтобы ее слушали, чтобы ее слышали, а негодованию ее сочувствовали и отвечали:

– Ну и каму яны хочут мозги запудрить? Всем же ясно, каму гэта выгодно! Сейчас найдут врага. Ганьба! Якая страна – такой и теракт! Скажут, что во всем виновата оппозиция, которая хотела дестабилизировать ситуацию в стране! Ну эта ж уже совсем в лоб!

Бабушка не могла поверить собственным ушам. За долгие годы государственная пропаганда должна была вымыть, выполоскать и отжать мозги этой женщины. По правилам, по законам, по природе своей она физически не могла произносить всего того, что теперь произносила. То, что сейчас говорила сестра, было чудом, чудом настоящим, чудом, которое вполне могло бы оживить Франциска. Медсестра продолжала возмущаться государством, и бабушка наблюдала за немислимым превращением, о котором впору было бы писать великому автору с коньячной фамилией. Сюжет для отечественных и западных авторов утопий. Поломка государственной машины. Сбой. Безумная, вышедшая из под контроля деталь.

– Давайте посмотрим новости, – с улыбкой предложила бабушка.

– Да, а смысл якой? Все ж ясно! Ганьба! Ганьба гэта!

Бабушка все же включила телевизор. Чрезвычайно серьезным голосом ведущий объяснял, что во время празднования Дня независимости в толпе людей прогремел взрыв. Сработало взрывное устройство, начиненное гайками или чем-то там еще. В результате взрыва никто не погиб, однако 50 человек были ранены, 37 из них обратились за помощью в больницы.

– Половина у нас уже! – перебила сестра.

– Тяжелые?

– Жить будут!

Ведущий продолжал. Уверенный в себе мужчина в дешевом костюме убеждал граждан, что стране брошен вызов, что кто-то (скорее всего Запад) заинтересован в том, чтобы подорвать стабильность в стране, что кому-то очень не нравится, что мы живем лучше всех на континенте. По мнению ведущего, организаторы взрыва несомненно хотели посеять в стране страх. Но им (в этих «им» вся страна отчетливо слышала слово «оппозиция») это не удастся, потому что так сказал сам президент.

Как и ожидалось, вслед за взрывом по стране прокатилась серия обысков. Преступников искали в офисах независимых газет и общественных организаций. Подрывником был несомненно один из тех, кто голосовал против. Иначе и быть не могло. Иначе все это не имело смысла.

Вслед за обысками в республике объявили всеобщую и обязательную дактилоскопию мужского населения. Отныне каждый совершеннолетний мужчина должен был явиться в местное отделение милиции и сдать свои отпечатки пальцев. Кровь и кал никто, слава богу, не просил. Все-таки страна была оплотом демократии, поэтому граждан заставляли откатывать только пальчики. Чтобы ускорить процесс, милиция начала выезжать по адресам.

– Здравствуйте, мамаша, мы должны снять отпечатки...

– У меня?

– Нет... у Лукича... Франциска Лукича... это ведь он? Он лежит?

– Зачем?

– В смысле?

– Зачем вам его отпечатки пальцев?

– Идет следствие. Всеобщая дактилоскопия... Вы что, глухая? Я же ясным языком сказал – всеобщая дактилоскопия! А вдруг он специально изображал из себя больного, потом встал, совершил преступление и опять лег как ни в чем не бывало?!

– Он в коме уже несколько лет. Он уже несколько лет не встает.

– Тем лучше для него... хорошее алиби.

– Вы издеваетесь?

– Мамаша, мы всего навсего выполняем свою работу. Это ваш сын, вы же зарабатываете, чтобы он мог есть. Нашим проглотам тоже надо есть!

– Но ведь отпечатки пальцев снимают только у подозреваемых!

– А у нас в стране все подозреваемые... кроме... – чиновник посмотрел на портрет президента, который несколькими днями ранее повесили по указанию отчима.

– Почему он здесь висит?

– Почему вы у меня об этом спрашиваете?

– Это вы повесили?

– Да, прямо из дома привезла, взяла и повесила. Вы вообще в своем уме?

– Вы что, не слышали о борьбе с культом личности? – с нескрываемым удивлением спросил следователь.

– Какая еще борьба с культом личности?

– Президент сам сказал, что нужно это прекращать. С культом личности нужно бороться. Ему самому надоело, что повсюду висят его огромные портреты. Он приказал немедленно снять все портреты.

– Вы это сейчас серьезно? Он сам приказал снять все свои портреты?

– Да! Он так и сказал: зачем везде висят мои огромные портреты? Зачем повсюду этот культ личности, немедленно все снять! Достаточно маленькой фотографии на столе...

– Вы это сейчас серьезно?

– Да...

– Значит, маленькой все-таки достаточно?

– Вполне...

– Ну видишь, Франциск, а говорят, президент ничего не делает.

Пока следователи снимали отпечатки пальцев, бабушка продолжала заниматься привычными делами. На этот раз она расклеивала по палате открытки с видами города. Она старалась украшать комнату не фотографиями, но – если только была такая возможность – репродукциями картин с изображением забытой всеми столицы. Красный костел, ратуша, цирк.

Когда ищейки ушли, в кабинет вошел Валерий Семенович. Он ждал в коридоре. Учителя истории уволили несколько лет назад. Обвинили в профессиональной непригодности. Он

попытался найти другую работу, но все без исключения школы столицы побоялись брать на работу инакомыслящего педагога. С тех пор он зарабатывал на жизнь частными уроками.

Валерий Семенович поздоровался с бабушкой и, подсев к Франциску, как обычно, без долгих приготовлений начал урок. В этот раз он рассказывал о том, как 25 марта 1918 года, после бегства красных, третьей Уставной Грамотой была провозглашена Народная Республика.

– В восемь утра двадцать пятого марта в небольшом здании банка провозгласили независимость Республики, которой было суждено просуществовать всего несколько месяцев. Звучало это так, запоминай: «Цяпер мы, Рада Народнай Рэспублікі, скідаем з роднага краю апошняе ярмо дзяржаўнай залежнасці, якое гвалтам накінулі цары на наш вольны і нізалежны край. Ад гэтага часу Народная Рэспубліка абвешчаецца Незалежнай і Вольнай Дзяржавай».

Стоит признать, – продолжал Валерий Семенович, – что по-настоящему независимыми мы никогда не были. У нас был институт гражданства, существовала своя символика, издавались почтовые марки, однако территория не была суверенной – оккупация германтов продолжалась вплоть до второй половины декабря тысяча девятьсот восемнадцатого года. После этого почти всю страну заняли красные

В декабре девятнадцатого года, – продолжал педагог, – произошел раскол на Верховную и Народную Рады. Обе рады вступили в жесткую конкуренцию между собой, доказывая свое исключительное право на представительство...

Когда закончился очередной урок, бабушка ушла вместе с учителем. Впервые за несколько недель она решила съездить домой, навести порядок, постирать вещи. Франциск опять остался один. Он лежал и, как всегда в таких случаях, рядом с ним негромко работал заранее включенный бабушкой магнитофон:

Пішуць газеты, што нельга пражыць без газэт
Пішуць паэты, што зь вершаў складаецца сьвет
Хтосьці камусьці ня мусяць нічога рабіць
Можна прымусіць, ды нельга прымусіць любіць
Тое, што ёсьць паміж намі,
Нельга памацаць рукамі.
Тое, што ёсьць паміж намі,
Не прадаецца ў краме.
Тое, што ёсьць паміж намі,
Не разумеем мы самі...

* * *

Бабушка не приходила в течение нескольких дней. Один раз зашел отчим, перекинулся парой фраз с сестрой и вышел. Он говорил спокойно и безразлично. Со стороны могло показаться, что врач сообщил о чем-то обыденном, простом, неважном, но старуха остолбенела. Случаются моменты, когда мы слышим то, что совершенно невозможно представить. То, что противоречит самому ходу вещей. То, что вызывает непонимание, дрожь, страх: отныне дорогу нужно переходить на красный свет, германты вновь объявили войну или что-нибудь в этом роде. Старуха шмыгнула носом, протерла вмиг ставший потным лоб и, повернувшись к Франциску, с едва уловимой улыбкой, которая, впрочем, совсем не означала насмешки, но скорее демонстрировала растерянность, сказала:

– Ну што... не... не... не прыйдзе к тебе больше бабка... Да уж... Бяда! Вот жизнь... вот жыцце... Памерла твоя родная третьего дня... Замучил ты ее... Бяда! Теперь совсем один останешься... увезут цябя, наверное, отсюда... Жаль, конечно... некому навештаць тебя больше...

Да уж... Жаль... Бяда... И цябя... и ее... хорошая женщина была... добрая... души в цябе не чаяла... но видишь... все думали, что ты первым... а ты бабку-то свою пережил... вот как бывает... не стало... не стало старухи... а ведь такая живая была... казалось, она еще за всеми нами будет ухаживать... все успеет... а вот ведь как бывает... не выдержало сердце у старухи твоей... не смогла... не осилила... ей, конечно, помогать надо было, а никто ведь кроме меня и не помогал ей... никто не помогал! Матери твоей плевать на нее было! О себе только твоя мамаша думала! А о бабе твоей совсем не думала! Совсем! Жалко... жаль жэншчыну... да... бяда-бяда... честная была... искренняя... таких теперь мало осталось... вся без остатка твоя была... все годы эти тебе отдала... совсем о себе не думала, да и что ей было думать о себе, если у нее кроме тебе вообще никого не было... мать твоя... мать твоя ведь уже давно своей собственной жизнью живет... да... все у нее хорошо, а ты... ты только бабке своей и нужен был... и видишь, як получилось... пережил, переборол ты бабу свою... упрямый ты... умер бы... умер бы ты, так всем бы было лучше... всем бы было хорошо, правильно бы было, по смыслу жизни! Бабка бы твоя хоть апошния годы хорошо прожила, но нет... ты видишь, какой упрямый, лежишь тут, ну и лежи теперь один! Теперь цябя точно отсюда переведут... врач с тобой так сюсюкаться не будет... в два счета с тобой теперь справится... все ведь бабку твою жалели, а теперь...

Не дожидаясь ответа, старуха бросила тряпку и пошла к дверям. В уборке палаты больше не было необходимости. Бабушка больше не придет, и значит – ее, сестру, больше не будут отчитывать за невежество и лень. Отныне палата всегда будет чистой. Безразлично какой. Придираться больше никому. Этот мальчик больше никому не нужен. Никому.

Сделав несколько шагов, сестра остановилась, развернулась и, вернувшись к кровати, села рядом с Франциском. Стул гульнул. На этом стуле всегда сидела бабушка, женщина, которую втайне вот уже много лет она считала своей подругой. Она никогда не признавалась в этом, но если в ее жизни что-то случалось, если сын или невестка опять начинали пить, если бил муж, если соседи опять громко слушали музыку и поджигали почтовый ящик, сестра приходила именно к бабушке. Только с ней, бормоча, путаясь в словах, показаниях и догадках, она делилась собственным горем. Лишь бабушка Франциска знала, что сын сестры с каждым годом пьет все больше и больше, что в последнее время не просыхает. Пьет страшно, много. Пьет дешевое пойло, которым, благодаря политике государства, заставлены полки магазинов и иногда (если есть деньги) водку. Никто кроме бабушки Франциска не знал, что в последнее время у сына сестры случались приступы эпилепсии, что западал язык и всякий раз, заходя в палату, она думала только о том, чтобы сын не упал на улице и не умер. «Пьяным не помогают, потому что они плохие. Глядя на пьяного человека, – думала старуха, – никто никогда не думает, чаму он стал таким, все думают только о том, что он пьян».

Глядя на Франциска, сестра плакала и понимала, что за все эти годы лишь его бабушка пошла ей навстречу. Лишь Эльвира Александровна помогла устроить ее сына в Академию наук. И что только благодаря ей он стал гораздо меньше пить и, наконец, приносить деньги в дом. Сестра смотрела на Франциска и думала, что вместе со смертью бабушки закончится не только его, но и ее жизнь. Его увезут, думала она, меня уволят.

Когда женщина попыталась встать – Франциск пошевелился. Сестра едва не потеряла сознание... поплыла... попыталась удержать себя на месте... но руки сложились... она плюхнулась в кресло... моргнула... зажмурила глаза и моргнула еще раз... и еще... не сон! Франциск! Мальчик! Франциск, который почти десять лет неподвижно лежал в этой палате, внезапно издал два коротких, одинаковых звука:

– Ба-ба...

Сестра заорала. Кольнуло сердце. Отдало в спину. Затряслись, заколотились руки. Событие, которое столько лет пытались выдумать, – свершилось. Из глаз дали слезы, изо рта слюна. Женщина бросилась целовать его, но через мгновение, испугавшись, что может недоглядеть, наделать глупостей, упустить момент, в конце концов убить – побежала в коридор:

– Ожил! Ожил! Лукич ожил! Ожил! Ожил! Ау! Караул! Людзи добрые! Заговорил! Лукич! Да сама ты свихнулась! Звоните матке! Боска маци! Иди, посмотри! Ожил, я вам говорю! Лукич ожил! Пришел в себя! Ожил! Живой! Да-да-да! Да, тебе говорю! Очнулся! Пришел в себя!

Через несколько минут Франциска рассматривали около тридцати человек. Врачи, медсестры, пациенты, сторож. Люди толкались, живо обсуждая чудо. Зрачки Франциска, словно мухи, чертили север, юг, запад и восток. «Смотрите, он видит! Он видит! Он реагирует, он видит нас!».

Люди всё подходили. Становились на носочки, подталкивали впередистоящих. «Кто-нибудь, откройте окно – здесь нечем дышать уже!» – но никто не двигался. «Хочешь, открывай сам, тоже мне умник нашелся!» Каждому хотелось первым увидеть фантастическое воскрешение. Здесь впору было говорить о чуде, о настоящем чуде! Кто здесь не верил в чудеса? Кто? Кто после всего того собирался посылать проклятия небесам, небесам всеильным и мудрым?! Франциск оживал. Фантастика. Сказка. Бред. Дежурный нейрохирург осматривал Франциска, и, несмотря на множество собравшихся вокруг него людей, Циск постоянно повторял: «Ба-ба, ба-ба!».

– Надо звонить на телевидение, в газеты! Эта же такая сенсация! Нас покажут по телеку!
– Ни в коем случае! Рано! Очень рано! Может это перед ухудшением... успеете... успеете еще... и, посторонние, прошу вас, освободите палату! Выйдите все! Да пошли все вон!

* * *

Франциск взял с места в карьер. Парень поправлялся. Слишком быстро. Смело. В лоб. Каждый день врачи удивлялись жадности, с которой пациент хватался за жизнь. Цветок, который не поливали много лет, оживал. Нагло. Корнями своими выдавливая из горшка землю. Франциск тянулся к свету. Туда, где за окном, за оградой больницы, в городе, стоял его дом.

– Привет, слушай, ты не помнишь, как оформляются ссылки?
– В каком смысле? Тебе-то зачем?

Ошарашенный отчим подумывал о написании диссертации. Тут пахло успехом. «Точно! Да! Как ни крути, гаденыш приносит успех!» По дороге домой отчим решил заправить машину и поменять колodки: «Бензин-то какой дорогой стал, да! Ужасный скрип!.. Если приемыш не отдаст концы, – может и подфартить, да. Может, поменяю тачку... С продажей тещиной однушки, конечно, придется повременить, да, но ведь и это потом можно будет повернуть в самом лучшем виде, да, а пока... пока надо бы набраться терпения и изображать счастье... На меня ведь все смотрят... поздравляют, блядь... надо... надо радоваться... это все-таки счастье... счастье, как ни крути...».

Отчим парковал автомобиль, и телефон не переставал звонить. «Это твой телефон звонит!». Характерный рингтон, характерная манера поведения, ответов. Каждому другу, приятелю, подчиненному хотелось лично поздравить счастливого отца.

– Поздравляю тебя, мужик!

– Да ладно, ладно, за эти дни, честно говоря, подзабало уже... да я тебе говорю... да... батарея садится! Все звонят! Да мне уже весь город позвонил! Всех путаю уже! И газеты и шмазеты!

Не просто заведующий отделением, но счастливчик, которому удалось вытянуть с того света собственного, пускай и приемного, сына! И это после стольких лет! Какой молодец! Умница! Настоящий мужик! Он ведь теперь вам как сын, правда? Фантастика! Какая сила воли! Все поставить на карту – и не проиграть! Настоящий человечество – ни дать ни взять! Врач с большой буквы! Прекрасный вы человек, прекрасный! А какие у вас в отделении доктора! Удивительный вы человек! Восхищаемся вами! Другие бы уже давно отказались! Закончили, поставили бы крест! А вы! Ну браво, браво, доктор!

Выслушав очередное поздравление, отчим спокойно отвечал, что никогда не сомневался в успехе, всегда верил и знал. Что да, что именно знал. Что просто работал, надеялся и ждал. В противном случае, стал бы он заниматься всеми этими глупостями: приносить календари, ставить музыку, проводить эксперименты с водой?

– Ай, да какая там диссертация?! Да что вы такое говорите?! Да зачем?! Да, главное, чтобы с парнем все было хорошо! Да-да!

А с парнем действительно было все хорошо. Все лучше и лучше. Франциск понимал, реагировал и пытался отвечать. Его речь восстанавливалась, возвращалась. Звуки, буквы, за слог за слогом, слова. Он узнавал врачей и сестер. Улыбался и возражал. Спорил. Смеялся, когда кто-то рассказывал анекдот, и даже пытался шутить. Сам. Новый герой клиники, мальчик, который еще многого не помнил, начинал ходить. Лучше, чем кто бы то ни было в его ситуации. Уверенно. По матам зала лечебной физкультуры.

Как правило, на восстановление таких пациентов уходили годы. Сначала едва шевелилась бровь, затем губа, рука. Люди вставали с койки спустя несколько месяцев-лет после пробуждения, многие не вставали вовсе. Франциск и не думал все это повторять. Он выздоравливал, как кот, проживая год за семь.

Со дня смерти бабушки прошло слишком мало времени. Отчим не успел приватизировать квартиру. Сумасшедшая старуха, напротив, ухитрилась завещать квадратные метры полудохлому выблюдку. «Куда только смотрел этот ебанный нотариус? Между прочим, эта дура могла бы спросить разрешения! Именно я купил ей эту квартиру. Тварь! Теперь придется все менять... Кто бы мог подумать, что этот байструк замутит такую историю... Кто бы сказал – не поверил бы... да уж... Все, все надо хорошенько продумать... да... Выблюдка надо будет где-нибудь поселить... Сдать в какой-нибудь дом инвалидов, хоспис. Но это потом... позже... позже... а пока... пока, наверное, пусть там, да... в тещиной квартире поживет... так будет лучше, да, лучше для всех... Не с нами же ему жить? Не в моей же квартире? Я ему по утрам толчок уступать не собираюсь! Что он, с сыном моим будет жить? Ну уж нет! Нельзя травмировать мальчика, да. Он точно не захочет, чтобы в его комнате появился инвалид, да. Совершенно точно не захочет! Я же его знаю. Так что нужно селить его в квартире тещи. Да, пусть живет там, да, так будет лучше для всех. Да, он еще спасибо скажет. Да, совершенно точно да, так будет лучше для всех. И жена будет благодарна, и он. Да, так будет хорошо. А с ним... с ним нужно дружить. Совершенно непонятно, сколько продлится вся эта история... Да... глядя на него можно допустить, что и долго... Да... теперь все возможно... Значит очень даже хорошо, пусть пока поживет в той квартире. А я обставлю все в лучшем виде. Эта история еще принесет мне успех. Может, даже продам права на экранизацию за границу... А что? Хорошая мысль...

Да... Что здесь такого, там все так делают, почему бы и мне не подзаработать? Тем более у нас сейчас кино в жопе, а тут такая история. Даже длинная история, тут, наверное, получился бы даже целый сериал! Очень длинный сериал, а много серий – это значит много денег, ведь платят, наверное, за каждую серию... Вот и получится у меня неплохой гонорар, в конце концов, именно я вытащил его с того света! Я смотрел за ним все эти годы. Я выхаживал его. Я его не усыпил, а мог бы, мог бы тысячу раз за это время. Я нашел в себе силы смириться со всей этой ерундой. Он выкарабкался только потому, что я позволил ему сделать это. Без меня не было бы ничего! Если бы не моя забота, если бы не мои ежедневные обходы... О, это было бы великолепно! За фильмы ведь много платят, значит, я мог бы кое-что себе позволить... Да уж... Да, это позволило бы не только поменять автомобиль, но и, наверное, купить дачу... да... даже, наверное, с баней.

Подсчитывая будущие капиталы, отчим продолжал корить себя за то, что потратил на похороны бабушки слишком много денег. Как говорил президент, деньги любят тишину и счет. Никем не замеченное событие потребовало слишком много вливаний. Какой смысл тратить на покойника – его же все равно нет. Гроб можно было купить подешевле, он предлагал, да и в священнике не было никакой необходимости – старуха точно не бывала в церкви.

Жена врача, мать Франциска, не совсем понимала, что происходит. Случилось что-то неожиданное, непонятное, странное, из ряда вон выходящее. Все это невозможно было помыслить. Какая чудная история: ее сын вдруг ожил. «И что теперь делать? Что все это значит? Как быть? Это, конечно же, счастье, но в такой странный и, если можно так выразиться, неудобный момент». В ее реальности не могло такого произойти. «Как это? Муж ведь говорил, что это навсегда». Что Франциск давно мертв, и единственным завершением всей этой истории станет полноценная смерть. Муж говорил, что мозг сына давно не работает, что с этим нужно смириться – и она смирилась. Муж говорил, что при нем можно говорить все, что угодно. И она говорила, она действительно говорила о нем, как о покойнике. «И что теперь? А если он все вспомнит? Если будет корить меня за все? Если станет упрекать, расскажет людям? Это же будет позор, скандал, стыд! Господи, Господи, за что же мне все это?! Что же я сделала не так? Что натворила? Чем обидела тебя? Да, я никогда не ходила в церковь, да, я не постилась, но я всегда верила в Тебя! Всегда, правда! Ты же знаешь, я всегда говорила с Тобой! Всегда, когда мне было страшно, например в самолете, я обращалась к Тебе, а не это ли есть доказательство того, что я верю в Тебя, Господи? Какие еще нужны доказательства? Я верила, правда верила в Тебя, а Ты за что-то наказываешь меня! Но за что? За что, я не могу понять? Что я делала не так? О чем должна была знать? Что понимать, Господи? Знаешь, я так уважала Тебя, что всегда, всегда писала Бог и Господи с большой буквы! Многие так не делают, многие пишут с маленькой, но я всегда писала с большой – и что теперь?! А теперь за это Ты посылаешь мне все эти испытания! И так не вовремя, Господи! А что, если он действительно всем расскажет, Господи? Как заставить его замолчать? Поговорить? Извиниться? Попросить прощения? Как я смогу найти нужные слова? Как смогу оправдаться? Как мне объяснить ему, что я ни в чем не виновата, что просто поверила мужу. Ведь честно, всем сердцем поверила его словам. Поверила и приняла. Мне было очень тяжело, но ведь прошло столько лет. Я ждала совсем другого конца, но что это за план «Б»? Кто все это придумал? Я не могла представить смерть родной матери, и уж тем более (после стольких лет!) воскрешения Франциска. Уже давно я смирилась с мыслью, что однажды Циска не станет. Более того, я даже соглашалась с тем, что подобная смерть сына – лучшая из возможных. Господи, Ты будто бы даровал мне время на то, чтобы свыкнуться с невозможной утратой. Так, кстати, говорил священник. Видишь, я вспомнила! Я была один раз у священника! Да! Он сказал мне, что Ты, Господи, мог бы забрать Франциска посредством убийства или автокатастрофы, в одно мгновение, быстро и безжалостно, без пре-

дупреждений и времени на подготовку, но, могущественный и милосердный, Ты выбрал самый мягкий способ, Ты дал нам время привыкнуть, смириться, проститься и признать... Теперь же я совершенно не представляю, как себя вести. Радоваться или плакать? Что делать? Кому звонить? За Франциском нужно следить, с ним нужно разговаривать, поднимать на ноги. Но как я теперь все это сделаю? Как мне разорваться? Что мне теперь, оставить одного сына и смотреть за другим? Как мне все это успеть, Господи? А где Франциск будет жить? Как быть со школой? Что он будет носить? В конце концов, ему же нужно на что-то есть!»

Франциск проснулся шестнадцатилетним парнем. Он полагал, что за окном девяносто девятый год – его ждут экзамены, лето и Настя. Портрет президента на стене лишь усиливал это убеждение. Когда кто-то впервые попытался объяснить Франциску, что он провел в коме больше десяти лет, парень, конечно, не поверил: «Невозможно проспать столько год. Нельзя!» – Франциск путал языки и слова.

На вопросы врачей он с уверенностью отвечал, что живет с бабушкой на Академии наук и иногда с мамой – против Ботанического сада. О том, что бабушки больше нет, Франциск не знал, хотя именно этот факт послужил причиной фантастического пробуждения. Пока память раскручивала свой маховик, врачи предпочитали не вставлять в него палки новых подробностей. Для начала следовало вспомнить все то, что пациент когда-то знал. Столицу республики, имена соседей, любимые цвета. О смерти бабушки решили молчать. По официальной версии она отдыхала в санатории и должна была приехать со дня на день. Франциск удивлялся, что она не звонит, но совсем скоро забывал об этом. Мозг барахлил, переформатировался, перезагружался. Окружающий мир ежесекундно ошарашивал. Факты, факты, факты. Измышления, доводы, открытия, новые реальности. Реконструкция. Адронный колайдер людей. На смотрины приезжали светила из разных стран. Врачи из восточных и балтийских столиц. Всем хотелось своими глазами увидеть парня, который решил зажечь снова в своей бывшей стране. Франциск учился ходить, пить, говорить, выражать недовольство. Смотреть, спать, видеть сны, слышать. Двигать руками и, как когда-то в туалете на четвертом этаже лица, ушами. Перескочивший из возраста в возраст парень разглядывал людей и рисунки над своей головой, плакаты футбольного клуба и тоненький шрам на запястье медсестры. Заместитель отчима просил Стасика приходить как можно чаще: именно друг, которого даже попросили взять на работе кратковременный отпуск, изо дня в день возвращал Франциска в русло прежней жизни.

– Ладно давай, попробуем еще раз... в прошлый раз у тебя неплохо получалось... Как тебя зовут?

– Франциск...

– Фамилия?

– Лукич... нет?

– Правильно-правильно... Сколько тебе лет?

– Семнадцать...

– И?

– Я учусь в республиканском лицее искусств... играю на виолончели... вроде...

– Какой сейчас год?

– 1999-й...

– Ясно... Смотри... это ноутбук...

– Что ты из меня идиота робишь?!

– Не делаю, просто то, что было раньше – не в счет, а это действительно ноутбук. Мы сейчас, к сожалению, не сможем выйти в интернет, потому что после шести выключают вай-фай.

– Что такое вай-фай?

– Беспроводная связь... Раньше, чтобы зайти в интернет, тебе нужно было подключать к компьютеру кабель, дозваниваться, теперь в этом нет необходимости. Теперь как бы все по воздуху, как мобильная связь. Я не помню, в девяносто девятом у тебя уже был мобильник?

– Не помню. Почему этот вай-фай не прауе после шести?

– Такой закон. После шести беспроводное соединение в стране выключают.

– Почему?

– Не знаю. Такой вот закон.

Стасик отложил в сторону компьютер и, взяв пульт, включил телевизор.

Переключая каналы, Стасик рассказывал, что теперь все изменилось, на первых кнопках каналы соседних стран больше не вещают, их заменили местными.

– Помнишь, раньше ведь никто не смотрел наши новости. Кого они интересовали? Всех больше волновали новости большого брата. Мы, наверное, как-то и не понимали, что живем в новом государстве. Да что там мы? Мы-то маленькие были, это должны были понимать наши родители, но они точно не понимали. Они думали, что просто название в стране поменялось, а все остальное будет как раньше. Но так не бывает. Думаю, они до сих пор не понимают, что произошло. Ребята нашего возраста, кажется, наконец стали сознавать, что живут в совсем еще юной республике, зато другой. В общем, пока ты тут спал, все немного изменилось. Но не сильно. Немного – самое правильное слово. Потому что очень многое из нашего детства, наоборот, вернулось! Так что изменилось немного. Не кардинально, но все же. Вот, допустим, телек. Сначала они стали перебивать программы соседних стран, затем смогли полностью заполнить сетку отечественным продуктом. Думаю, это было сделано прежде всего для того, чтобы ставить свои новости. Не думаю, что ими двигало желание возродить местное телевидение. Нет. Все было гораздо проще. Новая политика требовала слишком много разъяснений. К тому же, официальные версии нашего правительства часто расходились даже с соседскими, хотя они играли на одной стороне. В общем, кто-то очень хотел захватить все медийное пространство и, в конце концов, сделал это. Сейчас ты можешь посмотреть новости по первому каналу, по столичному или общенациональному телевидению, но выхлоп будет один и тот же. Ничего лишнего, ничего, что расходится с позицией администрации президента, ты не услышишь. И так во всем. Газеты, радио. Мы все дудим в одну дуду. Великий оркестр маленькой страны. Вот если мы сейчас включим радио, то скорее всего наткнемся на отечественного исполнителя.

– Чаму?

– Потому что по новому закону в эфире должно звучать не менее семидесяти пяти процентов отечественной музыки...

– Значит, теперь и?..

– Нет... Я понимаю о чем ты... То, что мы слушали в школе, ты никогда не услышишь... «Воздушный шар», «Три черепахи» – нет, этих песен в нашей стране нет... семьдесят пять процентов многие чиновники восприняли буквально... Группы, которые так или иначе были замечены в симпатиях к оппозиции, к эфиру не допускаются...

– Почему?

– Постарайся забыть это слово. Тебе говорят – ты принимай. Давай так, хорошо? Так будет проще! Здоровые люди не задают вопросы, а ты уж тем более не задавай! В противном случае ты можешь сойти с ума. Особенно сейчас! Просто принимай все как данность. Если всякий раз ты будешь спрашивать почему, как, зачем – далеко мы не уедем. Пока ты просто слушай, а я буду объяснять.

Стасик рассказывал о фестивалях, посвященных окончанию уборки урожая, и республиканском союзе молодежи; о задержаниях журналистов и о том, что одним из последних способов борьбы с государством остаются голодовки. О том, что неверные подданные посажены, почти все предприятия проданы, и теперь остается продавать посаженных поданных. О том, что в стране по-прежнему идут политические процессы, и с каждым днем их становится все больше, что за отказ вступить в партию могут уволить с работы, а за годы, которые Франциск провел в коме, так и не расследовали дела о похищении журналистов и политиков. Зато создали совет по нравственности, который решает, какие книги можно читать, а какие нет. Чем больше рассказывал Стас, тем меньше понимал Циск. Плохой план. Наверное, из комы лучше выходить на Западе. В маленькой стране, где все понятно и разумно. Где события соответствуют логике и вековому ходу вещей. То, что рассказывал Стас, невозможно было принять, невозможно понять. Все это не укладывалось в голову. Франциск нервничал и чувствовал, как в груди собирается тревога. Она начинала давить на сердце, и Франциск просил прекратить, хотя бы на час.

Наконец, через несколько дней после чудесного пробуждения пришла мать. Наталья Николаевна пришла с каким-то ребенком и главным врачом.

– Я твой лечащий врач, как ты помнишь... и отчим, – вдруг добавил мужчина.

– Нет-нет! Не отчим! – перебила мать. – Пускай зовет тебя папой! У него никогда не было отца. Это же так прекрасно! Это такой подарок! Такое счастье! Это все так важно! Отец! Дорогой, теперь у тебя есть отец! Ты рад? Милый, ты рад?

– Батя? – не скрывая удивления спросил Циск.

– Да-да, дорогой, этот мужчина – твой отец. Он подарил тебе жизнь. И он действительно может называть себя твоим отцом! А это твой братик.

Циск приподнялся на кровати. Руки работали. Для человека, который провел в коме десять лет, – слишком хорошо. Циск мог с легкостью встать и подойти к мальчику, но врач приказал отдыхать.

«Цікава, – подумал Циск. – Это мать, а это мой новый бацька. Очень цікава».

Мать продолжила:

– Да, дорогой, это твой новый братик, а это отец. Теперь мы будем жить все вместе. Одна большая семья! Правда, прекрасно?

«Когда она только успела?» – Подумал Циск. И спросил:

– Где бабуля?

– Ты что, не рад, дорогой?

– Очень рад, я просто пытаю, где бабуля. Прайшло вельми шмат часу, а она все не приходит.

Мать посмотрела на главного врача. Тот спокойно махнул головой и тотчас добавил: «Можно ему сказать. Он в порядке». Циск понял все немногим раньше, чем мать произнесла: «Она умерла».

– Давно?

– За день до того, как ты пришел в себя.

Реабилитация Франциска продолжалась полгода. Шесть увлекательных месяцев. Все это время врачи не переставали удивляться исключительной избирательности, с которой работал мозг особенного пациента. Циск мог вспомнить события третьего или седьмого года, пересказать сюжет аудиокниги или напеть главную партию какой-нибудь симфонии. Случись экзамен по музыкальной литературе теперь, а не десять лет назад, Франциск с легкостью написал

был викторину Аллы Владимировны без единой ошибки. Франциск помнил, что преподавательницу музыкальной литературы звали именно так. Франциск помнил и других педагогов, но всякий раз, пытаясь описать их, путался в языках. Единственная загадка, которую до сих пор не могли разгадать врачи – лингвистический коллапс. Из двух жизней склеенный словарь. Большой и родной, общепринятый и любимый языки постоянно смешивались в голове Циска. Теперь, подобно первому и единственному президенту, он говорил сразу на двух официальных языках. Впрочем, покуривая травку в ординаторской, врачи сходились во мнении, что, в отличие от президента, у Франциска есть все шансы заговорить грамотно. Когда действие марихуаны достигало своего пика, позабыв о всех мерах предосторожности, глядя на слегка покосившийся портрет бабки, молодые врачи во все горло начинали рассказывать друг другу лукавые анекдоты.

– Вы знаете, что он написал книгу «Мои советы Богу»?

– Да! А вы слышали, что президентом нашей страны может стать любой ее гражданин, который ранее занимал этот срок не менее пяти лет?

– Да, и еще, вы знаете, почему в пятидесятые годы в стране были запрещены аборт?

– Баян! Знаете, я вчера думал о том, почему Лукич так быстро все вспоминает и вот к какому выводу пришел: мы живем в лучшей для людей, выбирающихся из комы, стране. Здесь ровным счетом ничего не меняется. Нет разницы, сколько они пробудут в коме. Месяц, несколько лет, вечность...

– Когда они придут в себя, все вокруг будет точно таким же, как в тот день, когда с ними случилась беда. Столь быстрое выздоровление Лукича я могу объяснить исключительно этим. Все дело в том, что у нас время замерло. Он открывает глаза там же, где когда-то закрыл их. Мы рассказываем ему о каких-то различиях, но по большому счету здесь ничего не изменилось. Мы понимаем, что для выздоровления его мозга нужно за что-нибудь цепляться, за крючки из прошлого, если можно так сказать. Так вот, этих крючков здесь полным-полно! В этом городе почти нет стройки. Он не изменяется. Если бы наши архитекторы по-настоящему любили свою профессию, они бы вешались от ужаса и тоски! Если здесь и появляются новые здания, то они ничем не отличаются от тех, что строились несколько десятилетий назад. Кроме того, есть множество аспектов, которые, наоборот, только возвращают его в детство. Посмотрите на наружную рекламу, на все эти социалистические плакаты. Наша страна движется в обратном направлении. Наш план на пятилетку – вернуться в восьмидесятый год. Хорошо, если удастся позже. Мы увлечены сбором урожая, во время парада Победы по главным улицам столицы проезжают тягачи с достижениями народного хозяйства, проходят колхозники, физкультурники сооружают пирамиды из человеческих тел – что ему еще нужно, чтобы вспомнить свое детство? Вся страна превратилась в декорации его детства. О большей помощи со стороны государства нельзя было и мечтать. Мы могли бы просить медикаменты, но страна пошла нам навстречу и оказала гораздо большую услугу.

– Да, хотелось бы верить, что весь этот абсурд происходит только потому, что государство захотело помочь своему застрывшему в прошлом сыну. Но боюсь, что это не так.

Франциск разглядывал альбом со своими детскими фотографиями, и слышал каждое доносящееся из курилки слово. Слова радовали его, потому что многое объясняли, потому что проливали свет на все, что в последние месяцы пытались объяснить Стас и мама. Франциск, наконец, начинал понимать, что означают все эти сглаженные линии и углы. Теперь, после стольких месяцев расплывчатых объяснений и истолкований, он мог возвращаться домой – туда, откуда однажды ушел в лицей.

– У цябе новые джинсы?

– Да нет, – с удивлением ответил Стас. – Ну что, ты рад?

- Рад, конечно, вельмі рад...
- А я знал, что однажды все это произойдет.
- Что именно?
- Что-что? Выздоровление твое! Что ж еще?!
- Можно подумать...

– Можно! Знаешь, бывает какое-то предчувствие... мне всегда казалось, что все хорошо закончится... смотри, как выгорели обои за эти годы, а мне кажется, что все очень быстро прошло. Такое ощущение, что мне только вчера рассказали о том, что с тобой случилось. Очень быстро все. Если бы у меня не было воспоминаний последних лет, я бы вообще не поверил в то, что ты сейчас сидишь со мной и разговариваешь. Невозможно во все это поверить, Циск, но я знал, правда, правда, всегда знал!

- Так...
- Ты какой-то не очень счастливый, по-моему...
- Да нет же... усе добра...
- А чего тебя родики не встречают?

– Навошта? Мы решили, что я сам доеду... у мамы дел сегодня много, она стол готовит... вчера вот привезла мне ключи... слушай, а может мы, перед тем как заехать домой, съездим к бабушке на кладбище?

– Успеешь еще... Не переживай... Ты лучше подумай о том, что сегодня наконец заснешь дома!

– Не знаю, получится ли у меня заснуть. Мне в последнее время очень плохо спится. Мучает бессонница!

- Ну молодец!
- К чему ты это?

– Ты сказал всю фразу на одном языке! Совсем не путал слов! Молодец! Я про это, а не про бессонницу, конечно! Мне, кстати, сегодня ужасный сон приснился! Мне снилось, что мы сидим в каком-то зале, в оперном или в филармонии, и встречаемся с кандидатом в президенты, и все проходит хорошо, все счастливые, но вдруг в зал врываются люди в штатском, с рациями и начинают всех хватать, избивать. И все бегут, валятся на землю... ну и все... знаешь, как во сне все часто меняется... Ну и вот, а потом я сижу дома, ночь, но много света, и звонят в дверь, я понимаю, что это спецслужбы... Тетка выходит на лестничную площадку, чтобы сказать, что меня нет, но поздно – они уже услышали, что я держусь за ручку. И начинают ломиться... тетку уводят в ванную, и я думаю, что ее убьют, но ей дают выпить какой-то чай, и она выходит здоровая. Я рад, но ее рвет; я понимаю, что так ее пытаются проучить за то, что она пыталась скрыть меня. Затем какой-то огромный бугай хватает меня и начинает душить со словами: «Про президентов других стран ты можешь говорить и писать что хочешь, а про нашего нельзя! Усек?». А мне страшно! Я понимаю, что виноват, и все извиняюсь перед ним и говорю: «Да-да... да... я все понимаю... расскажите мне только, что можно! Расскажите, что можно, а что нет! Вы только разрешите мне, что можно... скажите только, что можно, я так и буду делать...» Потом они взяли с нас подписи и ушли, а к нам стали заходить соседи и забирать вещи, которые они спрятали у нас, а мы пошли к ним за нашими вещами... Представляешь? Но это еще не все! Самое интересное было впереди. Потом во сне наступило утро, и я почему-то гулял на детской площадке с молодыми сотрудниками, с теми самыми, которые ворвались в зал и потом ко мне домой. Мы гуляли с ними, разговаривали, и они говорили мне: «Чувак, мы все понимаем, но и ты пойми, если мы откажемся выполнять приказы, нас убьют!». А я им на это отвечал: «Но ведь всех не убьют! Невозможно всех убить!». И они говорили: «Да, мы прекрасно понимаем, что всех не убьют, но... но самое страшное понимать, что всех не убьют, а убьют только тебя, именно тебя убьют, и когда убьют именно тебя, всем, наконец, станет понятно, что все это было зря и что дальше так нельзя, но тебя от этого не вернут, и

ты не увидишь, что все наконец изменилось. И, понимая это, мы продолжаем делать то, что делаем, в надежде на то, что убьют кого-нибудь другого и все поймут...». Вот такой вот у меня сегодня был сон, дружище...

– Я готов.

– Да-да, прости, что-то я разговорился. Ты, кстати, заметил, насколько больше кажется палата без плакатов и всех твоих вещей?

– Нет...

– Ну да, конечно, как ты можешь заметить, ты же не знал эту палату другой. И все-таки совсем ты сегодня невеселый, а ведь такой день важный!

– Да веселый я, веселый, счастливый я, просто хочется поскорее отсюда уехать...

– Ты что же, не зайдешь к отчиму?

– На хрена он мне сдался?

– Ну не знаю. Он все-таки столько времени о тебе заботился. Столько всего сделал для тебя.

– К счастью, я всего этого не помню.

– Ну хотя бы спасибо ему скажи.

– Думаю, у меня теперь будет много возможностей для этого.

– Эй, ты чуть метроном не забыл!

* * *

Франциск сам открыл мамину квартиру. Ключами. Новыми. Когда он жил здесь, замок был только один. Ни Франциск, ни мама не боялись грабителей. С самого детства мама вешала ключ сыну на шею. Циск носил его вместо нательного креста. Теперь же перед сыном было две двери и, по два – на каждую, четыре замка. Точь-в-точь как когда-то у бабушки. Франциск долго разбирался в ключах. Никто не объяснил ему, что синий, как небо, это верхний замок, а черный (земля), конечно, нижний. Мать просто дала сыну связку новых ключей, не подумав, что последние десять лет он не открывал дверей.

Первое, что вспомнил Франциск – жуткий запах, который всегда стоял в этой квартире. Мама обожала кошек. В попытках отвоевать территорию домашние питомцы постоянно метили жилплощадь. Циск стыдился запаха собственной квартиры. Так не мог пахнуть дом. Из-за этого запаха Франциск не приглашал к себе девочек, не звал друзей. С появлением ребенка от кошек решили отказаться, отдали кому-то из родственников, кота перевезли на дачу, но запах остался. Едва переступив порог, Франциск понял, что оказался дома. Отчим переклеил обои, но Циск все равно узнал свой коридор.

– Хочешь посмотреть детскую Коли?

– Да...

Войдя к себе в комнату, Франциск не понял, почему мама назвала ее Колиной. Эта площадь принадлежала ему. По праву памяти, по праву детства. Несмотря на десять лет сна, он помнил каждый сантиметр этих перекрашенных в угоду новому владельцу стен. Здесь были его игрушки, его модели самолетов и его, пускай и сдутый, мяч. В остальном комната, и это следовало признать, принадлежала новому царьку. Над кроватью висела карта свежих побед. На письменном столе, рядом с глобусом и компьютером, стоял чужой, красно-зеленый флаг. Осмотрев комнату, Франциск поймал себя на мысли, что она больше похожа на детскую девочки. Здесь было слишком чисто и опрятно. Аккуратно, ровно, правильно. Когда главным героем этих мест был Циск, здесь царил бардак. Ни о каком порядке не могло идти и речи. Франциск всегда говорил маме, что в последовательности вообще нет ничего хорошего.

Подойдя к столу, Франциск взял уменьшенный в шестнадцать раз красный кабриолет. Едва машина оказалась в его руках, за спиной раздался строгий детский голос:

– Поставь на место – она моя!

Франциск хотел возразить, но понял, что на месте младшего брата повел бы себя точно так же. Возраст не выбирают. Теперь младший брат носил корону. Он был хозяином трехкомнатного королевства. Он спал на этой кровати, он сидел за этим столом. Только ему, и никому другому, принадлежало это окно, ботанический сад за ним и тысячи деталей конструктора, который когда-то подарили Франциску. Только ему принадлежали забитые вещами полки и загаженный котом ковер.

– Прости, я просто хотел посмотреть, открываются ли двери.

– Открываются! – взяв в руки модель, ответил Коля. Он по-хозяйски вертел автомобиль и рассказывал, что это точная копия, что сделано все, как в настоящей машине, и что если покрутить руль – повернутся колеса.

Франциск погладил брата по голове и вернулся в коридор. В течение получаса, пока домой не вернулся отчим, Циск молча ходил по квартире. Словно призрак, он бесшумно переходил из комнаты в комнату. Садился, замирал. Циск смотрел на обувь в коридоре и книги в зале, шампуни в ванной и ковер в родительской спальне. Франциск вставал и возвращался на место, где пять минут назад – остолбеневшим – его видела мать. Франциск делал шаг и завысал. Вновь увиденная, забытая вещь осаждала его. Чехол для очков, чашка, картина, розетка, – не важно. Циск вспоминал истории, связанные с банкой из-под цейлонского чая, в которой хранились документы, и статуэткой слона с отколотым бивнем, которым однажды швырнула в него раздосадованная мать. Циск вспоминал историю сделанных фотографий и приобретенных обоев, кем-то подаренных ваз и книг.

– Мам, слушай, сколько этому телевизору лет?

– Не помню даже...

– Если сейчас действительно 2009 год, в чем вы постоянно пытаетесь меня убедить... то ему... ему должно быть...

– Почти двадцать лет, да. Мы с бабушкой купили его еще в «Березке», в девяносто первом году. Вот и считай. Купили еще за валюту. Твой отец хочет новый телевизор, большой и плоский, плазменный, а я против. Я говорю, что в новом телевизоре совсем нет нужды, раз этот так хорошо работает! Зачем? Какой смысл тратить деньги на новую технику, если эта еще не вышла из строя? Лично мне кажется, что это глупо. Этот телевизор еще всех нас переживет! Судя по всему, его создатель оказался гораздо грамотнее и профессиональнее нашего. Наш тут и там наделал ошибок, а этот нет. Этот сделал все точно, верно и на века. Дорогой, ты останешься на ужин?

– В смысле? Ну да... куда мне еще идти?

– Ах да... прости! Ты же еще ничего не знаешь! Мы решили, что ты теперь совсем большой и тебе лучше жить одному! Что тебе с нами, стариками, возиться? К тому же, у тебя мало общего с младшим братом! Вы совсем разные! Вы не знаете друг друга. Вам еще понадобится много времени. Не сразу все. Города строятся не один день. Если ты переедешь... если ты останешься – ему будет неудобно, некомфортно, он тебя не знает совсем, стесняется. В общем, мы решили, что ты должен жить один. У тебя впереди новая, нелегкая жизнь. Тебе нужно искать вторую половинку, работу. Мы, конечно, будем помогать тебе первое время, ты на этот счет не переживай, но потом ты должен сам научиться жить. Твой отец считает, что чем раньше мы перестанем тебе помогать, тем лучше для тебя. Тебе нужно учиться выкарабкиваться самому! Жизнь – это тяжелое, длительное, изнуряющее испытание. Никто тебе не поможет. Ковчегу всех не увезти. Слабаки должны плыть до берега сами. Любимый говорит, что ты еще скажешь

нам спасибо! Вот, держи, я все приготовила. Это телефон, деньги, и ключи. Ты разбираешься в деньгах? Ты понимаешь, какой теперь курс?

– Разберусь!

– А с телефоном?

– Мама!

– погоди, ты куда? Ты что, все-таки не останешься на ужин?

– Нет, спасибо, я пожалуй тогда лучше прогуляюсь.

– Хорошо... как знаешь... Только ты сам-то найдешь бабушкин двор?

– Мама, это через дорогу!

– Мало ли, ты забыл?! Мы же совсем не знаем, что у тебя в голове. Никто до сих пор ничего не знает. Врачи говорят, что ты большой молодец, но ведь как оно есть на самом деле, кто нам может сказать? Поэтому я и волнуюсь, поэтому и спрашиваю. Вот, на всякий случай, держи, здесь адрес. Ты же еще не знаешь, квартира же теперь не та.

– В каком смысле не та? Вы сделали ремонт?

– Смотри-ка, а ты теперь совсем не путаешь слов!

– Почему квартира не та?

– У нас были довольно тяжелые времена... бабушкину квартиру пришлось продать... но она это сама предложила... мы до последнего не хотели... но так уж сложилось... зато у тебя теперь есть собственная квартира в центре города. В твоём возрасте об этом можно только мечтать!

– Спасибо вам, мам! Спасибо вам большое за все!

– Не говори глупостей!

– Нет, правда! Я же понимаю, сколько всего вам пришлось из-за меня натерпеться!

Правда, спасибо!

– Брось! Любимый, – мама расплакалась, – что же ты, глупенький, говоришь? Что же ты такое говоришь? Мы ничего особенного не делали. На нашем месте любой бы вел себя точно так же. Мы просто были рядом с тобой. Ты лучше мне вот что скажи: ты правда не хочешь остаться?

– Нет, если можно, я бы лучше погулял.

– Хорошо... конечно погуляй, мой любимый, конечно прогуляйся, сходи к «мысу», к Академии, прогуляйся до филармонии и обратно.

Франциск вышел во двор. На площадке играли дети. Франциск присмотрелся. Ребятня играла в разгон демонстрации. Дети с палками, изображая милицию, дубасили тех, кому жребием выпало быть оппозицией. Франциск посмотрел на мальчика, которому палкой разбили бровь. Он плакал, по его лицу текли слезы и кровь, и «милиционеры», которые только что дубасили его, опускали палки, потому что хотели играть, а не причинять боль. Дети боялись, что теперь их отругают, что они больше не смогут выходить на улицу и дубасить друг друга. Опустив палки, дети хотели только того, чтобы их окровавленный друг замолчал и игра началась вновь. Франциск смотрел на детей и думал, что не может узнать свой двор. На первый взгляд, здесь ничего не изменилось. Стояли те же качели, те же дома – но воздух был другим. С этим двором произошло то, что Франциск не мог наблюдать. Пропасть, люфт. По периметру были припаркованы совсем новые, поражающие своей красотой автомобили. Циск с интересом рассматривал их. Он и представить себе не мог, что однажды увидит нечто подобное. Большие, обтекаемые, немислимые, слишком круглые. Раньше такие машины можно было увидеть только на вкладышах к жвачкам, их называли прототипами, а теперь они стояли в его дворе, здесь, и не нарисованные, а настоящие. Франциск вспомнил о том, что по пути домой говорил Стас.

– Чувак, теперь все только и делают, что говорят о тачках. Обрати на это внимание. Когда будешь гулять по улицам, сидеть в кафе. Просто послушай людей вокруг себя. Все, все будут говорить о тачках. Это наш новый символ благополучия. Поскольку у нас чрезвычайно низкая пошлина на ввозимые автомобили, создается впечатление, что все мы живем довольно хорошо. Точно такая же машина на востоке стоит на треть дороже. Поэтому здесь все словно сошли с ума. Все только и делают, что говорят о тачках.

Франциск вспоминал слова Стасика и думал, что причина, конечно же, в другом. «Дело не в пошлинах и таможах, – думал Циск. – Нет! Дело в том, что просто все это совершенно невозможно помыслить! Они такие большие, такие красивые! Даже не верится, что кто-то из моих соседей может управлять этим автомобилем!».

У Франциска появлялась первая мечта.

Пройдя магазин «1000 мелочей», Франциск оказался на площади, названной в честь человека, который когда-то подписал указ о переименовании города в собственную честь. В центре площади стоял памятник. На голове памятника сидела птица. Словно своих поданных, она рассматривала прохожих. Люди тащились по своим делам, и время от времени птица меняла лапку. Птица была из местных. Из тех, что долгим перелетам в теплые края предпочитает переходы местного метрополитена. Птица была старой и, в силу сложившихся обстоятельств, глупой. Посмотрев на нее, Франциск вдруг подумал, что на Земле есть существа, которые не станут умнее, даже если проведут на этой планете несколько тысяч лет. Птица нагадила на памятник и улетела.

Квартира оказалась чрезвычайно маленькой. Разделенные перегородкой два окна и ванная комната. Точка. Всё. Велосипед, который бабушке удалось отвоевать у отчима, перегородивал коридор. Чтобы пройти в спальню-гостиную, Циску пришлось переставить его в кухню.

Циск включил свет. Загорелась тусклая лампочка. Циск подумал, что цоколь напоминает эмбрион. Над выключателем был наклеен стикер. Стикер призывал «Выключать». Франциск улыбнулся, потому что надпись была адресована не парню, который десять лет провел в коме, но ему, Циску. Еще тогда, много лет назад, он вечно забывал выключить утюг, телевизор, фен. Все это до такой степени надоело бабушке, что в один день она начала расклеивать по квартире предупреждения: «Не забудь!», «Проверь!», «Погаси!».

Спальню занимали кровать, фортепьяно и виолончель. Кухню, в которой теперь стоял Франциск, – стол. На столе, ожидая своего часа, едва заметно, почти без пульса, дышало письмо. Франциск взял его в руки и сел на табуретку. Табуретка гульнула.

«Здравствуй, мой родной! Привітанне, родны мой!

Я нисколько не сомневалась, что однажды ты прочтешь это письмо! Никогда-никогда! Да, правда, я всегда была уверена в этом! Лишь эта вера помогала мне. Только вера в то, что сейчас ты читаешь эти строки вслух, помогала мне жить.

Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет. Но за меня не переживай! Правда, не беспокойся! Все в полном порядке! Ты, главное, не плачь и не грусти! Когда я умирала, – меня же уже не было! Бабушка твоя никогда не боялась смерти. Нет! Не было у меня этого страха. Не понимала я, наверное, чего мне бояться, что терять. Кроме тебя у меня и не было-то счастья. Я и так прожила очень долгую, счастливую жизнь. Правда-правда, я сейчас это пишу не для того, чтобы тебя успокоить! Нет, совсем нет, мой дорогой! Я действительно прожила очень счастливую жизнь, потому что у меня был ты. Жаль только, что я не смогла увидеть, как ты открыл глаза. Мне так интересно, сколько прошло времени. Сколько ты еще спал, мой дорогой? Год? Два? Сколько твоей бабуле не хватило? Ты так долго лежал в коме! Знаешь, иногда я была уверена, что все это исключительно из-за твоего упорства! Ты никогда меня не

слушал! Ну да ладно, давай лучше разберемся, как теперь тебе жить. Во-первых, и это, по моему, очень важно – не вздумай сердиться на своих родителей! Никогда! Все мы не идеальны! Кто знает, как бы мы себя повели на их месте (я прежде всего имею в виду твою мать), хотя и отчим твой тоже хорош!

По поводу денег не переживай. Я кое-что накопила для тебя. Сначала я думала написать в письме, где их спрятала, но потом подумала, что до тебя это письмо может прочитать кто-нибудь другой! Думаю, ты вспомнишь, где я всегда прятала деньги, и легко найдешь их. Если будут проблемы с деньгами, продай люстры, тебе они все равно никогда не нравились, но они настоящие, из самого что ни на есть настоящего хрусталя! Мать твоя, наверное, уже забрала себе все мои украшения и фарфор, но ты знай, что все это тоже твое и, если тебе понадобится, я все завещала тебе. Там серебряные ложки, хрусталь, два сервиза. Все это можешь смело забрать у матери назад. Даже если ты не будешь все это продавать, пусть стоит у тебя, дома.

Так, пойдем дальше... Сейчас мне главное ничего не забыть, а память у твоей бабушки уже совсем не та. Так на чем я остановилась? Ах да, на деньгах. Денег теперь мало, и тебе, скорее всего, придется очень тяжело, но ты, пожалуйста, держись, мой дорогой, ты старайся, не унывай! Тяжело сейчас всем, поэтому будь к этому готов. Самое главное – бедности своей не стыдись. Ты в школе любил одеваться лучше других детей, у тебя всегда были красивые вещи, майки, кроссовки, теперь этого не будет! Пообещай мне, что этого не будет! Ты не должен тратить все деньги на хорошую одежду, важно, чтобы ты правильно питался! Пойми, совсем не важно, как и во что ты будешь одет. Важно, каким ты будешь. А то, что у тебя будет простая одежда, то это совсем ничего! У всех теперь такая, и все это прекрасно понимают. По одежке уже никто не ценит. Поэтому, пожалуйста, на одежду не трать!

По поводу германтов – обязательно позвони им! Они приехали сразу после трагедии. Все эти годы они помогали нам. Пересылали нужные препараты, вещи, деньги. Мы с мамой всегда ревновали к ним, ты был маленький и, конечно, не мог этого понимать, но теперь все это совсем не важно. Все изменилось! Они стали частью семьи! Они тебе родные! Помни об этом! Люби их! Они хорошие – поверь, за эти годы у меня была возможность судить о людях, хотя судить и плохо. Судить – неправильное слово, правильное – делать выводы! Никогда никого не суди, дорогой – делай выводы. Обязательно позвони им – они будут рады. К тому же они действительно не чужие тебе люди!

Пошли дальше! Тетя Нора уехала в Штаты. Мы иногда созваниваемся. Я им не звоню, потому что дорого, но Нора сама мне звонит. Анита – их собака, чау-чау, – умерла. Уже там умерла, Нора говорит, что она очень плохо перенесла перелет, совсем там сдала и буквально через пару месяцев умерла, а Иосиф Абрамович ничего, держится, живет, хотя ему уже 91. Да уж, мы совсем старые стали. Жизнь слишком быстро прошла. Я и не заметила. Жизнь пролетает гораздо быстрее, чем годы, которые ты проспал. Ты уж поверь. Раз – и все. Так что ты времени не теряй, дорогой! Не трать его на всякую ерунду! На всякие там компьютерные игры и телевизор, ты лучше гуляй побольше, на концерты ходи и книжки читай. Смотри футбол! Я сама (когда остаюсь дома) иногда смотрю. Вернее, слушаю. У меня теперь зрение совсем плохое. Мне сложно смотреть, глаза очень болят, поэтому я включаю телевизор, поворачиваюсь к нему спиной, и просто слушаю. Я так все-все матчи слушаю, если только не остаюсь с тобой. Недавно супер был матч! Мальчики ух как играли! Я, правда, забыла, кто с кем... так сразу и не вспомню, но комментатор орал – сил нет! По поводу армии ты не беспокойся! Я собрала все необходимые справки – ты не годен! Так что в армию тебя не возьмут. Смело ищи работу. С университетом, к сожалению, будет сложно. Мне удалось получить справку лишь о неполном среднем образовании. Тебе нужно закончить школу. Любимый, с этим будет очень тяжело. Но

тебе никто не поможет, поэтому ты должен справляться сам. И не думай о том, что ты старше остальных детей. Ты теперь гораздо умнее их и вообще сможешь сдать все экзамены экстерном. Так что не переживай. Просто возьми и сделай это! Ради меня, ради своей бабушки!

Если будет время – приходи ко мне на кладбище. Ты не смотри, что я теперь в земле лежу, под плитой. Плита, кстати, красивая – я уже выбрала все и оплатила, так что ты не переживай! Умирать, кстати, очень дорого стало! Все шутят об этом, крылатая фраза, но я сейчас серьезно, с полной ответственностью, любимый, говорю: если ты пенсионер и живешь один, то действительно очень дорого умирать!

Так что ты не смотри на то, что я под плитой. Это же все условности! Видишь, меня же сейчас нет рядом с тобой, а я разговариваю! Ты не волнуйся, я все услышу! Ты только говори, и я все-все из того, что ты мне будешь рассказывать, услышу! Ты, главное, приходи – очень я соскучилась по твоему голосу. Я ведь только ради того, чтобы однажды его услышать, и живу. Так что ты приходи ко мне. Не часто! Я понимаю, что у тебя будет много дел и, конечно, захочется на все посмотреть, все объездить, наверстать все. Я понимаю, что ты захочешь испытать все, что упустил, но это ведь все равно не повод бабулю свою забывать, ведь так? Я ведь не многого прошу. Я обязательно буду подавать тебе какие-нибудь знаки! Заодно и с предками своими познакомишься. Я лежу рядом со своими родителями – твоими прабабушкой Таней и прадедушкой Сашей. Помнишь, когда тебе было шесть лет, прадед сел учить тебя играть в шахматы? Ты сразу понял, как двигаются все фигуры, а он был человеком скрупулезным и тщательно показывал тебе все, на что способна та или иная фигура. Он очень долго показывал все возможные варианты, помнишь? Конь может пойти сюда и сюда, и сюда, и сюда. А ты все повторял: «Деда, да я понял, я понял». В конце концов, он принял твою смекалку за неусидчивость и выгнал из-за стола. Ты, наверное, уже забыл эту историю, а я помню. Кстати, если захочешь, ты сможешь найти эти шахматы. Они в коробке. Я рассортировала все по годам. Твои вещи, газетные вырезки. Я, конечно, многого не нашла, но коллеги в академии помогли мне отыскать нужный материал в интернете. Так что ты сможешь все читать и вспоминать. Я детально описала тебе историю нашей семьи, двора, города и немного – страны. К счастью, за эти годы в городе почти ничего не изменилось. Так, фасадный, косметический ремонт республики. Но, мне кажется, что это даже хорошо, это позволит тебе все поскорее вспомнить. Город ты вспомнишь за несколько дней. Многие улицы переименовали, но в этом мы и сами путаемся. Теперь это делают так же часто, как и сажают людей. Вот, пожалуй, и все. А, нет... вот еще что. Вместе с шахматами лежат прадедовские ордена. Пообещай мне, что будешь беречь их! Как бы плохо тебе не было, как бы тяжело не жилось, – не вздумай ничего делать с ними! Обещаешь?

Ну, вот теперь точно все. Помни, что я тебя очень люблю! Если у тебя когда-нибудь родится девочка – ты, может, назовешь ее моим именем, хорошо? Будешь звать ее и вспоминать про меня иногда, а хочешь, и не называй. Ты прости, я знаю, знаю, что пора заканчивать, но просто понимаю, что уже никогда в жизни никому не буду писать писем, вот и не могу остановиться. Мне совсем некому писать. Да и говорить-то уже почти не с кем. Я всех своих друзей пережила, родственников. Очень неправильно это. Я теперь понимаю, что нужно уходить первым из друзей, ну или не первым, но в правильное время, а то выходит, что все мы очень боимся смерти, а в один день понимаем, что нет ничего страшнее такой жизни. Ты прости, что я все это пишу, может, ты и не дочитаешь до этого места, ты думаешь, что я вечно ворчала и поучала тебя, но это не так, совсем не так, я просто очень, очень любила тебя! И теперь вот хочется наговориться с тобой напоследок, но глупо, глупо это все, я понимаю. Обнимаю тебя, целую, твоя Ба».

Франциск отложил письмо. Протерев глаза, он подошел к коробкам, которые преграждали путь к балкону. 1987 год, год 1993-й. Франциск быстро нашел шахматную доску. Он взял ладью, поставил ее на черную клетку и понял, что ровным счетом ничего не знает о ней. Франциск понимал, что она должна как-то ходить, но как именно, не представлял.

Вслед за фигурами на столе появились пластмассовые солдатики, фотографии, журналы, ноты, карандаши, фломастеры. Детали конструктора, аудиокассеты, фенечки, «радуга», тетради. Дневники, наклейки, рисунки. Не было только орденов, но в тот момент Циск не обратил на это внимания. Франциск натурально не мог поверить собственным глазам. Он что-то помнил, что-то тотчас вспоминал. Артефакты детства: матерчатое привидение, которое следовало надевать на руку, и телефон Насти, по которому, пожалуй, не следовало звонить.

Снял Стас. «Алло?! Алло! Алло, говорите! Что вы молчите? Вы видели, который сейчас час?»

Франциск подумал, что ошибся номером, и положил трубку. Через минуту Стас перезвонил сам.

– Дружище, привет, я все объясню...

* * *

Друзья встретились через неделю. Франциск хотел начать с малого – побыть один. Вспомнить все вещи, прочитать все вырезки, рассмотреть все фотографии. Навести порядок и, подобно собаке, обнюхать родной двор. Встретились в центре города.

– За нашей спиной художественный музей, главным достижением которого является...

– Нет у него никаких достижений, – пошутил Циск.

– Тут ты прав! Впрочем, недавно все-таки было одно событие... они привозили керамику... две тарелки известного художника. Две тарелки, и ты не представляешь, какой был ажиотаж! Нет, конечно, медовый спас привлекает гораздо больше посетителей, но ажиотаж был, был... Ну, да ладно, музей ты вспомнил – пошли дальше! Если пересечь проспект, мы выйдем к предместью и, собственно, к тому месту, где ты однажды чуть не лишился жизни. Но туда мы сегодня не пойдем, я подготовил тебе другой маршрут.

– Очень мило с твоей стороны.

– Знаю, знаю, не благодари.

* * *

– Давай зайдём в это кафе?

– Давай! Как оно называется?

– Новостное...

– Здесь, наверное, очень дорого, да?

– Недешево, но ничего – я угощаю! Неплохо, правда?

– Да, ничего.

– Это одно из лучших мест города! Во всяком случае, находясь здесь, не чувствуешь себя в прошлом веке. В общем, это одно из немногих мест в городе, где не противно и даже наоборот. Здесь очень много иностранцев, бизнесменов, журналистов, послов.

– И, судя по всему, шлюх...

– Да, этого добра тоже хватает. Почти все девочки проходят через руки хозяина. Они приходят сюда за хорошей жизнью. Зачем работать или учиться, если можно прийти сюда,

заказать сок, посидеть полчаса, и к твоему столику обязательно подкатит какой-нибудь хозяин жизни. Вот, посмотри!

Рядом сидели трое. Пожилой германт, девушка-переводчица и ее ровесница, ярко окрашенная, пухлая блондинка.

- Он спрашивает, нравится ли вам кино? – поставив чашку, спросила переводчица.
- Ну, можно сходить, да...
- Ja! – перевела девушка.

Беседа явно не клеилась, впрочем, ее участники прекрасно понимали, что все происходящее не более чем формальность. Дальше будет проще. Подруги рассказывали – друзья обьясняли. Это первая и последняя встреча с переводчиком. Затем прекрасный финал: он будет кормить ее и одевать, она – любить его, максимум несколько раз в месяц. На большее старика все равно не хватит. Так почему бы и нет? От него неплохо пахнет, к тому же ее парень не против. Мама тоже не против, если только этот иностранец хороший человек. В кухне давно не делали ремонт. А эти германты, говорят, народ довольно порядочный, во всяком случае если у них что-то случится, он уже не сможет не дать ей на ремонт.

- Как говорит Михалок, блядство, возведенное в культ.
- Кто такой Михалок?
- На вот, послушай! – Стас передал Циску плеер и, подняв руку, подозвал официанта.
- Ничего себе, какой тонкий.
- Бывают и тоньше. Ты слушай!

Франциск покрутил диковинную вещицу в руках и, вставив наушники, нажал на треугольник. Знакомый голос запел:

- Грай! Шукай! У снах юнацтва свае мары!
- Грай! Гукай! Вясны зяленай цёплай чары!
- Грай! Спявай! Дружна песні райскай волі!
- Грай! Грай! Гані быкоў – вярнецца доля!

Слушая песню, Франциск смотрел на переводчицу. Слишком нагло, пристально, в упор. Не отрывая карих, голодных до красоты глаз. Циск до того, очевидно, рассматривал девушку, что Стасу пришлось одернуть друга.

- Эй-эй, хватит на нее так пялиться!
- Странно. Не понимаю. Совсем не понимаю! Почему этот германт хочет повалить тупую накрашенную шалаву, а не ее?
- Ты имеешь в виду переводчицу?
- Да. Она же гораздо красивее! Ты только посмотри на нее! Она же в сто раз лучше! Она восхитительнее, если так можно выразиться, и уж точно умнее.

– Мне кажется, в твоём вопросе заложен ответ. Зачем ему эти мучения? К чему все эти длинные бесполезные разговоры о кино и литературе? Здесь он иностранец, а у себя какой-нибудь простой механик. То, что он сейчас спрашивает ее о кино, так это ведь ничего не значит. Это все пыль в глаза. Но этой пыли не хватит на переводчицу. А зачем ему трата нервных клеток и опасения вроде: «А вдруг не даст?». Он же сюда не в остроумии приехал упражняться! Секс-туризм подразумевает немного другие отношения. Он платит деньги и хочет получить результат. Это же всем понятно! Когда почти на все производимые в стране товары наложены континентальные санкции, бабы едва ли не единственный товар, которым можно торговать. Этой блондинке еще награду надо дать. Поверь, своими сиськами она притягивает в страну гораздо больше капитала, чем какое-нибудь заброшенное предприятие в сорока километрах отсюда. Переводчица не ляжет под него авансом, а этой бляди достаточно того, что сегодня

он оплатит ее сок. Она готова рисковать. Собственно, она спит с ним только потому, что он иностранец. У него хер с запада, понимаешь? Переводчицу этим не взять. Она сама может поехать за рубеж. Она знает, что он обычный отец семейства, который живет в маленьком городке на границе.

– Мне кажется, я знаю ее.

– Шалаву?

– Переводчицу.

– Да уж, конечно! Тебе теперь будет казаться, что ты знаешь всех красивых девушек.

– Нет, правда!

– Ладно-ладно, может и знаешь. Хочешь познакомиться с ней?

– Я не очень помню, как это делать. Да и к тому же, как ты себе это представляешь.

Подойти к ним, прервать их разговор и сказать: «Привет, я десять лет пролежал в коме, мне кажется, я тебя знаю, давай попробуем вспомнить, откуда?»

– Начало, по-моему, неплохое. Правда, она скорее всего подумает, что ты нищий студент, у которого нет денег и который, вместо того чтобы произвести на нее впечатление деньгами, выдумал какую-то идиотскую историю.

– Вот именно.

Расплачиваясь, Стас рассказывал, что в этом кафе на столах часто стоят микрофоны, и что, вполне возможно, даже их нелепый разговор прямо сейчас прослушивают. Впрочем, сказал Стас, ему все равно. Он человек маленький и государству вряд ли интересен.

– До выборов они все равно никого трогать не будут. Создают впечатление, что в стране настоящая демократия. Все самое страшное начнется потом – когда его в очередной раз переизберут. Вот тогда настанет... В этом здесь никто не сомневается!

Вновь оказавшись на проспекте, Стасик с гордостью взял на себя роль проводника. Он показывал новые магазины и кафе, рестораны и благоустроенные скверы. Стас испытывал некоторую гордость за косметические изменения в родном городе, и все это совсем не трогало Франциска. За десять лет в городе почти ничего не изменилось. Рекламирующая телевизоры вывеска была и тогда, ресторан быстрого питания стоял на том же месте. Мрамор, из которого теперь были сделаны все поребрики, не впечатлял, но, напротив, напоминал о прошлом. Франциск разглядывал прохожих и замечал, что в массе своей это были серые, грустные, забытые люди. Они не улыбались. Как и тогда, в его детстве. Как и тогда, они опускали глаза.

– Стас, ты ведь замечаешь это, да? Большинство прохожих ходит с таким выражением лица, будто принохивается к чему-то. У них такой взгляд, будто кто-то помазал им дерьмом под носом и они не могут понять, откуда этот запах.

– Точно!

– Почему никто не улыбается?

– А чему улыбаться? Ты здесь пока как турист, ты смотришь на все со стороны. Ты только начинаешь здесь жить, а вот если бы ты провел здесь все эти десять лет, поверь, улыбался бы гораздо реже. Ты даже представить не можешь, сколько говна тебе придется узнать. Так что готовь свой нос. Посмотрим, как ты будешь выглядеть через несколько месяцев!

– Бабушка оставила мне немного денег. Я бы хотел отправиться в путешествие по континенту. Нам еще нужны визы?

– Конечно! Мы ведь люди второго сорта из страны третьего мира. Все только говорят, что нам нужно помогать, открывать двери, что мы, как они, и ничем от них не отличаемся, но как только речь заходит о выдаче визы – с нами разговаривают через большое бронированное окно. С нашими девками послы трахаются без бронированного стекла, но с нами разговаривают, как с дерьмом. Если бы не работа в президентском оркестре, я бы вообще никогда не

побывал за границей. Впрочем, страны, в которых я был, мало отличаются от нашей. Президента ведь никуда не выпускают. Но кое-что я все-таки повидал. Ты знаешь, что большинство наших соотечественников никогда не выезжали за границу? Представляешь? Вот тебе и ответ на вопрос, почему у них лица такие. Они и не представляют, что есть страны, в которых люди на улице улыбаются друг другу. Они не знают другой жизни. Они смотрят телевизор и думают, что мир устроен именно так, как рассказывает диктор. А я, знаешь, иногда смотрю ящик, и меня поражает сам факт артикуляции. Как эти люди могут с серьезным лицом произносить то, что произносят?

– Наверное, они в это верят, нет?

– Не знаю... наверное... Я бы мог поверить в то, что они делают это за большие деньги, но ведь нет, им платят такие же гроши, как и мне. Они несут всю эту чепуху за еду... вообще за несколько!

Франциск спрашивал, и Стас старался отвечать. Когда подошли к театру, Циск произнес:

– Даже не верится... я ведь сейчас мог бы работать здесь.

– Благодарю Бога! Ты даже представить себе не можешь, какое это болото. Помнишь, как мы ходили сюда в детстве? Помнишь, с каким восторгом смотрели на музыкантов? На их дорогие инструменты и, как нам тогда казалось, фраки. А теперь у меня есть этот фрак – и что? Страшно вспомнить, когда я последний раз его чистил. Я думаю, лифтеры и сантехники относятся к своей рабочей одежде с большим уважением, чем мы. У меня нет волнения перед спектаклями. Я не пролистываю ноты. Мне не страшно допустить ошибку или не вступить в нужном месте. Кто это может услышать? Наш президент? Да он завел оркестр только потому, что ему кто-то посоветовал. Ударники вечно подшучивают друг над другом, у тромбонистов прямо на пюпитрах стоят журналы с голыми бабами. Во время выступлений к глянцевым страницам они прикасаются гораздо чаще, чем к нотным. Мне даже не хочется начинать рассказывать тебе... Все подшучивают над дирижером... делают вид, что сейчас вступят не там, что уснули... Это не профессиональный оркестр, это так, любительский кружок.

– Мы можем войти внутрь?

– Да, конечно! Кто может нам помешать?

– У меня нет пропуска... и паспорта пока.

– Перестань! У меня тоже! Но я всех там знаю! Мы же там тоже иногда выступаем. Я скажу, что ты со мной. Ты правда хочешь? У меня, как ты понимаешь, никакого желания заходить в театр нет.

– Ты прав, может тогда просто здесь посидим?

Франциск сидел на скамейке, спиной к больнице, в которую его привезли сразу после трагедии. Он и не думал о том, что от места трагедии его отделяет не больше километра. Ему стоило всего-навсего встать, выйти из парка, который уже много лет осаждал театр, спуститься вдоль старого города – и точка. Переход. Ступени и памятник, на котором в память о жертвах ужасной трагедии было высечено: «53 рубца на сердце страны». Однако Франциск не вспоминал о переходе, и Стас не спешил напоминать. Набравшись мужества, друг начал рассказывать о своих отношениях с Настей.

– Ну вот, теперь ты все знаешь. А когда ты позвонил – я собирал вещи. Это же ее квартира. Мы разводимся.

– Почему?

– Потому что, ты уж прости, – я не знаю, какие там у тебя к ней чувства, но она оказалась точно такой же шлюхой, как и та цыпочка в кафе. Но я сам виноват. Этого следовало ожидать. Я сам не знаю, почему она встречалась со мной. Наверное, ей сложно было вырваться из одной орбиты и окончательно перейти в другую. Я обычный музыкант, который сидит в президент-

ском оркестре, а ее отец футболист. Футболисты всегда зарабатывали много. А ее папа еще и матчи сдавал. Он сейчас скрывается, потому что на него вроде как дело завели. Ты же сам знаешь – у нее двухэтажная квартира с видом на Остров слез, а у меня что?

– Но она же встречалась со мной...

– Когда это было?! К тому же в школе у тебя были хорошие вещи, ты проводил лето у германтов. В школе ты был круче всех. Она вот тоже начала пару лет назад. Знаешь, я понимаю, что даже не могу ее ни в чем винить. Ее мать видела, что вокруг нее постоянно ошиваются старые германты, что постоянно делают ей дорогие подарки, и ничего, она даже поощряла это. Я спрашивал у нее: «Настя, зачем тебе столько телефонов? Что ты с ними будешь делать?». А она только глаза таращила, оправдывалась, говорила, что ей дарят. Я говорю: «Настя, милая, это дорогие подарки, они меняют твои взаимоотношения с людьми, которые их делают. Это просто неприлично – принимать такие презенты, у тебя, в конце концов, есть я, твой муж!». А она ничего, брала и говорила, что если у меня нет таких денег, то это еще не повод завидовать другим. Так мы и жили. Они оплачивали ей перелеты, дарили украшения, часы, а я должен был все это проглатывать. Мы постоянно ссорились из-за этого, и вот я собрал вещи и съехал. Я понимаю, что ты, наверное, теперь не хочешь со мной разговаривать, что я не рассказал тебе всего, но такая странная ситуация получилась...

Франциск долго молчал. А потом вдруг начал негромко напевать:

– Говорят что некрасиво, некрасиво, некрасиво, отбивать девчонок у друзей своих... Это так, но с Франциском несчастлива, несчастлива, а судьба связала крепко нас троих. Как же быть, как быть? Запретить себе тебя любить? Не могу я это сделать, не могу! Лучше мне уйти, но без грустных нежных глаз твоих мне не будет в жизни доброго пути! Да я не обижаюсь, дебил!

– Сам ты дебил!

– Правда, я не обижаюсь! Столько же лет прошло! Ты мне лучше вот что скажи: тебе же, наверное, теперь негде жить, да? Хочешь у меня остановиться?

– Да нет, дружище, не переживай, честно говоря, есть одна курочка...

– Ну, ты хорош! Сидит тут, сопли размазывает о любви, а у самого курочка!

– Хорош твой дед.

– Отец твой хорош!

И дальше следовало долгое перечисление близких и дальних родственников, чьи умственные и физические способности, как обычно, как когда-то в туалете на четвертом этаже, ставились под сомнение. Закончив, друзья сошлись во мнении, что выпитое в новостном кафе кофе – это не совсем то, что нужно двум молодым людям.

– Пойдем в «Дурман»? – предложил Стас.

– В «Дурман»? Там ведь очень дорого!

– Теперь нет.

Франциск помнил «Дурман» совсем другим. Ресторан напротив консерватории всегда казался ему каким-то особенным, недостижимым, чем-то из другого, прекрасного мира. Еще будучи школьником, посещая мастер-классы в высшем музыкальном заведении страны, Циск часто смотрел в окно, за которым в доме напротив располагался дорогой ресторан. Богатые, как казалось Циску, люди поглощали дорогие блюда. Десять лет спустя Циск оказался в полупустой пельменной. В первом зале ни души. На входе во второй зал, словно в борделе, у кассы стояли все официантки. У них почти не было работы, поэтому они что-то живо обсуждали с мамочкой – кассиршей.

– Вам зал для курящих или некурящих?

– Мне все равно, – ответил Франциск.

– Нам тоже все равно, поэтому примите решение.

Ребят посадили у окна. За соседним столом обедал крупный человек. На протяжении всего обеда он говорил по телефону: «Ну? Ну? Ну и хуля? И че, бля? Епт твою мать – не еби вола в живот! Я же тебе, бля, все объяснил! Да мне похуй – я жру вообще!».

Последовав примеру соседа, друзья заказали солянку и жареные пельмени – фирменное блюдо «Дурмана».

К большому удовольствию друзей, в скором времени мужчину вызвали по какому-то чрезвычайно важному делу и увезли на машине с номерами «МІ». На мгновение воцарилось спокойствие. Официантка нехотя убрала стол и тотчас усадила за него большую шумную компанию. Около десяти человек. Парни и девушки, все как один студенты. Ребята что-то шумно обсуждали, пока один из них не сказал: «Ну все, давайте играть! Кто начинает?» – «Пусть Аксак или Рамзес начнут», – сказала девушка, на которую Стас тотчас положил глаз. Парень, которого в компании называли Аксаком, начал.

– Во что они играют? – наклонившись над столом, спросил Циск.

– В самую популярную игру современности.

– Как она называется?

– Абсурд. Они играют в абсурд.

– В чем смысл?

– Смысл предельно прост! Каждый участник рассказывает одну абсурдную историю. И так по кругу. Рассказал – передал ход другому. Тот, у кого закончились истории, вылетает. Ты послушай – это чрезвычайно занимательно, а я пока схожу руки помою.

– Мне тоже надо руки помыть!

– Ну, сходишь после меня, ты послушай, это правда интересно!

– Не помню город, не буду врать, – начал Аксак, – но история подлинная! Вы сможете проверить! В общем, один предприниматель, германт, открывает завод по производству колбасных изделий. Дела идут хорошо, местным жителям очень нравятся его продукты. В общем, все очень довольны... за исключением директора государственной фабрики, которая всю свою историю производила колбасу из туалетной бумаги. Директор понимает, что если срочно не предпринять меры, завод окончательно закроется, а его уволят. Да что там скоро, завод уже стоит. Производимые заводом кости никто не берет. Конечно, директор не думает о том, чтобы начать делать хорошие продукты. Нет! К чему? Он мыслит глубже! Нужно закрыть германта! Правильная, чиновничья мысль. Но как? Как убрать германта? Все нормы соблюдены. Изделия соответствуют госту. Все честно, все по закону. Люди довольны, государство получает налоги. Чиновник подключает целую группу специалистов. Над закрытием производства работает команда настоящих профессионалов своего дела, которая в конце концов находит выход. Гениальный ход! Мне кажется, вы должны засчитать мне эту историю за две!

– Да рассказывай ты уже!

– Короче, после очередной проверки оказывается, что сосиски германта лучше госта! Лучше – значит, не соответствуют госту. Логично? Логично! Завод закрывают и германт, потеряв несколько миллионов, возвращается домой.

– Принято. Серж, твой ход!

– У меня история попроще, но все же я смею надеяться, что и она позволит мне продолжить круг. Итак, президент в очередной раз устраивает для своих чиновников спортивное состязание. На этот раз решено играть в футбол. Всем известно, чья команда победит, но ведь главное – участие! Всем высокопоставленным чиновникам велено явиться на стадион в обязательном порядке. Единственная уважительная причина – смерть. Команды разных министерств готовятся проиграть в нужный момент, а пока он не наступил, проверяют амуницию

и завязывают шнурки. Все так волнуются, что у многих подскакивает давление. Шутка ли, на поле будет не какой-нибудь там король футбола, а сам президент! И вот один из чиновников, занимающий в министерстве должность начальника управления, наклоняется, чтобы завязать шнурки, и умирает. У старика гипертонический криз. Врачи уже много лет запрещают ему любые физические нагрузки, но он так боится потерять работу и остаться на одной почетной пенсии, что приходит на свой первый и последний в жизни футбольный матч.

– Засчитано! Следующий!

– Раз уж речь зашла о спорте, я подхвачу. На этот раз команда президента выходит на лед. Впрочем, нет, я должен рассказать предысторию. Перед матчем президент запугивает всех соперников: «Если кто-нибудь из вас будет поддаваться моей команде, уволю!». Тренер одной из команд-соперниц воспринимает слова президента буквально и настраивает своих подопечных так, что они с легкостью обыгрывают команду президента. Казалось бы, желание главы государства удовлетворено, но... как бы не так! На следующий день профессиональный хоккейный клуб, в котором работает горе-тренер победившей команды, вероятно, желая доказать свою привязанность президенту, расторгает контракт с бесстрашным специалистом.

– Да, я слышал об этой истории! Более того, абсурд заключается еще и в том, что президент приказал вернуть тренера на его пост, и его вернули!

– Ну как? – с улыбкой спросил Стас.

– Они ведь просто рассказывают анекдоты, да?

– Нет! В том-то и дело! Принимаются лишь настоящие истории.

– Тогда я узнал много нового... особенно о спорте...

– О! Спорт теперь – наше все! Гуляць у хаккей наш казачны лёс! Я не знаю, рассказывали ребята или нет, но в сентябре 99-го, как раз через несколько месяцев после того, как с тобой случилась трагедия, начался отборочный цикл чемпионата континента. Мы играли против соотечественников Гамлета, которые только что наделали шума на прошедшем чемпионате мира. Все билеты раскуплены. Вокруг стадиона толпились десятки тысяч людей, но не все из тех, у кого на руках были билеты, смогли попасть на стадион.

– Поддельные квитки?

– Нет, что ты! Дело совсем не в этом. На стадион просто не пускали людей в белых майках.

– В смысле?

– В прямом!

– Чем они это объясняли?

– Ничем! Просто, если ты пришел на матч в белой майке, – либо раздевайся и бросай свою майку в кучу, либо уходи. Перед каждым сектором была гора белых маек, которые люди демонстративно бросали под ноги милиции.

– Ну а потом-то выяснилось, почему милиция так себя вела?

– Нет! Они же ничего не объясняют! Я думаю, они боялись, что на стадион придет большое количество людей в белых и красных майках, а потом все начнут меняться местами и получится большой, ненавистный президенту, бело-красно-белый флаг. Только этим я могу все это объяснить.

– Да... похоже на правду.

Оказавшись дома, Франциск вытащил кресло на балкон. Много лет назад, возвращаясь домой, он часто так поступал. Говорил бабушке, что здесь лучше делаются уроки. Франциск утопал в кресле и часами разглядывал крыши соседних зданий. Теперь не было заданий, не было бабушки, не было родного балкона, но в остальном все было как прежде. Те же декорации. Вид не изменился. Разве что немного сдвинулся из-за переезда. Франциск смотрел на

соседние дома и думал о том, что за десять лет большой и мужественный город его детства не смог восстать против одного-единственного человека. «Город розенкранцев и гильденстернов, все мы здесь, похоже, персонажи второго плана, и все мы, кажется, не очень-то связаны с сюжетом. Если все, что рассказывает Стас, правда, если даже половина из того, что он сегодня обрушил на меня, правда, мы никогда ничего не сможем изменить». Разглядывая театральную академию и фрагмент проспекта, Франциск думал о том, что, возможно, прямо сейчас в одном из соседних дворов проводят обыски, изымают технику и жесточайше наказывают неугодных режиму людей. За последнюю неделю Франциск много слышал об этом, но только теперь смысл историй дошел до него.

Затушив первую за десять с лишним лет сигарету, Франциск вернулся в комнату и включил телевизор. «На лице каждой пионерки осталась трудность немоги прежней жизни, скудность тела и красоты выражения. Но счастье детской дружбы, осуществление будущего мира в игре юности и достоинстве своей строгой свободы обозначили на детских лицах важную радость, заменившую им красоту и домашнюю упитанность». Франциск выключил телевизор и, не раздеваясь, лег спать.

Франциску снилось, что какой-то поезд сошел с рельсов. Он не понимал, какой именно и где, он видел только огромное количество накрытых белыми простынями тел. Во сне Франциск понимал, что проезжает место трагедии в машине отца, но отца не видел. Затем Циск оказался на балконе в квартире своей матери. На площади перед Ботаническим садом государство готовило торжественные похороны. Франциск смотрел на ряды ровно выстроенных гробов, и вдруг сотни гробов начали падать с неба. Они падали на асфальт, но не разбивались. Гробы почему-то скользили, катились и разбивались о дом Франциска, прямо под его ногами. Когда гробовой ливень закончился, на площади почему-то появились клоуны, похожие на тех, что зазывали детей в известную закусочную. Франциск смотрел на них и думал: «Господи, какой же он идиот, что даже на похороны позвал клоунов».

* * *

Кома забывалась. Циск разучивал новую партию: «Счастливый гражданин маленькой страны». По мнению соседей, его жизнь налаживалась. Вмиг. Слишком просто, будто река в русло. Все могло быть гораздо сложнее, многие годами не могли найти нормальную работу, а он, благодаря своей болезни, которую теперь бесцеремонно эксплуатировал, с легкостью нашел приличную должность. О таких условиях и деньгах можно было только мечтать. Воспользовавшись списком знакомых, который бабушка приложила к письму, Франциск быстро нашел работу. Продавца. На строительном рынке. Мир красок, плитусов и лаков, галактика натяжных потолков и полов всех мастей. Каждый день Франциск открывал маленький магазин, чтобы, заняв свое место среди смесителей, раковин и унитазов, бороться со сном. Франциску вменялось продавать сантехнику. Всем и вся. С девяти утра до шести вечера. Нельзя сказать, что Циск когда-нибудь мечтал о подобной работе, но, учитывая отсутствие образования и перспектив, следовало радоваться. Так говорили отчим и мать. В унисон. Едва ли не каждый день Франциску приходилось отвечать на вопросы: «А как говно будет туда падать?», «А этот ваш толчок хорошо смывает?», «А он из фаянса или из фарфора?».

Мама настаивала на том, что Франциск получил великолепную работу.

– Скажи спасибо! В стране нет работы! Люди годами ищут место – а тебе пошли навстречу! Люди не могут платить за квартиру, а у тебя еще на мелочи будет оставаться!

– Я смотрел новости, там сказали, что в стране вообще нет безработицы, что все страны вокруг нас завидуют, а у германтов, так у тех вообще наркомания!

– Франциск, почему ты хамишь мне?

– Я просто рассказываю то, что видел. Ты говоришь о каком-то кризисе, а по телевизору говорят, что все прекрасно, что лучшего места на земле вообще нет!

– Значит, так и есть! Работай и наслаждайся! Нечего нос задирать! Кто ты такой, чтобы быть недовольным? Радуйся!

И Циск радовался, время от времени предлагая успешным соотечественникам приобрести биде.

– Я что, по-твоему, черножопый? Зачем оно мне?

– Тут дело не столько в религии, сколько в гигиене.

– Ничего! Сорок лет как-то руками подтирал очко – и дальше справлюсь!

– Я нисколько в этом не сомневался, просто...

– То-то же! Нахрена мне это говно?

– Биде. Эта вещь называется биде.

– Да мне похуй!

– В этом я тоже не сомневался. Будем оформлять унитаз?

– Да, пошли, а то мне еще сегодня в церковь надо заехать.

Каждые выходные Циск ездил на кладбище. Сев на маленькую скамейку, которую он сам смастерил, Циск рассказывал бабушке о том, что на этой неделе продал угловую ванную и один, со сколом, подвесной унитаз. Франциску не хотелось возвращаться домой, поэтому он долго и старательно пересказывал бабушке все последние новости:

– Все сейчас только и делают, что говорят о нашумевшей истории с девочкой, которую похитили ее приемные родители. Она жила здесь в детском доме, а летом, как и я, ездила в семью к германтам. Все это продолжалось около пяти лет, но в последний приезд, когда подошло время возвращаться в детский дом, она сказала, что не хочет никуда возвращаться, что здесь ее насилуют и постоянно издеваются. Понятное дело, семья решила не отпускать ее. Налицо похищение. Они спрятали девочку в монастыре. Детский дом послал запрос, и через двадцать дней полиция нашла девочку и специальным рейсом доставила обратно. Сюда. В рай. В детский дом. К чему ей жить в нормальной стране с любящими родителями, если можно кашу геркулесовую навораживать за счет государства? Вот еще, мы будем нарушать демографическую ситуацию в стране! От нас и так все уезжают! Хоть девочку удержим – пока несовершеннолетняя. Ну вот. Девочку вернули, а германтов приговорили к тюремному заключению. Причем приговорили не только родителей, но и священника, который помогал укрывать девочку. Уже через месяц девочку отдали в нашу приемную семью. Кстати, незадолго до того, как удочерить девочку, новая семья сообщила, что не готова взять ее, мол, некуда, да и желания особого нет, но, видимо, вмешался кто-то влиятельный, и их заставили. Вот в такой семье она теперь живет!

Пересказав бабушке историю зловещего похищения и чудесного удочерения, Франциск возвращался к сантехнике. Внук рассказывал бабушке о преимуществах акрила над санфаянсом. Когда сторож сделал последнее предупреждение, Франциск гладил памятник и уходил.

Чтобы приходиться домой как можно позже, Франциск выбирал самый длинный из возможных маршрутов. Автобус. Метро. Пересадка. Линия, другая. Каждое воскресенье после кладбища Франциск заезжал в большой супермаркет, чтобы купить продукты на неделю вперед. Циск мог часами разглядывать товары, которых не было в его детстве. Рассматривая сыр, Франциск вспоминал, что в стране его детства, в той самой стране, которая входила в состав огромного государства, в сыре были синие резиновые циферки, и поиски и выковыривание этих самых цифр доставляло гораздо больше удовольствия, чем употребление оного. Франциск вспоминал, что в его детстве консервы стояли точно так же, пирамидами, но хлеб, конечно,

никто не заворачивал в пластик, потому в те времена он еще бывал свежим. Зато теперь были йогурты и соки, не такие, как у германтов, но все же. Франциск вспоминал, как когда-то вместе с мамой ездил на футбольный стадион, вокруг которого располагался вещевого рынок. Долгие годы жители столицы одевались преимущественно здесь, но Франциска совсем не интересовала одежда. Он тащил маму к тому месту, где женщина с красным от мороза лицом продавала пирожки с картошкой, жаренные во фритюре. За этими пирожками люди съезжались со всех концов города, и, стоя перед прилавком, Франциск не мог поверить, что вспомнил тот прекрасный, еще до комы забытый вкус...

- Следующую неделю, как и любую другую, Франциск проводил на строительном рынке.
- Все его хаот, а лично я все равно буду за него голосовать! – начинал коллега Франциска.
  - Может потрудишься объяснить, почему?
  - А нипочему! Потому что другой альтернативы нет!
  - Ты правда полагаешь, что в десятиллионной стране невозможно найти никого, кто управлял бы страной лучше?
  - Ну не находится ведь!
  - Это вопрос порядочности и жажды власти, а не управления.
  - Я считаю, что он хороший управленец.
  - Даже если допустить, что ты прав, – всему есть свой срок! Даже самые лучшие футболисты заканчивают карьеру. Можно играть на высоком уровне десять, максимум пятнадцать лет, но после этого все, точка. Даже самых выдающихся капитанов рано или поздно сажают на лавку. Нельзя жить былыми заслугами!
  - Мы говорим про политику, а не про спорт, Франциск! Но даже если пользоваться спортивной терминологией, – ты ведь сам знаешь: «спорт номер один» у нас не футбол. «Спорт номер один» у нас хоккей, а в хоккее карьера бывает и по двадцать лет! К тому же, ты забываешь о том, что после завершения карьеры многие спортсмены переходят на тренерскую работу.
  - История показывает, что очень маленький процент великих спортсменов становится великими тренерами.
  - История никогда никого ничему не учит! Ни в спорте, ни тем более в политике! А тренировать можно и до восьмидесяти.
  - Если команда не дает результат, тренера снимают. Столько лет никто не ждет!
  - А какого результата ты ожидаешь? Каких побед тебе не хватает? Перед ним никто высоких задач не ставил. К тому же, он владелец этого клуба, он сам перед собой ставит задачи. Только ему известно, выполнила команда поставленную на сезон задачу или нет.
  - В этом-то и есть его главное заблуждение! Однажды ему дали потренировать команду, а он почему-то стал думать, что теперь эта команда принадлежит ему. Но это не так! Команда принадлежит болельщикам.
  - Это болельщики так думают, потому что болеют за нее. А он не болеет. Он уже давно над командой. Он не воспринимает ее всерьез, как нечто, что может существовать без него. У него других забот полно. Он управляет, и только ему известно, чего он хочет от этой команды. Олимпийский принцип, он ведь очень про жизнь, Франциск, – главное не победа, главное участие, постоянное...

К счастью или сожалению, иногда заходили клиенты. В этих случаях беседа прерывалась, и внимание Франциска переключалась на женщину с ребенком или мужчину с рулеткой. Мужчины с рулетками приходили чаще. Мужчин с рулетками интересовала работа встроенной системы слива и ее монтажная высота. Мужчины с рулетками все измеряли, и Франциск толкал заученные речи о самонесущих стальных рамах с порошковым напылением и крепежных материалах.

– А какой у них крепежный материал?

– Два болта держателя для унитаза, крепление для керамики, переходник, впускной и смывной гарнитуры, пневматический смывной клапан с тремя режимами смыва.

Клиент уходил без покупки. Коллега с улыбкой хлопал Франциска по плечу.

– Вот видишь, все мы не идеальны! Ты тоже не суперпродавец, но тебя ведь не увольняют!

Рабочий день подходил к концу. Франциск закрывал кассу, магазин, и в это самое время, как правило, звонил Стас.

– Ну как, насрали тебе сегодня в душу? В «Кефир» идем?

Во второй половине лета, в запахе охлаждающего воздуха, в повязанном поверх рубашки свитере, Франциск наверстывал упущенное. Не только в работе. Во всем, что проспал. Травка. Вечеринки. Домашние и не очень. Девочки. Дым. Разбавленный дымом алкоголь. Во все горло. Ксении, Ани, Юли. Поцелуи. В маленькой ванной и галерее современного искусства. Ночи напролет. Франциск танцевал, веселился и орал песни. Выпивал и вытирал мокрые губы о губы. Улыбался и от счастья закрывал глаза. Музыка была прекрасной и лица светлыми. Стас хлопал друга по плечу и передавал выпивку. Франциск выпивал. И еще. Какая-то девочка танцевала рядом, и Циск брал ее за талию. Совершенно спокойно. Будто проворачивал этот трюк миллион раз. Она не сопротивлялась, и Циск торжествовал. Он чувствовал себя победителем, будто был здесь самым крутым парнем, прекрасным принцем танцпола, которому ни одна уважающая себя принцесса не могла отказать.

Франциск шутил, и его шуткам смеялись. Франциск острил, и его считали остроумным. Годы комы не отбросили его назад. Франциск не отставал. Франциск лидировал. Девочки влюблялись. Многие.

Гремели басы. Ди-джей отлично сводил, и Франциск не выпускал незнакомку. Она была не против, и они держались за руки. На улице, под луной, в такси и в лифте. В комнате, в кухне, в ванной и на балконе. Она курила, и Франциск смотрел на маленький огонек. Яркий, как звезда, и абсолютный, как эта ночь.

– Ты недавно сюда переехал?

– Да... То есть... Ну в общем-то да... да... а что?

– Я раньше никогда тебя не видела на вечеринках...

– Я и не ходил...

– Почему?

– Спал...

– Вот и я поеду.

– Зачем, ты можешь остаться у меня...

– Спать нужно дома...

– Я много лет спал не дома...

– Я бы так не смогла. Вызовешь мне такси?

– Я не помню, как вызвать такси...

– Очень остроумно! 152 или 135...

Спустившись в шлепанцах во двор, Франциск целовал девушку и улыбался таксисту. Машина, как когда-то «скорая помощь», скрывалась за поворотом, и Франциск оставался один. В пустом дворе. Вместо того чтобы вернуться домой, он шел на спортивную площадку. Нашел в кармане сигареты и плеер. Подкуривал, включал и ложился на скамейку. В небе светились звезды, и в плеере играла старая песня, которую он до того момента никогда не слышал:

«На холодной земле стоит город большой, там горят фонари и машины гудят. А над городом ночь, а над ночью луна. И сегодня луна каплей крови красна. Дом стоит, свет горит. Из окна видна даль. Так откуда взялась – печаль? И вроде жив и здоров. И вроде жить не тужить. Так откуда взялась – печаль? А вокруг благодать – ни черта не видать. А вокруг красота – не видать ни черта. И все кричат “Ура!”, и все бегут вперед, и над этим всем новый день встает. Дом стоит, свет горит. Из окна видна даль. Так откуда взялась – печаль? И вроде жив и здоров. И вроде жить не тужить. Так откуда взялась – печаль?».

Франциск слушал музыку и вспоминал людей, которые когда-то жили в этом дворе. Пашку, Илюшу, Вару. Отец Вары однажды попал в тюрьму, потому что взял на себя преступление сына. В какой-то юношеской перепалке Вара пырнул парня из соседнего двора ножом, но отцу удалось договориться со следователем и убедить суд в том, что именно он нанес роковой удар. Вернувшись из тюрьмы, папа Вары обнаружил в своей квартире другого мужчину, художника. Франциск вспоминал, что папа Вары остался во дворе, и с тех пор у Вары было два отца. Франциск вспоминал Рима и его сестру Катю. Вспоминал их соседей по лестничной площадке, большую семью, восемь человек, которые погибли в один день, отравившись грибами. Франциск вспоминал десятки семей и думал о том, что его жизнь получилась совсем не такой, какую он представлял на уроках литературы. Франциск думал, что у него будет дорогая машина, красавица жена и большая квартира в центре города. Франциск верил, что если не станет великим футболистом, то уж великим актером станет наверняка. Но этого не случилось. Не произошло. Франциск лежал на скамейке посреди двора и понимал, что в данный момент с ним происходит то, чему он должен быть чрезвычайно рад и благодарен. Судьба складывалась так, что о большем нельзя было и мечтать. Все, что теперь окружало его, было лучшим из всех возможных миров. Мечты следовало оставить в ящике за тысяча девятьсот девяносто девятый год...

* * *

Начиналась осень. Упирались последние теплые дни. Грустил воздух, грустили Франциск и Стас. Ребята ходили на нелюбимую работу и иногда назначали друг другу встречи в новостном кафе.

– Ты уже слышал? Здорово получается, правда? Парень работает журналистом, руководит штабом одного из кандидатов в президенты. Его жизнь полна планов и замыслов. Он верит в то, что настало время все изменить. Что этот год станет переломным. Что настало время для перемен. У него любимая жена, и всего год назад родилась дочь. Перед долгой, серьезной работой он берет отдых и уезжает на море. С удовольствием гуляет по местам, которые прославил великий писатель, и счастливый возвращается домой. С момента возвращения из отпуска проходит всего неделя. Он рад, счастлив и хочет поделиться счастьем со своими друзьями. Для этого он рассылает друзьям сообщения и приглашает их в кино. Выбирает кинотеатр и назначает время... а дальше начинается самое интересное. Вместо того чтобы, как и договаривались, встретиться у «Октября», счастливый друг, отец, мужчина, у которого наступает самый интересный этап в жизни, внезапно садится в машину, едет к себе на дачу, выпивает две бутылки дешевого бырла, которое никогда раньше не брал в руки, и вешается. Фантастическая история!

– Зачем ты мне все это рассказываешь? Я же знаю!

– Сколько все это будет продолжаться, Циск?

Франциск ничего не ответил. И в тот вечер больше не говорил. О чем он мог говорить? Что рассказать? Франциск смотрел на узкую улицу и думал о том, что думать страшно. Все

запущено до такой степени, что смерть журналиста выгодна абсолютно всем. Властям, оппозиции, континенту. Плакали или смеялись, но так или иначе, руки потирали все. Судьба человека, детство, юность, первая влюбленность, работа, жена, ребенок – все это не имеет абсолютного никакого значения, никакого веса, если только в вашу жизнь вмешивается политика. Может так случиться, что ваша смерть выгодна почти всем. Человек, который всю жизнь старался делать людям добро, своей смертью оказывает самую большую услугу. Жаль только, что никто не удосужился спросить у журналиста, хочет ли он погибнуть. Франциск смотрел в окно и понимал, что ни его, ни чья-либо другая жизнь ничего не стоит. Вообще ничего не стоит, если только в дело вмешивается политика. Канцелярские расходы не в счет. Франциск молчал, и, глядя на посетителей кафе, Стас думал, что все эти люди до сих пор дышат только потому, что мало что собой представляют, только потому, что никому не мешают. Стас разглядывал вновь входящих девочек и думал о том, что жизнь способна переварить любую кость. «Пока Циск лежал в коме, ничего не изменилось. Мир не остановился. Люди продолжали заниматься своими делами, солнце садилось и дожди шли. Его жизнь ничего не стоит. Никто ничего не стоит. Когда его не станет, когда не станет меня, кого угодно не станет, все продолжится. Не остановится земля. Никогда, блять! Никогда ничего не остановится. Ни деревья, ни листва. На всем земном шаре нет человека, чья жизнь могла бы хоть что-нибудь изменить. Если кто-то живет, если кто-то продолжает дышать и выполнять свою работу, то только потому, что кому-то это выгодно или никому не мешает...».

Еще несколько недель город обсуждал самоубийство журналиста. Каждый день всплывали новые подробности, однако суть дела не менялась. Все обвиняли всех. Власть, оппозиция, зарубежье. После смерти известного журналиста в городе испортилось настроение. К осенней депрессии прибавились разочарование и бессилие. Друзья оставались дома. Друзья друзей отменяли вечеринки. Не хотелось петь и танцевать, хотелось пить. Опускались руки. Разворачивавшаяся предвыборная кампания подарила многим надежду на перемены, но убийство известного оппозиционного журналиста все расставило по своим местам. Франциск не знал журналиста лично, не знал его никто из общих друзей, однако от этого утрата не становилась менее весомой. Циск отказывался верить, что человек может погибнуть исключительно из-за своей профессиональной деятельности, из-за мыслей, из-за слов: «Это как если бы виолончелиста убивали даже не за фальшь, но просто за исполнение сонаты».

Смерть репортера обсуждалась вплоть до дня выборов, когда, одержав «элегантную» победу, президент республики без труда был переизбран на новый срок.

Стояли морозы, валил снег. Власти запретили продажу палаток и теплых вещей. Представители оппозиции призвали своих сторонников собраться у Дворца Республики, чтобы вместе узнать результаты выборов. Призывали одеваться теплее, потому что будет довольно холодно и мрачно. Призывали обязательно прийти, не призывала только мать.

– Циск, я не разрешаю тебе туда идти! Твой отец против!

– Во-первых, у меня нет отца, а во-вторых, кто-то же должен выйти на площадь, если наши родители не делают этого. Мы не виноваты в том, что выходим на площадь! В этом виноваты вы! Вы пятнадцать лет бездействовали! Ты ничего не сделала для того, чтобы сегодня я остался дома!

– А что я должна была сделать? Я ходила на выборы, я голосовала против, что еще я могла сделать?

– Все голосуют против! У кого ни спроси, все голосуют против, а он набирает 75 процентов!

– Да, я все понимаю, но площадь это не выход!

– А что выход?

– Я не знаю, этим должны заниматься политики!

– У политиков нет идей! У них нет планов! Они не могут выдвинуть единого кандидата от оппозиции, они озабочены только собой. Нет политиков! Есть люди, есть я, который больше не хочет жить в этом абсурде! Понимаешь? Я выхожу на площадь не для того, чтобы устроить революцию! Я не хочу ни с кем драться, я не хочу орать лозунги, я хочу только убедиться в том, что весь этот сюрреализм – неправда, что весь тот бред, что показывают по телевизору, что вся эта чушь, которую несут дикторы, что всего этого нет. Что это мыльный пузырь! Я хочу оказаться Цинциннатом, я хочу, чтобы в конце декорации рухнули! Я хочу просто увидеть, что кроме меня выйдут и другие люди, люди, которые, так же как и я, не верят в весь этот фарс. Мне важно просто понять, что я не один заложник в этом дурдоме.

Однако собраться на одной из главных площадей города оказалось довольно сложно. Власти внезапно решили залить каток. Поработали на славу. Каток получился что надо. Можно было проводить матчи национальной сборной. Для того, чтобы люди не слышали представителей оппозиции, на площади установили несколько десятков колонок и включили музыку. Можно было бы предположить, что музыка предназначена для отдыхающих на катке горожан, но нет, колонки поставили рядом с домом профсоюзов, в том самом месте, где должны были выступать представители оппозиции. Ни Франциск, ни Стас, конечно, не удивились. Сюрпризов никто не ждал.

Договорились, что встретятся в испанском кафе напротив кинотеатра. Выпьют чая и отправятся на площадь узнавать результаты. Франциск предложил выпить немного водки или коньяку, чтобы согреться, но тут же получил от собравшихся друзей:

– Ты что, идиот?! Пьяных будут брать в первую очередь, сразу, им только это и нужно! Никакого алкоголя! Все слышали? Никто здесь не должен пить! Никакого алкоголя! У нас есть термосы с чаем, если кто-то будет мерзнуть – сразу обращайтесь ко мне. Так, теперь дальше! Все взяли паспорта или ксерокопии паспортов? Если кто-то забыл паспорт – немедленно езжайте домой. Даже не думайте идти туда без паспортов!

Когда друзья были готовы выходить, в ресторан вбежала чья-то знакомая. Со слезами на глазах она рассказала, что один из главных кандидатов, известный поэт, избит и доставлен в больницу. Его не будет на площади. Вечер начался. Власть сделала первый ход. Навстречу народу. Кандидата закидали «шашками» и избивали. В кафе повисла тишина. Люди, которые сидели за другими столиками, тоже собирались на площадь. Собирались все и все поняли, что без провокаций не обойдется. Будет страшно, но не идти уже нельзя. Отступить поздно. Нужно во что бы то ни стало показать власти, что народ недоволен, что у него с ней нет ничего общего и пора расставаться.

К восьми часам вечера люди в штатском заняли город. Они были повсюду. Казалось, весь город разговаривает по рациям. То тут, то там слышался треск, шипение эфира. Повсюду: возле ратуши и консерватории, возле дома офицеров и цирка – словно спущенные с цепей бешенные собаки, бегали крысы в штатском. Несмотря на это, несмотря на новости об избитом кандидате в президенты, люди не испугались. Люди вышли. Впервые за долгие годы комы. Оказавшись на площади, Франциск испытал радость. Здесь были люди. Сразу несколько тысяч отважных и храбрых. Здесь были женщины и старики, здесь были все, кто больше не мог терпеть. Их было немного, не столько, сколько ожидал увидеть Циск, возможно, всего несколько тысяч, но все же. Франциска окружали приятные, красивые, приличные люди. Среди них было не страшно, наоборот, впервые за последнее время Франциск понял, что не испытывает страха в собственном городе. Циск понял, что не боится этой толпы.

Встав на коньки, с рациями в руках сотрудники спецслужб наворачивали круги вокруг рождественской елки, и пришедшие на площадь люди аплодировали им. Люди не ненавидели, но жалели гиен.

Проезжающие по проспекту автомобили сигналили, поддерживая протестующих, и мерзнувшие на улице люди радовались уже тому, что остались граждане, которые не боятся сигналить.

– Циск, внимательно смотри по сторонам! Здесь очень много крыс в штатском. Если что-то начнется, если будут провокации, нас не будут арестовывать люди в форме, нет, скорее всего нас будут брать именно сотрудники в штатском.

Действительно, милиции почти не было. Милиция появилась потом, гораздо позже. А пока режим показывал, что сборище «трех сотен отморозков», как давно окрестило оппозицию государственное телевидение, его нисколько не интересует. «Покричите, и мы вас разгоним», – говорил только что победивший режим, режим настолько сильный, что он прибегал к помощи колонок, которые должны были заглушать лидеров оппозиции. Почти никто не слышал того, что кричали со ступенек дворца профсоюзов. Информацию передавали из уст в уста. За долгие годы народ научился. Уже через несколько мгновений многотысячная толпа узнавала все, что говорили с трибуны.

В один момент кто-то сказал Франциску, что навстречу оппозиционерам движется еще одна колонна. Что людей на самом деле гораздо больше. Что город, похоже, проснулся. Как раз в это мгновение люди, которые до этого момента занимали площадь, стали перегораживать проезжую часть. Народ повалил на дорогу. И случилось чудо! Группы людей стали объединяться в одну огромную, сильную колонну. Франциск не мог поверить собственным глазам, его переполняло чувство счастья. Всего за несколько минут немногочисленная акция протеста перерастала в акцию народного неповиновения. Колонна разрасталась на глазах. Многотысячная толпа перекрывала главный проспект страны. Франциск не понимал. Все это походило на хорошо срежиссированную акцию. Людей вдруг становилось очень, очень много! Франциск задыхался от счастья:

– Ты это видишь? Чувак!!! Видишь? Бля, чувак! Ты только посмотри сколько людей и там, и там, и там! В это все невозможно поверить! О-о! Смотри туда, назад, назад, посмотри назад! Там толпа от самого цирка! Посмотри туда! Господи, сколько людей, чувак! Посмотри, народ проснулся!!! Посмотри! Здесь наверное тысяч пятьдесят, да нет, уже наверное даже больше!

Впервые за долгие годы на улицы столицы вышли десятки тысяч. Никто не ожидал такой активности. Судя по всему, в тот момент растерялись даже лидеры оппозиции, даже они не могли представить, что после стольких лет давления власти, после исчезновений и арестов, после лет абсолютного безволя и бездействия, на улицы выйдет столько людей. Стотысячная колонна перекрывала самый длинный проспект на континенте. Всего этого не могло быть. Из продолжительных ком не выходят. Чудес не бывает. В забитой, изъезженной, загнанной стране всего этого не могло происходить. Франциск боялся, что вот-вот потеряет сознание. Он боялся, что потрясение, которое он теперь испытывает, способно парализовать, обесточить его. Он не говорил Стасу, но только крепко сжимал его руку и орал от счастья:

– Смотри! Смотри! Там еще люди! Там, и там! Посмотри, посмотри! Мы везде! Мы повсюду! Посмотри, сколько нас!

Колонна все еще росла. На каждой улице к ней примыкали группы по несколько сотен человек. Еще и еще. Еще и еще.

– Может им удалось? Может им удалось?

– Что удалось?!

– Может удалось все организовать?! Смотри, от стадиона пришли еще несколько тысяч! И нам навстречу, смотри! Смотри, сколько там людей! Может, им удалось объединить нас? Нас тысяч сто – не меньше!

– Да! Посмотри назад! Господи!

Стас пытался встать на цыпочки, чтобы увидеть насколько вырвался нос колонны, но было поздно, людей собралось так много, что, оказавшись в самом центре, даже забравшись на плечи Циска, он не мог разглядеть ни начала, ни конца. Когда кто-то из манифестантов сорвал со здания Комитета государственной безопасности флаг президента и водрузил национальное знамя, под которым выступала оппозиция, многие подумали, что революция началась. Стас заплакал. Этого момента он ждал всю жизнь. На мгновение он поверил в то, что все закончилось. Режим пал. Милиция не разгоняла протестующих. Над городом Циска развевался настоящий, его детства флаг. Казалось, что через мгновение появятся шавки в штатском и сорвут символ, но шавки не появлялись. Поджав хвосты, они смотрели на толпу и понимали, что в данный момент бессильны. Что они способны разогнать двадцать, пятьдесят человек, но не сто тысяч.

Люди, которые в тот вечер окружали Франциска и Стаса, улыбались. Они улыбались собственному счастью, улыбались пониманию того, что битва не проиграна. Люди, которые в тот вечер вышли на улицы своего города, в первую очередь, победили собственный страх, и то была одна из главных побед человечества, ибо нет ничего важнее, чем переступить через пропасть собственного страха.

* * *

Бросив пальто на пол, Франциск прошел в ванную. Сразу. Стянул с себя джинсы, сорвал холодные вещи и трясущимися, красными от холода руками запихал их в стиральную машину. Деликатная стирка плюс полоскание. Худое, бессильное тело. Следы грязи на кафеле. Как замороженный, Циск смотрел на барабан. Прямо. Бездумно. По его лицу текли слезы, и он смотрел, как одна на другую валились мокрые вещи. Как мокрый снег города, пена наполняла барабан. Запотевало круглое стекло. Машина разгонялась и тряслась. Затем внезапно останавливалась и, словно на мокрые ступени, на дно металлического барабана валились джинсы и свитер. Барабан начинал раскручиваться в другую сторону. Датчики обеспечивали необходимую температуру, а Франциск даже не мог представить температуру своих слез. Откачивая раствор, машина начинала отжим, и Циск видел, как мокрые вещи прижимаются к стенкам. Он думал о том, что с этого дня его можно называть предателем и никак иначе. На площади остались люди. Много людей. Милиция взяла их в кольцо. Их избивали около получаса, пока остальные разбежались. Франциска и Стаса отрезало кольцо оцепления, и вместе с другими людьми Франциск побежал. За несколько минут милиция разогнала стотысячную толпу, оставив себе на десерт около тысячи. Их не пощадили и вкатили в землю. Президент заявлял, что на площадь выйдет не больше трехсот отморозков, но уже по первым данным было задержано около тысячи человек. Тех, кто не смог убежать. Франциск смотрел на барабан, и одна вспышка смеяла другую. Он вспоминал, как, пробегая мимо гостиницы, названной в честь города, заметил людей, которые прятались в ней. Милиция гналась за ними, но, не побоявшись последствий, спасая людей, швейцары закрывали перед милицией двери. Франциск думал о том, что эти люди совершали маленький подвиг. Они не думали о том, что уже завтра их найдут и арестуют,

они просто закрывали двери перед носом гиен, а он убегал, убегал вместе с другими, боясь попасть в лапы государства. Машина продолжала стирать вещи, и Франциск думал о том, что на всю жизнь запомнит взгляд швейцара. Взрослый мужчина с ужасом смотрел на женщину, которая не успела забежать в гостиницу. Милиционеры сбили ее с ног, свалили на землю и, взяв за капюшон, тащили по асфальту в сторону автозак. «Блестящий кадр для рекламного ролика, – думал Циск. – Наши куртки сшиты на славу, наши куртки выдержат даже то, что неспособно выдержать человеческое сердце». Франциск вспоминал лицо швейцара и, более того, кажется, даже помнил то, что успел прочесть по губам: «Еп твою мать... Еп твою мать».

Один известный писатель как-то заметил, что нефть есть не что иное, как кровь драконов, которые когда-то населяли землю. Когда нефть перерабатывают и в виде топлива заливают в самолеты – драконы оживают. Вспоминая эту красивую аллегорию, Франциск думал о том, что местные драконы когда-то питались людьми и теперь оживают только в моменты разгона оппозиции.

Машина продолжала стирать, и Франциск вспоминал, как вместе с друзьями свернул на улицу, где стоял роддом, в котором он когда-то родился. Малыш, у которого, по рассказам мамы, пуповина обмоталась вокруг шеи... Вместе с другими он бежал вниз, к пожарной части, и в это время на главном проспекте страны милиция гребла всех без разбора. Тех, кто пришел на акцию протеста, и тех, кто наивно полагал, что автобус все же придет. Зеленый, под номером сто. Женщин, подростков, стариков. Всех. Потенциальных, возможных, мыслимых, воображаемых, вероятных противников режима...

Машина заканчивала стирку, и Циск уже спал.

Страх пришел утром. Настоящий. Как у северного живописца. Не страх, но ужас. Глубокий. Размазанный. Необузданный. То самое чувство, которое Франциск испытал десять лет назад в переходе. Что-то давило на грудь. Сильно. До такой степени, что это давление можно было использовать в реанимационных мероприятиях. Натиск этот был способен не просто заставить сердце биться, но проломить грудную клетку, сломать позвоночник. Франциск пытался одернуть себя, отвлечься, успокоиться, но ничего не получалось. Из рук выпадал стакан. Страх разливался. Из тела в дом. Он был здесь, в его квартире и в квартире напротив. Здесь и везде. Во всем городе. Соседи по лестничной площадке тоже были на площади. Как и Франциск, каждую секунду они пытались обновить новостные страницы, но сайты оппозиционных изданий не работали. В редакциях оппозиционных газет в это время проходили обыски, люди в форме выносили технику и журналистов.

По городу поползли слухи, что задерживать будут всех, кто был на площади. Но как? Объяснили, что арестовывать будут всех, чьи телефоны вечером надцатого декабря посылали сигнал с площади. В начале двадцать первого века этого было достаточно. Если ваш телефон посылал, вы должны сесть. Никого не волновало, что вы там делали. Главное, вы там были.

Франциск не отходил от компьютера. Тряслись руки, кровоточила губа. Каждую минуту интернет обновлялся просьбами о спасении. Циск постоянно натыкался на короткие сообщения, в которых авторы утверждали, что в их квартирах выламывают двери, вырезают замки. «Все, у меня выпиливают замок, сейчас будут задерживать, помогите!» На что надеялся этот человек? Как ему можно было помочь? Как? Люди сидели в собственных квартирах и думали только о том, что через несколько минут придут и за ними. Еще мгновение – и к ним ворвутся, еще мгновение – и возьмут. Людей задерживали, как преступников, задерживали за то, что они вышли на площадь узнать результаты выборов; и, узнав их, не разошлись по домам. Франциск

понимал, что не представляет для власти никакой угрозы, он не состоял ни в одной из запрещенных партий, не работал журналистом, не бил двери дома правительства – и все же всякий раз, когда лифт поднимался до его этажа, испытывал страх. Он вспоминал сон, о котором рассказывал Стас, и боялся, что через несколько минут сон этот станет явью. Франциск ходил по квартире, но с каждой минутой делать какое-либо движение становилось все сложнее. Франциск таял на глазах. Он хотел есть, но еда не лезла в горло, хотел в душ, но не находил в себе сил дойти до ванной. Франциск не мог нормально двигаться, дышать, открывать и закрывать глаза. Работал метроном, и Франциск не мог понять, откуда эта машина черпает силы. Слова мялись во рту, и речь все больше походила на ту, какой была несколько месяцев назад, когда Циск только открыл глаза.

Работал телевизор. Государственные каналы в один голос поздравляли нового президента с заслуженной, безоговорочной победой. О том, что на протяжении всего дня в городе производились обыски и задержания, предпочитали молчать. К чему говорить о том, что и так все знают? Не знали только о судьбе избитого кандидата в президенты, но и она быстро прояснилась. На экране появился врач... отчим...

Муж матери, не скрывая улыбки, рассказывал, что с бывшим кандидатом в президенты все в порядке. Шишка, и не более того. Далее отчим перечислял все проведенные процедуры и рассыпался в комплиментах действующему президенту, благодаря которому было закуплено самое современное оборудование...

В течение недели Франциск не выходил из комнаты. Не совершал ошибку. «Не выходи из комнаты, считай, что тебя продуло. Что интересней на свете стены и стула? Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером таким же, каким ты был... тем более изувеченным». За дверью было все бессмысленно, и Франциск продолжал проводить часы перед стиральной машиной, вновь и вновь разглядывая мокрые вещи, которыми жонглировал барабан...

* * *

Иногда приходил Стас. Молча раздевался и проходил в кухню. Сам заваривал себе чай и подолгу смотрел в окно. Себестоимость чувств, которые друзья испытали вечером девятнадцатого декабря, оказалась слишком высокой. Наступило время платить по счетам. Долго и дорого. Оставалось корить и утешать себя тем, что многие заплатят гораздо дороже. В городе впервые стали говорить о сроках, которые получают бывшие кандидаты. За что? Этим вопросом больше никто не задавался. Жизнь вернулась в привычное русло. Больше никто не спрашивал «за что». За «попытку подрыва стабильности». За «организацию революции». За «множественные бесчинства». Расстрел? Слава богу, нет. Этого бы никто не понял. Нет. Победившая власть была гораздо добрее, чем ее хотели выставить. Всего несколько лет, более того, многим условно. О такой снисходительности можно было только мечтать.

Город облегченно выдохнул, когда прошел слух, что дело о массовых беспорядках закрыто. Больше сажать не будут. Государственная машина и так не может переварить всех, кого заглотнула. Появился воздух. Теперь можно было выходить из дома не опасаясь, что в конце дня окажешься за решеткой. Хорошие, очень хорошие новости. Впору закатывать праздник, но праздников не было. Рождество и Новый год многие не отмечали. Непонятно было, за что поднимать бокалы. Город, в котором когда-то родился Франциск, по-прежнему оставался слишком маленьким. Здесь невозможно было оставаться в стороне. Так или иначе ты или кто-то из твоих знакомых оказывался в тюрьме. Здесь действовало правило даже не семи, но двух

рукопожатий. Слишком коротким было расстояние от твоей до соседской судьбы, до соседской беды.

Год заканчивался открытками, которые посылали заключенным, и новыми санкциями, которые страны континента вводили против вновь избранного президента. Ситуация стабилизировалась. Пыль возвращалась на свои места.

– Франциск, протри, пожалуйста, и трюмо тоже.

– Мама, я не буду отмечать с вами Новый год, хорошо?

– Даже не зайдешь к нам?

– Я могу вечером зайти, часов в семь, но боя курантов ждать не буду.

– Ну хоть бы по первому времени с нами отметил...

– Не хочу... Ни по их, ни по нашему времени не хочу отмечать! Мама, слушай, а где дедовские ордена?

– Дедовские?

– Да! Зачем ты переспрашиваешь, если все прекрасно слышишь? Где ордена, я не нашел их у бабушки.

– Ах ордена... А, ты имеешь в виду те дедовские ордена, которые у нас были. Те ордена... Ну, так зачем они были нужны? Они ведь вечно где-то пылились, никто их и не мог найти, а почему ты спрашиваешь?

– Мама, где ордена?!

– Мы их продали... Как мы тогда думали, чтобы куда-нибудь съездить...

– Это он сделал, да?

* * *

Франциск решил играть. Вновь. По несколько часов в день. Как в лицее. Он снял чехол и протер инструмент. Циск пришел к выводу, что лучшего способа не найти. Гаммы и трезвучия – вот спасение. Других способов Франциск не придумал. Самостоятельно Франциск проходил школьную программу. Вновь. Этюд за этюдом, штрих за штрихом. Залигованные фразы и страницы разорванных нот, вступления и финалы, каденции, каденции, каденции. Франциск не собирался поступать в консерваторию, но хотел играть так, чтобы не было стыдно за чистоту и соединения. Впервые в жизни Циск получал настоящее удовольствие от игры, от самого процесса звукоизвлечения. Его больше никто не заставлял. Напротив. Он сам брал в руки инструмент, сам канифолит смычок и садился к столу, что заменял пульт. День за днем, сам, без педагога, Франциск продвигался все дальше и дальше, вглубь сонат, к репризам и кульминациям. Слово асфальт снегом, будто плечи перхотью, гриф возле ставки покрывался белой полосой. Пальцы вспоминали свое дело. На левой руке заживали первые мозоли, на ставке появлялся нарост.

Теперь Франциск получал удовольствие не только от исполнения концертов, но от самой возможности сыграть фразу из этюда. «Слава богу, исполнять упражнения пока не запрещено». Сыграв первые такты концерта, Циск представлял себя на большой сцене филармонии. Он представлял, как вслед за ним вступает оркестр, и как перед заполненным до отказа залом он начинает сложный разговор с музыкантами и с залом, с дирижером, с инструментом – и с самим собой. Виолончель немного покачивалась, и, взобравшись на вершину пассажа, Франциск останавливался, чтобы повторить восхождение вновь.

Когда соседка начинала стучать, Франциск откладывал виолончель и, приготовив себе скромный ужин, садился перед телевизором. Порой, переключая телеканалы, Франциск представлял, что человек на экране – его отец. Ведущий новостного выпуска, безликий чиновник,

известный спортсмен. Вглядываясь в незнакомые лица, Франциск пытался отыскать в них родные черты. Иногда, по несколько раз за вечер, Циск присваивал отцовство тому или иному мужчине. Разглядывая морщинки под глазами министра иностранных дел и областного тракториста, спасателя и ректора государственного университета, Франциск раз за разом повторял про себя: «папа». Внимательно слушая очередное выступление президента, Франциск думал, что, возможно, именно этот мужчина когда-то охмурил его мать: «Быть может, они были вместе? Ночь, максимум две. Мать, конечно, помнит об этом, но теперь, как и все граждане страны, боится говорить даже о моем отце. Быть может, именно этим стоит объяснить тот факт, что этот человек, который и сам воспитывался без отца, так строг со своим народом?»

Франциск смотрел на президента и пытался убедить себя в том, что именно этот суровый и невзыскательный мужчина является его родным отцом, но ничего не выходило. Сходства не было. Франциск не понимал говорящего. Крупный взрослый мужчина пытался докричаться до сограждан, угрожал, запугивал собственный народ, и Франциск никак не мог понять, зачем он это делает. «К кому он обращается? Кто эти люди? Какую жизнь нужно прожить, чтобы поверить его словам? Что? Что должно произойти в жизни человека, чтобы он верил этим словам?»

Франциск продолжал думать о своем отце, и корреспондент государственного канала рассказывал жителям молодой республики, что «пятиконечная звезда на гербе нашей страны есть не пережиток красного прошлого, как могло бы показаться, но не что иное, как символ распятия Христа!». Франциск брался за голову и закрывал глаза.

* * *

Через несколько месяцев граждане маленькой республики пришли в себя. Наступило лето. Умерла экономика. Страну парализовал кризис.

Франциск часто звонил Стасу, но друг почти не отвечал, а если и отвечал, то делал это чрезвычайно холодно и отстраненно. Стас сетовал на загруженность и плотный график. Франциск понимал, что со Стасом что-то происходит, но спросить не рисковал:

- Встретимся сегодня?
- Нет, у меня плотный график.
- Какой график, Стас? Лето на дворе, ты в отпуске! Ты совсем сошел с ума, придурок?
- Сам придурок! Говорю тебе, я занят! Перезвоню!

Стас молчал. Стас что-то очень долго скрывал, скрывал несколько месяцев, с самого пробуждения Циска, пока однажды не позвонил и не предложил встретиться. На вопрос Циска, все ли хорошо, Стас ответил, что «теперь да», что, «наконец, все улажено».

- Бабуля, смотри кого я тебе привел, помнишь Стаса?
- Чувак, только не говори, что мы будем разговаривать с памятником!
- Ты же разговаривал со мной, когда я лежал в коме.
- Твоя бабушка говорила мне, что ты меня слышишь.
- Вот и я тебе, мудаку, говорю, что она сейчас нас слышит!
- Сам ты мудака!
- Ты мудака! Садись и рассказывай бабушке все, а я пока приберусь тут вокруг.
- Тут и так чисто!
- Я тебе, идиоту, говорю: разговаривай с бабушкой, а не со мной!

– Сам идиот! Здравствуйте, Эльвира Александровна! У меня все хорошо. С Настей разъехались, но это уже очень давно, и это, наверное, и хорошо, что мы с ней разъехались, как-то не складывалось у нас. Так что вот такие у нас новости. А что еще ей рассказывать?

– Все рассказывай, про то, что в городе происходит, расскажи.

– О! Это с легкостью! Это хорошо, что вы этого не видите, Эльвира Александровна! Предвыборные обещания нашего великолепного и единственного президента почему-то не случились. Наоборот. Мы в полной жопе, Эльвира Александровна!

– Не ругайся при бабушке!

– А чего не ругаться, если так и есть. Как это еще назвать, если не полной жопой?! Вы, Эльвира Александровна, даже представить себе не можете, что теперь в городе творится. Валюты в стране нет! Вообще нет. Люди стоят в очередях перед обменными пунктами сутками. Записываются в очереди. Драки! Я не шучу, представляете, настоящие драки за место в очереди! Но толку в этих драках все равно никакого нет, потому что валюты-то все равно нет! В общем, цирк полнейший. Живем, как в сказке! Ты-то будешь рассказывать бабушке или мне рассказать?

– Я сам, – Франциск сел рядом со Стасом и начал очень тихий, спокойный монолог.

– В общем, ба, я все взвесил, это не какое-то необдуманное решение, я долго об этом думал. В общем, я решил уехать. Я так больше не могу, правда. Судя по всему, нас действительно меньше. Я смотрю на людей вокруг – и вроде бы все всё равно довольны. Я устал, правда. Мне одной комы на жизнь хватило. Я потерял десять лет жизни и совсем не хочу потерять ее остаток. Я не хочу продавать унитазы, мне надоело. Все надоело, ба. Не хочу я так больше жить. Мне хочется, чтобы вокруг меня были здоровые, нормальные люди, чтобы было не страшно, мне надоело всего бояться. Мне надоело, что в этой стране ничего не меняется, мне все, все надоело! Видишь, обо всем об этом нужно кричать, а я говорю спокойно, размеренно, и это, мне кажется, самое ужасное. Я не хочу бороться, я хочу жить. Знаешь, ба, я на днях смотрел футбол по телевизору и понял одну вещь. Когда тебе десять, тринадцать, ты смотришь на экран и веришь в то, что однажды будешь точно так же выходить на поле. Ты не ходишь в секцию, профессионально не занимаешься футболом, но все равно веришь, что это может произойти, веришь только потому, что все люди на экране старше тебя. Ты понимаешь, что еще есть время. А теперь я понимаю, что времени у меня почти не осталось. Я позвонил Юргену несколько недель назад. Попросил прислать приглашение. Они прислали. Я поэтому сегодня и приехал к тебе пораньше. Мы сейчас тут с тобой поболтаем, и я поеду в консульство получать визу, вернее, подавать документы на визу. Ты не переживай, я буду приезжать к тебе, и я попросил Стасика, он тоже будет приходить...

– Да, Эльвира Александровна, вы не волнуйтесь! Я правда буду приходить, у вас тут даже спокойно как-то, хорошо...

– Я знаю, что плохо поступаю. Я знаю, что нельзя уезжать, когда другие люди продолжают бороться, когда куча людей сидит в тюрьмах только за то, что не хочет мириться со всем, что происходит в стране, но я не могу, правда, ба, не могу. Я не чувствую, что кому-то нужен здесь. Не чувствую, что кто-то нужен мне. Я везде чувствую себя бывшим. Бывшим соседом по дому, бывшим знакомым, бывшим сыном... В общем, я еще обязательно приду к тебе!

– И я, Эльвира Александровна!

По дороге с кладбища Стас вдруг заговорил:

– Чувак, я сейчас буду тебе рассказывать, но ты молчи. Я просто расскажу тебе, как все было, а ты потом скажешь, что думаешь, но можешь и не говорить, но зато ты все поймешь, хорошо?

– Хорошо...

– Да молчи ты, я говорю! Ты сегодня, когда говорил про бывшего сына, в общем... в общем... все ведь не всегда у нас так плохо было с Настей, когда-то было и хорошо, и, мне

кажется, мы даже любили друг друга. Ну или не любили. Какая разница, как это у людей называется? Во всяком случае, что-то было, совершенно точно. В некоторые первые дни что-то совершенно точно было. Она не говорила, не показывала, но, думаю, иногда она любила меня и перед подругами не стыдилась, понимаешь? Для таких людей, как она, главное не стыдиться перед подругами, и когда-то ей не было стыдно за меня, я даже уверен в этом. Ну вот. И когда-то она даже захотела ребенка. Ну и я захотел. Я правда хотел. Очень даже в какой-то момент хотел... мальчика. И она была не против. И мы начали... в общем, мы пробовали, пробовали, но не получалось ничего. Каждый месяц одно и то же... Пошли к врачу, оказалось, что я не могу стать отцом. Она молчала, я молчал, но как-то жили дальше. Она вроде даже и уходить не собиралась, и я правда думаю, что она не из-за этого ушла. Из-за таких вещей не уходят. Бред это все. Не уходят из-за желания иметь детей, уходят из-за мелочей. Да, она ушла, потому что я не могу ей побрякушки дарить, а не потому что сына не подарил. Были бы подарки, была бы машина новая и квартира, она бы еще век со мной прожила, но дело не в этом... Мы усыновили мальчика... взяли в детском доме... хороший парень такой был. Сначала тихий такой был волчонок, не говорил почти совсем, боялся не понравиться, еду прятал, а потом ничего, оживать стал. И я думал, что все в порядке будет, но она уже к тому времени поняла, что не хочет не со мной жить, не хочет сына моего приемного растить в нищете. Она хотела летом на пляж ездить, ей вещи новые нравились, а не он, он ей не нравился...

– Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени?

– Потому что мы вернули его...

– В каком смысле?

– Вернули обратно в детский дом... Поверь, вернуть ребенка в детский дом теперь гораздо проще, чем обменять по гарантии испорченный телефон. Ей он был не нужен, я подумал, что один вряд ли смогу его хорошо воспитать... там все-таки учителя профессиональные, психологи...

– Ты понимаешь, что этого мальчишку дважды бросили?

– Да, я теперь все время об этом думаю...

– И что ты теперь собираешься делать?

– Не знаю... совсем не знаю, вот с тобой хотел посоветоваться...

– Ну, ты мудак, конечно...

– Знаю.

– Подожди меня здесь, поговорим после собеседования.

Худой мужчина за бронированным стеклом долго изучал документы. Франциск хорошо знал его. Он часто бывал в новостном кафе. С семнадцатилетними девочками он выпивал без бронированного стекла, но правила оставались правилами. Франциск не возражал. Несколько раз перетасовав документы, германт улыбнулся, взял паспорт Франциска и куда-то ушел. На полчаса. Несколько раз к креслу подходил другой человек. Смотрел приглашение, выписку с работы, поднимал глаза на Франциска, улыбался и уходил. Затем, наконец, вернулся первый сотрудник. На этот раз неловко улыбнулся Франциск. Германт включил микрофон:

– Тсель визита?

– Я хочу встретиться со своими родителями.

– Фаши родители? Они сейчас у нас?

– Да, они живут там.

– Фаши родные родители?

– Нет, моя приемная семья. Я много раз бывал у них. В детстве. Когда был маленький. Много лет назад, не сейчас. А сейчас они меня приглашают.

– Фы говорите, что, что много раз были у нас, но у фас чистый паспорт.

– Это новый. Я десять лет провел в коме.

– Так что фы собираетесь телать?
– Ничего. Просто хочу повидать родителей.
– На сколько?
– Что на сколько? Насколько сильно я хочу повидать их?
– На сколько по фремени фы хотите поехать?
– Я не знаю, это зависит от того, какую вы дадите мне визу. Я сделаю все что нужно, у меня есть все бумаги, я куплю обратные билеты, хотите, я уже сейчас могу купить обратные билеты...

– Это фсе хорошо, фсе понятно и все ше мы бы хотелось знать, есть ли у фас какие-нибудь планы? У фас назначены какие-нибудь фстречи? – Когда германт задал этот вопрос, за его спиной появились еще двое сотрудников консульства. Теперь трое мужчин с подозрением слушали Циска.

– Нет, у меня нет никаких планов... я бы просто хотел встретиться со своими родителями... У меня же есть приглашение и все необходимые документы, разве нет?

– Та-та, с документами фсе ф порядке, но... – германт переглянулся с коллегами и, взяв со стола какой-то лист, приложил его к стеклу.

– Фы знаете это человека? – Франциск сразу увидел подчеркнутую желтым маркером фамилию.

– Фы ведь знакомы? Это фаш родственник?

– Нет, он никакой мне не родственник. Это второй муж моей матери... мой отчим...

– Фы знаете, что он в списке лиц, которым запрещен фъезд в нашу страну из-за его сотрудничества с режимом?

– Да, мама мне говорила об этом.

– Ф каких отношениях фы состоите со своим отчимом?

– О чем вы говорите? Какое вообще отношение это имеет к моей визе?

– Фы дружите? Общаетесь?

– Нет, мы почти не общаемся...

– Фы живете фместе?

– Нет, я живу отдельно.

– Но фы поддерживаете отношения?

– Нет, я же говорю вам, мы вообще не общаемся! Как вы вообще выкопали, что он мой родственник? У нас разные фамилии! С каких это пор вы стали так хорошо работать?

– Что вы имеете ф фиду?

– Я имею в виду, что не имею к нему никакого отношения! И вообще, с какой стати я должен отвечать за него? Какое отношение эти вопросы имеют к моей поездке?

– Это мы и пытаемся фьяснить...

– Мне кажется, достаточно того, что я уже сказал.

– Фозможно, – германт еще раз повернулся к коллегам.

Один из них что-то дал понять. Без слов и кивков. Одним лишь взглядом. Интервьюер повернулся к Циску и с располагающей, похожей на добрую улыбкой произнес:

– Мы вам перезвоним...

Собираясь на кладбище, Франциск заметил, что метроном остановился. «Кончился», – подумал Циск. Он завел снова, но прибор не заработал. Маятник не двигался. Франциск решил, что отремонтирует метроном вечером, и позвонил отчиму. Циск сделал то, о чем просила бабушка. То, о чем иногда, впрочем никогда вслух, просила мать. Франциск позвонил и сказал «спасибо». Поблагодарил за заботу, новую жизнь и квартиру. Одним словом за все. Последнюю фразу отчим не расслышал, потому что был на рынке и не мог говорить.

Через несколько дней, сидя против могилы бабушки, Франциск рассказывал о том, что визу дали, но теперь он не очень-то понимает, что с ней делать. Забот стало в два раза больше. Теперь ведь нужно ухаживать не только за ее могилой, но и за могилой Стаса. Он повесился, так и не дождавшись конца собеседования. «Его похоронили там, за оградой».

Франциск рассказывал о похоронах Стасика и о том, что Настя не смогла приехать, потому что была на отдыхе с каким-то пожилым германтом.

– Видишь, как бывает, бабуля, обманул нас Стасик. Говорил, что будет приходить к тебе, а сам уже знал, что не будет. А я, честно говоря, и не думал, что все так получится... Странно все это... Странно все, правда, ба... я вот тебе кое-что принес... смотри... у меня для тебя сюрприз... это наш магнитофон... помнишь? Я записал тебе этюд. Хочу чтоб ты послушала. Может и Стасян услышит, впрочем, я, наверное, не буду громко включать, там вон люди поминуют. Я негромко включу, хорошо? Ты только не будь очень строга, я все-таки сам все вспоминаю, но мне кажется, что теперь получается гораздо лучше. Во всяком случае, я стал сознательнее. Мне самому теперь нравится следить за тем, чтобы все было чисто, и за соединениями я слежу, и за переходами. Знаешь, ба, я никогда не думал, что когда-нибудь буду получать натуральное, физическое удовольствие от того, что пальцы ударяют по ставке, от того, что получается звук. Мне теперь так стыдно перед тобой за то, что я ленился... за то, что столького не понимал... Ну так что, слушаем?

Франциск нажал на выгоревший черный квадрат. На пленке смычок коснулся струны. Появился звук. Нота перетекла в ноту. Магнитофон воспроизводил, и Франциск комментировал собственное исполнение:

– Здесь, конечно, можно было бы сыграть и получше, а здесь, мне кажется, получилось неплохо.

Из-за ограды на Франциска смотрели люди. На несколько мгновений их заинтересовал молодой человек, который разговаривает с памятником под грустную музыку. Впрочем, ничего необычного в этом не было, на кладбище все говорили. Без музыки, конечно, но может парень сошел с ума? С кем не бывает? Нормальный человек, несомненно, музыку ставить не будет. Это не принято. У нормальных людей принято разрезать колбасу и выпивать у могилы, принято поминать с набитым ртом.

Франциск уходил, мелодия разлеталась над кладбищем. Красивая, ровная мелодия виолончели. Без фальши.

Возвратившись в город, Франциск решил зайти в новостное кафе. Он никогда не бывал здесь без Стаса, но теперь отчего-то решил рассказать официантам, что Стаса больше не будет.

Возле барной стойки рассчитывалась переводчица. Франциск сразу узнал ее. Она стояла так близко, что Циска пробрала дрожь. Светло живот. Франциск увидел морщинки у уголков глаз и понял, что никогда в жизни, по крайней мере в своей новой-новой жизни, не видел ничего красивее.

– Я очень долго хотел поговорить с вами, вы меня не помните?

– Помню, конечно...

– Вы уже уходите?

– Да... я расплатилась...

– Можно я провожу вас?

– Не думаю, что это доставит тебе удовольствие...

– Вы плохо водите?

– Нет, я езжу на метро.

– Тем лучше! Который сейчас час? Я тоже собирался в метро!

– Без пятнадцати шесть. Но ты же только что пришел...

- Ну и что? Приду в другой раз! Значит, можно я вас провожу?
- Пойдем...
- Я счастливый!
- Почему?
- А не знаю, просто счастливый сейчас очень.
- Ну пойдем, счастливый...

* * *

Взрыв на станции, названной в честь одной из революций, раздался в семнадцать пятьдесят пять. Предположительно в том месте, где Франциск должен был предложить переводчице встретиться еще раз. Взрывное устройство было самодельным и скорее всего радиоуправляемым. Его мощность составляла около пяти килограмм в тротиловом эквиваленте. Вероятно, оно было начинено рубленой арматурой, гвоздями 80 x 8 мм и металлическими шариками диаметром около полутора сантиметра. Быть может, Франциск не зашел на станцию, быть может, зашел, но успел попрощаться с любимой и покинуть станцию до того, как прозвучал взрыв, от которого над эскалатором обрушился металлический подвесной потолок и элементы декора...

Уже через несколько минут к станции прибыли первые пожарные расчеты и кареты скорой помощи. Движение на линии было перекрыто. На соседней «Площади мне не в моги» пассажиров не пропускали в метро. На месте происшествия начинали работу сотрудники МЧС. Президент Республики провел экстренное совещание по поводу чрезвычайного происшествия, после чего вместе с министром внутренних дел и своим семилетним сыном спустился на залитую кровью платформу, чтобы возложить цветы. 14 апреля метро заработало в обычном режиме...

...Спустя несколько месяцев молодой человек играл на виолончели. В стране германтов. В центре портового города. На улице. Всего в нескольких шагах от городской ратуши. Местные служители порядка не прогоняли его. Мелодия сливалась с доносящимися с реставрационных работ звуками, и от того становилась все более живой и настоящей. Время от времени этюд заглушала набирающая обороты дрель, но парень не обращал на это внимания и продолжал. Группа туристов из страны восходящего солнца с большим удовольствием фотографировала виолончелиста. Я смотрел на него и пытался понять: что может заставить человека выйти на улицу? Как должна сложиться его судьба? Что он должен пережить? Что должно случиться в его жизни и что, наоборот, не должно? Почему этот похожий на меня парень стал уличным музыкантом? В каком городе он родился? В какой школе учился? Я пытался представить, кем были его родители, была ли у него бабушка и хорошей ли женщиной она была, но мелодия закончилась, раздалась аплодисменты...

Парень встал, поблагодарил слушателей, сложил пюпитр, стульчик и ушел. Я посмотрел ему вслед и включил плеер. И человек запел:

Раскажы, што з нашым класам? —
Піша Павал з Тэль-Авіва.
Цяжка выжыць гэтым часам,
А тым болей – жыць шчасьліва...

Хельсинки, 2012